ISBN 0131--5706

Научно-публицистический журнал

4/2003—1/2004



РОССИЯ

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-публицистический журнал

Учредители:

Министерство образования Российской Федерации

Министерство промышленности, науки и технологий Российской Федерации

Правительство Республики Мордовия

Государственное научное учреждение «Научно-исследовательский институт регионологии при Мордовском государственном университете имени Н.П.Огарева»

Журнал издается с октября 1992 г.

Выходит 1 раз в квартал

4/2003—1/2004

(№ 45—46)

СОДЕРЖАНИЕ

3 **Е.М.Примаков.** 2003-й — итоги, 2004-й — начало

Проблемы федерализма

11 **М.М.Курманов, Е.Б.Султанов.** Законодательный орган государственной власти региона и судебная система Российской Федерации

Территориальное управление

22 **В.А.Яковлев.** Страна не может жить по принципу лоскутного одеяла

26 **С.Л.Бехтерев.** Становление института президентства в Удмуртской Республике

34 **Р.Н.Каукина.** Развитие городского самоуправления в России в конце XVIII — начале XIX в.

Экономика региона

46 **А.А.Голубев.** Интеграционные тенденции экономики в условиях нестабильной среды хозяйствования

53 **И.В.Арженовский.** Региональные сети и региональная экономическая политика: перспективы взаимодействия

60 **В.В.Митрохин.** Перспективы развития региональных банковских систем

66 **А.Н.Чаплина.** Управление потребительским рынком города

78 **З.Л.Гарипова.** Современная региональная кредитная политика на рынке жилья

88 **О.В.Буреш.** Некоторые аспекты прогнозирования развития транспортного комплекса региона

100 **М.В.Сероштан, Г.А.Бунич.** Перспективы развития кооперативного туризма в России

106 **С.Н.Захарова, В.А.Кутузов.** Проблемы государственной поддержки полиграфической отрасли

Образование: региональный аспект

112 Управление высшим образованием — новые задачи

121 **Е.М.Белый, И.Б.Романова.** Стратегические инновации регионального университета

126 **В.А.Кретинин.** Система подготовки кадров, адаптированная к потребностям регионального рынка труда

136 **Н.Б.Пугачева.** Некоторые проблемы взаимодействия школы и органов управления образованием региона

Научно-техническое развитие и сотрудничество

141 **В.Р.Степанов.** Формы интеграции научного и производственного потенциала в условиях развития НТР

Социология региона

151 **О.А.Рагимова.** Стратификационные процессы в формировании социального здоровья детей 7—8-летнего возраста г. Саратова

158 **Я.Г.Николаева.** Особенности жизнедеятельности неполных городских семей в Чувашской Республике

169 **О.А.Богатова.** Механизмы гармонизации межэтнических отношений в региональном социуме

Народы России: возрождение и развитие

183 **И.М.Вельм.** Роль природно-климатических и социально-исторических факторов в формировании национального менталитета

197 **И.Е.Ильин.** Толерантность межэтнических отношений сельских районов Чувашии

Провинциальная культура

202 **А.Ю.Тихонова.** Картографический метод в изучении истории региональной культуры

Юбилей ученого 209

Рецензии 210

Новые книги 219

Редколлегия:

А.И.СУХАРЕВ (главный редактор)
В.Д.ВОЛКОВ
Т.И.ГОЛУБЧИК (ответственный секретарь)
В.И.ГРИБАНОВ
Д.В.ДОЛЕНКО
В.В.ИВАНОВ
В.В.КОЗИН (заместитель главного редактора)
В.В.КОНАКОВ
Н.С.КРУТОВ
Г.Ф.КУЦЕВ
Н.П.МАКАРКИН
М.В.МОСИН
В.А.НЕЖДАНОВ
В.А.НЕЧАЕВ
Ю.А.НОВИКОВ
К.И.ПЛЕТНЕВ
С.В.ПОЛУТИН
О.И.ПРУДНИКОВ
М.Н.ХОХЛОВ
Ю.В.ШЛЕНОВ
В.А.ЮРЧЕНКОВ

© «Регионология», 2004



Е.М.ПРИМАКОВ

2003-й — ИТОГИ, 2004-й — НАЧАЛО

Каковы для России результаты прошедшего 2003 г.? Начнем с экономики*. Пятый год подряд российская экономика развивалась достаточно высокими темпами. Снижение темпов в 2003 г., как предсказывали некоторые эксперты, не произошло. Напротив, они достигли 6,8 %. Инфляция сократилась до 12 %. Эти показатели должны внушать оптимизм. Однако картина выглядит сложнее.

Рост за счет внешних факторов на пределе

Главным фактором роста были высокие цены на российский экспорт сырья, в основном нефти и газа. Цена сорта нефти «Brent» составляла в 2001 г. 24,5 дол./барр., в 2002 г. — 25, в 2003 г. — 28,6 дол./барр. Между тем это, очевидно, наивысшая точка подъема. По прогнозам, цена на этот сорт нефти в 2004 г. снизится до 25—26 дол./барр. Конечно, и это — высокая цена, но, как показывает практика, само снижение цены, пусть даже не лавинообразное ее падение, является отрицательным фактором для экономического роста страны.

Увеличение внутривалового продукта (далее — ВВП) в 2003 г. в России произошло также за счет увеличения объемов добычи сырья. Было добыто 420 млн т нефти. Однако этот рекордный за весь постсоветский период объем был добыт в основном на месторождениях, открытых и обустроенных в советский период, поэтому без значительных капиталовложений этот источник роста резко ограничен на будущее.

Экономический подъем в России был обеспечен в 2003 г. ростом инвестиций на 12 %, но их большая часть приходится на топливно-энергетический комплекс (далее — ТЭК), причем в явно недостаточных масштабах и для его развития.

Вывод напрашивается один: увеличение темпов роста экономики России за счет внешних факторов на пределе. Этот вывод подкрепляется ежегодным прогнозом Института миро-

---

ПРИМАКОВ Евгений Максимович, президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации.

вой экономики и международных отношений (далее — ИМЭМО), согласно которому «в 2004 г. Россия впервые с 1998 г. столкнется с ситуацией, когда внешние факторы роста ослабеют, а внутренние факторы роста еще не окрепли». В результате, по оценкам ИМЭМО, темпы роста российского ВВП в 2004 г. сократятся в лучшем случае до 5,7 %, т.е. на целый процент. Есть все основания доверять такому прогнозу — сопоставление оценок с фактическими данными за 2002 г. показало, что прогноз ИМЭМО более точен, чем, например, прогноз МВФ.

Сокращение темпов экономического роста в России произойдет на фоне устойчивого роста в 2004 г. ВВП США — не менее чем на 4 %, Европейского союза — более 2, Японии — 2, Китая — 7,5, Индии — 5,6 %. Следует добавить, что уже в 2003 г. «локомотивом» роста оказались США, Китай и Индия, на долю которых пришлось почти 40 % мирового ВВП.

Неоднозначные результаты

Какие выводы можно сделать в таких условиях?

1. Проявляется явная несостоятельность предположений, что развитие российских сырьевых отраслей обеспечит в ближайшей перспективе развитие всей экономики страны. Накопленные финансовые ресурсы сырьевого сектора в относительно незначительной части вкладываются в другие отрасли экономики. Несмотря на увеличение общего притока капитала в страну, владельцы сырьевых компаний, как правило, предпочитают вывоз прибыли за границу. Негативное влияние такой практики усугубляется в настоящее время, когда основная тяжесть экономического роста переносится на внутренние факторы. В таких условиях особое значение приобретает выверенная государственная промышленная политика, способная дать импульс инновационному развитию российской экономики. ТПП России подготовила свой проект Концепции и Программы государственной промышленной политики, который нашел широкую поддержку среди ученых и практиков в центре и на местах.

2. Прогнозируемые темпы роста на 2004 г. далеки от вывода о том, что в России будет удвоен ВВП в течение 10 лет. Более того, при экстраполяции существующей практики «проедания» сырьевыми компаниями природных ресурсов, по авторитетному свидетельству директора Института геологии нефти и газа Сибирского отделения РАН академика Конторовича, «после 2010—2013 гг. мы получим не рост ВВП, а его падение вследствие падения объемов добычи газа и особенно нефти».

При этом хочу подчеркнуть, что десятилетняя планка удвоения ВВП, зафиксированная Президентом Путиным, — не дань лозунговой пропаганде. Это та минимальная высота, которая даст возможность России не отстать катастрофически от постиндустриальных стран и решить свои социальные проблемы — большие и тревожные. Несмотря на некоторое в 2003 г. сокращение числа людей, находящихся за чертой бедности, доходы каждого пятого россиянина остаются ниже официально установленного прожиточного минимума. Между тем в 2003 г. замедлился рост потребительского сектора, сохраняется большая безработица, растет дифференциация населения по доходам.

Неоднозначность результатов 2003 г. для экономического развития России не случайна. С одной стороны, очевидны определенные успехи в переходе к рыночным отношениям — никто не может отрицать этого. С другой стороны, все отчетливее проявляется тормоз, угрожающий перерасти в блокировку нормального движения страны по рыночным рельсам.

Особенности «олигархического капитализма»

Таков результат развития олигархического капитализма в России. При этом 2003 г. можно считать кульминацией этого.

К моменту избрания в 2000 г. В.В.Путина Президентом, группы олигархов уже не только полностью сформировались, но, использовав известные особенности приватизации в России, реально создали условия для беспрепятственного сказочного обогащения. В этих целях такие группы оказывали серьезное влияние на законотворческие и нормотворческие процессы, расставляли своих людей практически во всех ветвях власти. Очевидно, сразу после прихода в Кремль нового Президента было невозможно радикально отказываться от олигархического направления капиталистического развития России без дезорганизации экономики, дестабилизации политической ситуации в стране.

С учетом всех особенностей положения сформировалась система действий: при сохранении существующих экономических условий деятельности приватизированных сырьевых монополий они должны были взять на себя обязательства, которые могли бы изменить эволюционным путем олигархический характер капиталистического развития России. К таким обязательствам логично отнести честную выплату налогов, повышение заработной платы своим работникам, социальное обустройство территории, на которых работают их предприятия, вкладывание достаточных средств в приращение запасов природных ресур-

сов страны и, самое главное — отказаться от грубого вмешательства в политику, не развращать общество, насаждая во всех властных структурах лоббистов своих интересов.

Контролировать выполнение обязательств со стороны олигархических структур должен был бывший руководитель Администрации Президента. В 2003 г. стало ясно, что олигархические группы продолжают своевольничать, все больше уверовав во вседозволенность своих действий.

Во-первых, не только продолжались, но и наращивались махинации с налогами. Недавно в интервью агентству «Рейтер» министр экономического развития и торговли Г.Греф заявил, что сначала они покупают дырки в законодательстве, потом покупают чиновников, а потом «оптимизируют» налоги. «Наши нефтяники, — сказал он, — не гнушаются никакими методами, чтобы эти дырки просверлить».

Во-вторых, не только продолжалось, но и усиливалось проникновение олигархических групп во все властные структуры. «Наиболее активно работал с депутатами „ЮКОС“», — утверждается в статье под названием «Депутат барреля», опубликованной не в государственном СМИ, а в журнале «Власть» издательства «Коммерсантъ». Эта статья появилась уже после ареста Ходорковского.

Полагаю, что в результате всего этого к основным внутренним событиям в России в 2003 г. можно отнести «дело „ЮКОСа“» и феноменальные результаты выборов в Государственную Думу. Эти события одного ряда. «Дело „ЮКОСа“» не может рассматриваться, как это представляют некоторые, в качестве «схватки под ковром» «питерских чекистов» с «питерскими юристами» или тех и других с «московскими либералами». Такие умозаключения — типичное скольжение по поверхности. «Дело „ЮКОСа“» — это стремление власти, пока не поздно, дать отпор вседозволенности групп олигархов. Это стремление естественное. Оно свидетельствует о намерении отказаться от олигархического характера экономического, и не только экономического развития России. Причем отказаться не через глобальный пересмотр результатов приватизации — Президент России не раз подчеркивал, что этого не произойдет, что такой путь невозможен. Речь идет лишь о лицах, совершивших преступления.

О чем говорят выборы в Думу

Результаты выборов в Государственную Думу показали, что такая линия пользуется широкой поддержкой россиян. Дело в том, что каждый, кто голосовал за «Единую Россию», голо-

совал за Путина. Вместе с тем абсолютно неправильно относить всех тех, кто голосовал за другие партии к антипутинскому лагерю. Их выбор был обусловлен скорее не отказом от поддержки президентского курса, а неприятием в ее нынешнем виде партии «Единая Россия». Сокрушительное поражение СПС связано с тем, что в народе ее ассоциируют со всеми провалами и невзгодами 90-х гг. и непосредственно — с формированием и поддержкой олигархического капитализма в России. Кстати, лидеры СПС ни разу не признали свои ошибки, высокомерно отвергая любую критику, что тоже не увеличило поддержку населением их курса.

Представляется, что потеря КПРФ половины своего электората тоже связана с недовольством из-за отсутствия у этой партии конструктивизма в оппозиции в отношении власти. Нужно понять, что удержать электорат сегодня нельзя отрицанием начисто всего, что делает российское руководство, плюс лозунгом: «Да здравствует товарищ Сталин!».

Вместе с тем хотя итоги выборов в Госдуму свидетельствуют о победе курса, проводимого Президентом, нельзя закрывать глаза на то, что в обществе, особенно в предпринимательских кругах, существует беспокойство, как бы широко поддерживаемые меры против всесилия олигархических групп не привели к установлению режима, не благоприятного для предпринимательства в целом. «Подпиткой» таких настроений стало взятие до суда под стражу Ходорковского. Я думаю, что Генеральная прокуратура должна будет на открытом процессе — именно на открытом процессе — доказать свою правоту.

Определенное беспокойство, испытываемое предпринимателями, порождено опасениями того, что усилятся те элементы, которые хотели бы использовать ситуацию не для утверждения всевластия закона, а для введения авторитарных методов управления. Нельзя ни в коем случае допустить, чтобы этому способствовало справедливое стремление избавить российский путь рыночного развития от олигархической окраски. Насколько не призрачны причины таких опасений показывает, например, явное сопротивление госаппарата проведению административной реформы в России, особенно передаче части своих функций саморегулируемым предпринимательским структурам.

Как представляется, новая Госдума стоит перед необходимостью, с одной стороны, незамедлительно ликвидировать те дыры в законах, через которые действуют в антиобщественных интересах олигархические группы, как они заявляют, — на «законных основаниях». С другой стороны, перекрыть те

лазейки, которые используют «оборотни» в различных государственных структурах против честных предпринимателей с целью собственной наживы. Российское предпринимательство в целом, а это сегодня уже немалая сила, будет судить о достоинствах и недостатках новой Госдумы именно по ее способности быстро решить эту двуединую задачу. У ТПП России есть веские основания для такого вывода на основе повседневных контактов с различными предпринимательскими структурами.

Внешние условия

Что касается внешнеполитических вопросов, то основным событием 2003 г., несомненно, была военная операция США против Ирака. Удар по Ираку был нанесен Соединенными Штатами без санкции ООН. Жизнь опровергла громогласно заявленные мотивы этой военной операции — в Ираке не обнаружено ни оружие массового уничтожения, ни связи свергнутого режима с террористической организацией «Аль-Каида», которая совершила чудовищное преступление против США 11 сентября 2001 г. Вторжение в Ирак было осуществлено на основе новой внешнеполитической доктрины, провозглашенной американским руководством, согласно которой США принимают самостоятельные решения и осуществляют самостоятельные превентивные действия в том случае, если ими выявляется угроза для американской безопасности. Такая линия, получившая название «унилатерализм», берет свое начало и поддерживается неоконсерваторами из окружения президента Буша.

Ирак стал первой жертвой унилатерализма и первой территорией, где проявилась несостоятельность такой политики. В военном отношении США — в этом не было никаких сомнений — смогли одержать убедительную победу над иракскими вооруженными силами, но в одиночку США оказались не в состоянии решить проблемы послевоенного Ирака, а проблемы эти немалые и нелегкие. Продолжается сопротивление, приносящее серьезные потери оккупационным силам. Далеки от решения задачи управления послесаддамовским Ираком. Большинство арабского населения Ирака составляют шииты, которые добиваются власти. Однако их утверждение в качестве господствующей в Багдаде силы сулит приход к власти радикального исламского режима — на политической арене в Ираке исламские партии шиитов самые дееспособные. Не решена проблема курдов на севере Ирака. Они уже имели свою автономию при Саддаме Хусейне. Добиваться большего, а это либо самостоятельное государство, либо присоединение к курдской автономии Киркук и Мосула, славящихся своими

нефтяными богатствами, весьма рискованно. Турция уже заявила, что при любом из этих двух вариантов введет свои войска на север Ирака.

В таких условиях США начали отступать от своей первоначальной линии на единоличное решение иракских проблем. Были приняты три резолюции Совета Безопасности ООН по вопросам послевоенного обустройства в Ираке. Тот же Вашингтон, который в начале операции заявлял, что не допустит никакого ооновского присутствия в Ираке, проголосовал за эти резолюции, которые, не перечеркивая оккупационный режим, тем не менее усиливают роль Организации Объединенных Наций в решении не только гуманитарных, но и политических проблем Ирака.

Американская операция в Ираке поставила Россию перед трудным выбором. Отказаться от своей принципиальной позиции против силовых приемов США при игнорировании роли ООН Россия не могла. Это означало бы согласие с гегемонизмом США в мировых делах, против чего выступили даже такие союзные с США страны, как Франция, Германия и большинство других государств в мире. Совершенно ясно, что соглашательская позиция не способствовала бы также эволюции американской линии в Ираке, постепенному отходу США от «унилатерализма».

Вместе с тем антиамериканизм в политике мог бы ослабить борьбу против международного терроризма, распространения ядерного оружия, что ярко проявляется в ситуации вокруг ядерной программы КНДР — позитивные подвижки в этом вопросе не происходили бы без участия США. Антиамериканизм в политике мог бы ослабить также усилия по ликвидации ближневосточного конфликта, в конце концов способствовать возвращению «холодной войны».

Единственный выбор

Россия в таких условиях заняла единственно правильную позицию, которая уже приносит свои плоды: не отказываясь от принципиальной линии в отношении своевольных действий США в Ираке, не давать этой линии перерасти в антиамериканский курс во внешней политике. Одновременно в 2003 г. были предприняты меры по развитию наших отношений с Европейским союзом, Китаем, Индией, другими государствами. В этом проявился высокий профессионализм российского руководства и МИДа России.

Важной составляющей внешнего фона для России в 2003 г. были события в Грузии. Далеко не конституционным путем

там был устранен от власти Шеварднадзе. После этого состоялись выборы, в результате которых уже конституционно избран новый президент. США не оставались безучастными к грузинским событиям, принеся в жертву Шеварднадзе. Однако интересы России и США совпали в том, чтобы переход власти в Грузии обошелся без кровопролития.

Какова перспектива российско-грузинских отношений? Заинтересованность России в их нормализации и укреплении бесспорна. Для этого существуют серьезные предпосылки — в заявлениях новых грузинских руководителей проявилось стремление отказаться от тех неуклюжих форм конфронтации, которые культивировались в прошлом, и вести дело к добрососедским отношениям с Россией. Очевидно, и нам нужно пройти свою часть пути, выработать четкую линию, которая наряду с сохранением позиции по признанию территориальной целостности Грузии помогла бы реально, на деле нормализовать отношения Тбилиси с Абхазией, Южной Осетией, Аджарией. В этом заключаются и российские национальные интересы.

Трудно ли сделать это? Несомненно, трудно, но у России есть богатый опыт миротворчества. В свое время мы уже предлагали формулу урегулирования, которая включала в себя в качестве важнейших элементов, во-первых, согласие всех территорий находиться в общем государстве с федеративным устройством, субъекты которого (Абхазия, Аджария и Южная Осетия) будут обладать большой степенью самостоятельности; во-вторых, подписание соглашений о мирном урегулировании с Абхазией и Южной Осетией и приведение конституций всех сторон в соответствие с этими соглашениями.

Российское предпринимательство однозначно заинтересовано в развитии наших связей со всеми странами СНГ. Этот процесс, несомненно, будет подкреплен нормализацией российских отношений с Грузией.

Хотел бы подчеркнуть следующее: по мнению Торгово-промышленной палаты России в прошедшем году проявился позитивный характер курса руководства страны. Есть, конечно, и недоработки, однако они не превалируют, именно поэтому правление ТПП России на своем заседании 24 декабря от имени 159 торгово-промышленных палат страны поддержало выдвижение В.В.Путина на следующий срок президентства в России.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Статья подготовлена на основе выступления президента Торгово-промышленной палаты Российской Федерации Евгения Примакова на заседании «Меркурий-клуба» 14 января 2004 г.

«Российская газета». 2004. 16 янв.



М.М.КУРМАНОВ



Е.Б.СУЛТАНОВ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ОРГАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РЕГИОНА И СУДЕБНАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Внесение изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»[1], Федеральный закон «О статусе судей в Российской Федерации»[2] и принятие Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»[3] привели к новым правоотношениям между законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации (законодательный орган субъекта РФ) и мировыми судьями, квалификационными коллегиями судей субъектов Российской Федерации.

В процессе приведения законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ в соответствие с федеральным законодательством взаимодействие законодательного органа субъекта РФ с судами при рассмотрении дел о признании нормативного правового акта субъекта Российской Федерации, противоречащими федеральному законодательству, имеет немаловажную роль. Поэтому возникает необходимость анализа измененного и дополненного федерального законодатель-

КУРМАНОВ Мидхат Мазгутович, депутат Государственного Совета Республики Татарстан, кандидат юридических наук.

СУЛТАНОВ Евгений Батырович, доцент кафедры конституционного и международного права Казанского государственного университета, кандидат юридических наук.

ства в связи с судебной реформой, законов субъектов Российской Федерации о порядке назначения членов квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации, избрания мировых судей, участия законодательных органов в общественных процессах региона.

В соответствии с п. «л» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ[4] вопросы кадров судебных органов находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. В связи с этим возникают вопросы: какое содержание вкладывается в понятие «кадры судебных органов»? В каком оптимальном соотношении необходимо фиксировать полномочия Российской Федерации и полномочия ее субъектов?

Изменения и дополнения федерального конституционного, в частности, и федерального законодательства в целом, были направлены на разграничение компетенций между Российской Федерацией и ее субъектами по вопросам кадров судебных органов и частично решили этот вопрос. Под кадрами в данном случае понимаются кандидаты в судьи, судьи федеральных судов, мировые судьи, члены квалификационных коллегий судей.

В решениях Конституционного суда Российской Федерации по п. «л» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации закрепляется правило: полномочия между Российской Федерацией и ее субъектами по предметам совместного ведения должны распределяться таким образом, чтобы при принятии соответствующих решений обеспечивались учет и согласование интересов РФ и ее субъектов[5]. В первой половине 90-х гг. XX в. вопросы кадров судебных органов решались путем согласования кандидатур на должности судей судов общей юрисдикции с законодательными органами субъектов РФ. Так, например, на заседании Государственного совета Республики Татарстан по представлению Председателя Верховного суда Республики Татарстан обсуждались кандидатуры и проводилось голосование. В период с 1996 по 2002 гг. согласовано (избрано) более 800 кандидатов и только в одном случае было отказано в согласовании. Иными словами Государственный совет Республики Татарстан активного влияния на определение кадровой политики судебной системы не оказывал и не мог оказывать, т.к. Конституционный суд Российской Федерации определением от 21 декабря 2000 г.[6] установил, что при несогласии законодательного органа субъекта РФ с назначением конкретного лица на должность судьи не исключается возможность как представления Председателем Верховного суда Российской Федерации данной кандидатуры Президенту Российской Федерации, так и право Президента назначить на

должность то лицо, чья кандидатура не была согласована с законодательным органом региона. Иное означало бы сужение компетенции РФ в решении вопросов, отнесенных к ее ведению ст. 71 п. «о» Конституции РФ, а также ограничение предусмотренного ст. 83 п. «е» и 128 ч. 2 Конституции РФ.

В результате реформирования судебной системы в Российской Федерации законодательные органы субъектов РФ в соответствии со ст. 11 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» от 24 марта 2002 г. № 30-ФЗ наделены правом в установленном законами и иными нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации порядке назначать 7 представителей общественности в квалификационную коллегию судей субъекта РФ. Существуют различные механизмы реализации этого права. Так, например, в республиках Татарстан, Башкортостан, Коми, Кабардино-Балкарии[7] кандидатуры в квалификационную коллегию судей представляются высшим должностным лицом.

Данный вопрос был предметом рассмотрения судебных коллегий по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации и Верховного суда Республики Татарстан. В соответствии с решением суда высшие должностные лица субъекта РФ могут предлагать кандидатуры представителей общественности. В некоторых республиках, областях круг, имеющих право выдвигать кандидатуры представителей общественности, расширен. Кандидатуры могут предлагаться, кроме высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, депутатами, органами местного самоуправления, общественными объединениями, собраниями (сходами) граждан, трудовыми коллективами, собраниями граждан по месту жительства (Мордовия, Удмуртия, Хакасия, Москва)[8], уполномоченными по правам человека (Пермская область)[9], советом судей субъекта федерации (Еврейская автономная область)[10], региональными отделениями политических партий (Свердловская область)[11], Президиумом Верховного Совета, Председателем Правительства, представительными органами местного самоуправления районов и городов республиканского значения (Хакасия)[12].

Предварительное рассмотрение кандидатур проводится в профильных комитетах (комиссиях), которые рекомендуют или не рекомендуют их назначение. В Государственном совете Удмуртской Республики профильный комитет на рассмотрение вносит 7 кандидатов. В Государственном совете Республики Татарстан, Государственном собрании Республики Башкортостан, в Государственном совете Республики Коми, Парламенте Кабардино-Балкарской Республики комитеты обсуждают

только те кандидатуры, которые предложены высшими должностными лицами республик, и могут рекомендовать или не рекомендовать их назначение. В Государственном собрании Республики Мордовия, Верховном совете Республики Хакасия, Московской городской Думе на рассмотрение сессии вносятся все кандидаты, и законодательный орган субъекта РФ определяется по каждой кандидатуре отдельно. Этот путь более демократичен, позволяет именно законодательному органу субъекта РФ определить свой выбор на альтернативной основе.

В деятельности квалификационной коллегии судей субъекта РФ возникает множество вопросов: какое взаимодействие должно быть между законодательным органом субъекта РФ и назначенными ими членами квалификационной коллегии судей? Должны ли они согласовывать свое голосование с законодательным органом субъекта РФ? Обязаны ли информировать о своей деятельности, отчитываться представители общественности перед законодательным органом субъекта РФ? Какие должны быть основания для прекращения полномочий представителей общественности и какой орган эти полномочия может прекратить?

Следует исходить из того, что свои полномочия члены квалификационной коллегии (представители общественности) будут выполнять независимо, не согласовывая с назначившими их законодательными органами субъектов РФ и общественностью. Законодательный орган субъекта РФ не наделен правом высказывать свое мнение по вопросам, рассматриваемым квалификационной коллегией судей субъекта Российской Федерации.

Возможен ли контроль за членами квалификационной коллегии законодательным органом субъекта Российской Федерации? На необходимость контроля за деятельностью представителей общественности указывает ст. 11 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» от 24 марта 2002 г. № 30-ФЗ, где в п. 3 ч. 8 закреплено, что полномочия члена квалификационной коллегии-представителя общественности по решению соответственно законодательного органа субъекта РФ могут быть досрочно прекращены в случаях совершения им порочащего поступка, а также систематического неисполнения им обязанностей члена квалификационной коллегии судей.

То, что в законе указаны только два основания прекращения полномочий представителей общественности, руководствуясь которыми законодательный орган субъекта РФ может принять решение, считаем явно недостаточным. С одной стороны, это правильно для обеспечения независимости, самостоятель-

ности представителей общественности, но с другой — как быть с членом квалификационной коллегии (представителем общественности) в случаях подачи им письменного заявления о добровольном сложении полномочий, прекращения гражданства РФ, назначения (избрания) судьей, избрания на государственную или муниципальную должность, принятия его в члены коллегии адвокатов, вступления в отношении него в законную силу обвинительного приговора суда, обнаружившейся невозможности исполнения им своих обязанностей по состоянию здоровья, признания его безвестно отсутствующим или объявления его умершим, признания его недееспособным или ограниченно дееспособным по решению суда, вступившему в законную силу, его смерти?

Совершенно очевидно, что необходимо расширить перечень оснований, предусмотренных ч. 8 ст. 11 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» от 24 марта 2002 г. № 30-ФЗ, с учетом перечисленных выше оснований или же внести изменения и дополнения в п. 3 ч. 6 ст. 11 данного закона, наделив законодательные органы субъектов РФ правом расширения оснований для прекращения полномочий членов квалификационной коллегии судей, как, например, в Законе Республики Башкортостан «О представителях общественности в квалификационной коллегии судей Республики Башкортостан»[13], где перечислены и другие основания.

Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ определяет, что в Российской Федерации действуют мировые судьи субъектов Российской Федерации. Должности мировых судей субъектов РФ создаются и упраздняются законами субъектов РФ. Полномочия и порядок деятельности мирового судьи устанавливаются федеральным законом и законом субъекта Российской Федерации. Федеральным законом «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ[15] установлено, что мировые судьи в Российской Федерации являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации и входят в единую судебную систему России. Судебные участки и должности мировых судей создаются и упраздняются законами субъектов Российской Федерации. Мировые судьи назначаются (избираются) на должность законодательным органом субъекта Российской Федерации или избираются на должность населением соответствующего судебного участка в порядке, установленном законом субъекта федерации.

Мировым судьей может быть гражданин Российской Федерации, достигший возраста 25 лет, имеющий высшее юриди-

ческое образование, стаж работы по юридической профессии не менее 5 лет, не совершивший порочащих его поступков, сдавший квалификационный экзамен и получивший рекомендацию квалификационной коллегии судей соответствующего субъекта РФ. Законом субъекта Российской Федерации могут устанавливаться дополнительные требования к кандидату на должность мирового судьи. Такие требования установлены в республиках Мордовия, Адыгея, Удмуртской, Кабардино-Балкарской (постоянное проживание на территории данной республики), а в Кабардино-Балкарской Республике он должен быть гражданином Кабардино-Балкарии[15].

В большинстве республик (Башкортостан, Бурятия, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Марий Эл, Мордовия, Тыва, Чувашия)[16] мировые судьи назначаются (избираются) по предложению высших должностных лиц республик. В Республике Коми мировые судьи назначаются на должность Государственным советом Республики Коми с учетом мнения Главы Республики Коми и мнения выборного или иного должностного лица местного самоуправления по представлению Председателя Верховного суда РК[17] В Республике Дагестан мировые судьи назначаются на должность Народным собранием Республики Дагестан по представлению Государственного совета Республики Дагестан, т.е. коллективного органа[18]

Обобщая порядок назначения (избрания) мировых судей субъектов Российской Федерации и практику их назначения (избрания), можно утверждать, что на каждый судебный участок квалификационная коллегия судей субъекта Российской Федерации на должность мирового судьи рекомендует только одного кандидата. Эта кандидатура предварительно согласовывается с разными органами и должностными лицами, а законодательный орган субъекта РФ осуществляет выбор только путем назначения (избрания) или отклонения данной кандидатуры, т.е. на безальтернативной основе. Правда, Закон Республики Саха (Якутия) «О мировых судьях в Республике Саха (Якутия)»[19] предусматривает, что при наличии на один судебный участок двух и более кандидатов на должность мирового судьи его избрание проводится на альтернативной основе тайным голосованием. Однако претворить это в жизнь на практике невозможно, так как на один судебный участок квалификационной коллегией судей субъекта Российской Федерации может рекомендоваться только один кандидат, и только он имеет право быть назначенным или избранным.

Не присваивает ли тем самым квалификационная коллегия судей субъекта федерации полномочия законодательного орга-

на? Этот вопрос нашел свое решение в Определении Конституционного суда Российской Федерации от 5 октября 2001 г. «По жалобе гражданина Безденежных Владимира Васильевича на нарушение его конституционных прав п. 1 ст. 5 Федерального закона „О мировых судьях в Российской Федерации" и п. 26 Положения о квалификационных коллегиях судей». Определением устанавливается, что федеральный законодатель, исходя из конституционно-правового статуса судей, предопределенного публично-правовым характером задач, стоящих перед судебной властью, предъявляет к кандидатам на должности судей особые квалификационные требования (профессиональные и морально-этические), а потому в качестве элемента порядка назначения на должность судьи п. 6 ст. 6 Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г. № 3132-1 и ст. 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе РФ» от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ предусмотрено наличие положительного заключения соответствующей квалификационной коллегии, образуемой органами судейского сообщества. При этом отмечается, что отрицательное заключение квалификационной коллегии не может быть произвольным, не обоснованным фактическими обстоятельствами[20].

Федеральный закон допускает избрание мирового судьи населением соответствующего судебного участка в порядке, установленном законом субъекта федерации, но избрание предполагает выбор, альтернативность. Непонятно нужны ли такие выборы, если квалификационной коллегией судей субъекта Российской Федерации рекомендуется только один кандидат? Тем более отсутствует право прекращения полномочий мирового судьи, избравшим его населением судебного участка. Имеет смысл дать право квалификационной коллегии судей субъекта РФ проверки профессиональных и личных качеств кандидатов, а право выбора мирового судьи на альтернативной основе предоставить законодательному органу субъекта РФ или населению. Однако депутатам сделать свой выбор будет непросто. Оптимальным, на наш взгляд, будет согласование с выборными органами местного самоуправления.

Полномочия мирового судьи прекращаются, приостанавливаются решением квалификационной коллегии судей субъекта РФ (ст. 8). Законодательный орган субъекта РФ от процедуры прекращения, приостановления полномочий мирового судьи также отстранен. На первый взгляд может показаться, что на этот процесс он может повлиять через представителей обще-

ственности в квалификационной коллегии судей субъекта федерации, но, как уже подчеркивалось выше, свои полномочия представители общественности выполняют независимо и не согласовывая с законодательными органами субъектов РФ и общественностью.

В соответствии с гл. 24 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации законодательный орган субъекта РФ имеет право признать недействующими полностью или частично нормативные правовые акты субъектов РФ.

Гражданин, организация, а также прокурор в пределах своей компетенции, считающие, что принятым в установленном порядке нормативным правовым актом органа государственной власти, местного самоуправления или должностного лица нарушаются их права и свободы, гарантированные Конституцией Российской Федерации, законами и другими нормативными правовыми актами, вправе обратиться в суд с заявлением о признании этого акта полностью или частично противоречащим закону. С заявлением о признании нормативного правового акта противоречащим закону полностью или частично в суд вправе обратиться Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, законодательный орган субъекта РФ, высшее должностное лицо субъекта федерации, орган местного самоуправления, глава муниципального образования, считающие, что принятым и опубликованным в установленном порядке нормативным правовым актом нарушена их компетенция (ст. 251 ГПК РФ).

Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ предусмотрено: «В случае, если соответствующим судом установлено, что законодательным органом субъекта РФ приняты конституция (устав), закон субъекта РФ или иной нормативный правовой акт, противоречащие Конституции РФ, федеральным конституционным законам и федеральным законам, а законодательный орган субъекта РФ в течение 120 дней со дня вступления в силу решения суда, либо в течение иного предусмотренного решением суда срока не принял в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда, в том числе не отменил нормативный правовой акт, признанный соответствующим судом противоречащим федеральному закону и недействующим, и после истечения данного срока судом установлено, что в результате уклонения законодательного органа субъекта РФ от принятия

в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда были созданы препятствия для реализации закрепленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами полномочий федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления, нарушены права и свободы человека и гражданина, права и охраняемые законом интересы юридических лиц ...», то есть такой факт уклонения законодательного органа субъекта Российской Федерации от исполнения решения устанавливается судом. В связи с этим процесс признания факта уклонения Государственного совета Республики Татарстан по заявлению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации представляет научный и практический интерес и должен стать предметом отдельного рассмотрения.

При рассмотрении подобных дел судами возникли сложности с представлением интересов законодательных органов субъектов федерации. Так, на заседаниях Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации, Республики Татарстан и Президиума Верховного суда Российской Федерации была представлена доверенность, подписанная Председателем Государственного совета Республики Татарстан, о представлении интересов Государственного совета Республики Татарстан. Постановление Государственного совета об этом не принималось. Имеет ли право назначить представителя Государственного совета Председатель Государственного совета республики? Этот вопрос неоднократно обсуждался. Суды согласились с доводами, изложенными в соответствии со ст. 48, 53 ГПК, и вопрос был решен положительно.

Возникает вопрос: а был ли представитель правомочен заявлять ходатайства, отводить судей, задавать вопросы и давать пояснения от имени Государственного совета Республики Татарстан? Естественно, по каждому вопросу созывать сессию Государственного совета, чтобы путем голосования выяснить его мнение невозможно, так как в таком случае процессы длились бы несколько лет. Однако не надо забывать и о том, что закон или иной нормативный правовой акт субъекта федерации принимается коллегиально и только один представитель не может выражать мнение коллегиального органа, тем более при рассмотрении дела суд исходит из презумпции доказывания законности нормативного правового акта органом, который его принял.

В сложившихся условиях вполне вероятна ситуация, когда Верховный суд Республики Татарстан примет решение, Пред-

ставитель Государственного совета Татарстана, участвовавший в данном судебном процессе (по доверенности Государственного совета РТ), согласится с решением суда, а группа депутатов не согласится. Это порождает еще ряд вопросов, а именно: могут ли депутаты оспорить решение представителя и внести кассационную, надзорную жалобу? Как может отреагировать на это решение представителя Государственный совет РТ? Есть ли у него такие права? Вопросов пока больше, чем ответов.

На наш взгляд, данные проблемы нуждаются в дальнейшем теоретическом исследовании и внесении соответствующих изменений и дополнений в федеральное и региональное законодательство.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 5. Ст. 4825.

[2] Там же. 1992. № 30 Ст. 1792; 1993. № 17. Ст. 606; 1995. № 26. Ст. 2399; 1999. № 29. Ст. 3690; 2000. № 26. Ст. 26, Ст. 2736; 2001. № 51. Ст. 4834.

[3] Там же. 2002. № 11. Ст. 1022.

[4] Конституция Российской Федерации. М., 1999. С. 48.

[5] См.: Определение Конституционного суда РФ от 27 июня 2000 г. № 92-О; Определение Конституционного суда РФ от 21 декабря 2000 г. № 252; Постановление Конституционного суда от 7 июня 2000 г. № 10-п.

[6] Собрание законодательства... 2001. № 3. Ст. 273.

[7] См.: Закон Республики Татарстан «О представителях общественности в квалификационной коллегии судей Республики Татарстан» от 15 октября 2002 г. Ведомости Государственного совета Республики Татарстан. 2002. № 10; Закон Республики Башкортостан «О представителях общественности в квалификационной коллегии судей Республики Башкортостан» от 25 апреля 2002 г./ Ведомости Государственного собрания, Президента и Кабинета министров Республики Башкортостан. 2002. № 8 (146). Ст. 465; Закон Республики Коми «О порядке назначения представителей общественности в квалификационную коллегию судей Республики Коми» от 6 мая 2002 г. / Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. 2002. № 9. Ст. 2067; Закон Кабардино-Балкарской Республики «О порядке назначения представителей общественности в квалификационную коллегию судей Кабардино-Балкарской Республики» от 19 июля 2002 г. Кабардино-Балкарская правда. 2002. 25 июля.

[8] См.: Закон Удмуртской Республики «О порядке назначения представителей общественности в квалификационной коллегии судей Удмуртской Республики и досрочного прекращения их полномочий» от 5 июня 2002 г. Известия Удмуртской Республики. 2002. 21 июня; Закон Республики Хакасия «О порядке назначения представителей общественности в квалификационной коллегии судей Республики Хакасия» от 19 июля 2002 г (в ред. от 30 сентября 2002 г.). Вестник Хакасии. 2002 г. 26 июля; Закон г. Москвы «О порядке назначения представителей общественности в квалификационную коллегию судей города Москвы» (в ред. от 9 октября 2002 г.) / Ведомости Московской городской думы. 2002. № 6. Ст. 118.

[9] Закон Пермской области «О представителях общественности в квалификационной коллегии судей Пермской области» от 14 июля 2002 г. / Бюлл. Законодательного собрания и администрации Пермской области. 2002. № 5.

[10] Закон Еврейской автономной области «О порядке назначения и прекращения полномочий представителей общественности в квалификационной коллегии судей Еврейской автономной области» от 26 июня 2002 г. / Собрание законодательства Еврейской автономной области. 2002. № 4.

[11] См.: Закон Свердловской области «О порядке назначения представителей общественности в квалификационной коллегии судей Свердловской области» от 28 июня 2002 г. / Собрание законодательства Свердловской области. 2002. № 6—1. Ст. 803.

[12] См.: Закон Республики Хакасия «О порядке назначения представителей общественности в квалификационной коллегии судей Республики Хакасия» от 19 июля 2002 г. (в ред. от 30 сентября 2002 г.). Вестник Хакасии. 2002. 26 июля.

[13] См.: Закон Республики Башкортостан «О представителях общественности в квалификационной коллегии судей Республики Башкортостан» от 25 апреля 2002 г. / Ведомости Государственного собрания, Президента и Кабинета министров Республики Башкортостан. 2002. № 8 (146). Ст. 465.

[14] См.: Собрание законодательства... 1998. № 51. Ст. 6270.

[15] Закон Республики Мордовия «О порядке назначения мировых судей Республики Мордовия» от 17 апреля 2000 г. / Ведомости Государственного собрания Республики Мордовия. 2000. № 1—3 (31); Закон Республики Адыгея «О мировых судьях Республики Адыгея» от 15 мая 1999 г. Собрание законодательства Республики Адыгея. 1999. № 5; Закон Удмуртской Республики «О мировых судьях Удмуртской Республики» от 29 июля 2000 г. Известия Удмуртской Республики. 2000. 7 мая; Закон Кабардино-Балкарской Республики «О мировых судьях Кабардино-Балкарской Республики» от 30 ноября 1999 г. Кабардино-Балкарская правда. 1999. 7 дек.

[16] См.: Закон Чувашской Республики «О мировых судьях в Чувашской Республике» от 3 марта 2000 г. / Собрание законодательства Чувашской Республики. 2000. № 4—5. Ст. 150; Закон Республики Марий Эл «О мировых судьях в Республике Марий Эл» от 13 сентября 2000 г. / Собрание законодательства Республики Марий Эл. 2002. № 7. Ст. 228; Закон Республики Тыва «О мировых судьях в Республике Тыва» в ред. от 12 октября 2000 г. Тувинская правда. 2000. 12 окт.

[17] См.: Закон Республики Коми «О мировых судьях в Республике Коми» от 8 июня 2000 г. / Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. 2002. № 10. Ст. 1389.

[18] См.: Закон Республики Дагестан «О мировых судьях в Республике Дагестан» в ред. от 15 декабря 2000 г. Дагестанская правда. 2000. 12.

[19] См.: Закон Республики Саха (Якутия) «О мировых судьях в Республике Саха (Якутия) в ред. от 3 июля 2001 г. Якутия. 2001. 26 июля.

[20] См.: Собрание законодательства... 2001. № 12. Ст. 2523.

Поступила 30.10.2003.



В.А.ЯКОВЛЕВ

СТРАНА НЕ МОЖЕТ ЖИТЬ ПО ПРИНЦИПУ ЛОСКУТНОГО ОДЕЯЛА

Федеральные власти готовятся перейти к централизованному планированию развития регионов. В феврале Председателю Правительства Российской Федерации М.М.Касьянову будет представлена Концепция пространственного развития России, а при правительстве появится специализированный научный институт. Вице-премьер В.А.Яковлев, отвечающий в правительстве за ЖКХ, транспорт и местное самоуправление, объяснил в интервью корреспонденту «Известий», что предлагаемая схема не означает возрождения традиций советского Госплана и отвечает интересам и центральной власти и губернаторов.

— Члены кабинета министров сейчас подводят итоги 2003 г. Вы пришли в федеральное правительство в мае прошлого года. Как Вы оцениваете этот период своей работы?

— Итоги зимнего периода подводить пока рано. На сегодняшний день отопительный сезон идет в заданном режиме. Сбои есть, но это и неудивительно. Все мы знаем, в каком состоянии находятся инженерные коммуникации. Как человек, чувствующий себя на 60 % больным, может взаимодействовать с окружающим здоровым миром?

Техническое состояние ЖКХ мало изменилось, но в плане управления и административного контроля ситуация улучшилась, а финансовые подкрепления из федерального бюджета сыграли свою роль.

Среди особенно значимых событий прошлого года я бы отметил разработку транспортной стратегии и то, что мы, наконец-то, стали заниматься очень важным вопросом, которому ранее не уделялось внимание, пространственным развитием России. Эта тема обсуждалась на совещании у премьера М.М.Касьянова 26 декабря. К февралю Минэкономразвития и Госстрою поручено представить концепцию генеральной схемы развития страны.

ЯКОВЛЕВ Владимир Анатольевич, вице-премьер Правительства Российской Федерации.

— Чья это была инициатива и о чем конкретно идет речь?

— Эта идея витает в воздухе давно...

Существовала генеральная схема расселения в Советском Союзе. Эту схему утвердило в 1994 г. новое российское правительство, но она не получила дальнейшего развития.

Программа касалась только миграции населения. Наряду и в связи с миграцией необходимо определять другие направления: транспортное, промышленное, портовое строительство, разработка полезных ископаемых. Эти вопросы должны решаться не отдельно, по региональному или отраслевому принципу, а в комплексе, что и позволяет сделать генеральный план пространственного развития.

Долгое время нерешенные задачи, связанные с макроэкономической ситуацией и укреплением вертикали власти, не позволяли заниматься подобными вещами. На сегодняшний день создан хороший фундамент для того, чтобы перевести планирование на новый уровень.

— То, о чем Вы говорите, очень напоминает существовавшую в советские времена систему Госплана...

— Госплан развивал территорию в административно-принудительном порядке. В итоге в Средней Азии вместо хлопковых производств появлялись чуждые региону промышленные объекты. Мы говорим о другом.

Показательно, что свою схему пространственного развития создает европейское сообщество. Страны ЕС, которые имеют отдельные бюджеты и экономические планы, осознали, что ради общего блага им необходимо увязывать свои территориальные интересы с общими задачами развития Европы. Например, правительство одной страны должно быть уверено, что если оно строит автомобильную дорогу до границы соседнего государства, то после пересечения границы она не оборвется, а получит продолжение. Иначе будут потери и упущенная выгода для обеих сторон.

В России экономическое планирование регионов осуществляется по принципу лоскутного одеяла. Каждый из 89 субъектов федерации имеет свой план развития. Есть стратегии для отдельных отраслей: энергетики, транспорта, связи, но эти планы не связаны и не взаимодействуют друг с другом, они не объединены общими государственными задачами. В результате этого наблюдаются огромные разрывы в уровне благосостояния регионов. Рядом с благополучной территорией может находиться очень бедная.

Увязать развитие территорий со стратегическими задачами развития всей страны может только государство, создав некий пространственный каркас, на котором будут обозначены

точки экономического роста в виде приоритетных национальных проектов.

— Как это предполагается делать?

— Естественно, это работа не на один год. Для начала при правительстве планируется создать Институт пространственного развития. Он не подменит собой действующие правительственные структуры, а станет экспертным подспорьем для Минэкономразвития и других министерств, которые занимаются планированием.

В институт пригласят известных ученых, специалистов научных организаций из регионов. На базе аналитического материала они будут создавать комплексную программу развития страны.

— Губернаторы могут воспринять подобные планы правительства как покушение на их полномочия и шаг к дальнейшей централизации власти.

— Губернаторы относятся к этой идее положительно. Я разговаривал с руководителями многих территорий, мы провели массу «круглых столов» и решили, что такая схема является наиболее реальной. Губернаторы — грамотные люди, заинтересованные в процветании своих регионов. При этом каждому руководителю необходимо знать, что будет делаться на соседней территории, как его план развития сочетается с планами соседей и общефедеральными задачами.

— Получается, что самостоятельно регионы не в состоянии развиваться?

— Так получается, потому что нет централизованной системы долгосрочного стратегического планирования, которая бы привлекла внимание к нуждам территорий. Например, в Ульяновской области десятилетиями строится мост через Волгу. Область не может завершить строительство самостоятельно. Соседи заняты собственными проблемами. Определить важность, приоритетность этого проекта, привлечь к нему внимание других регионов и бизнеса может только федеральный центр.

Есть мнение, что бизнес все решит сам и государству не нужно вмешиваться. Бизнес действительно может сам все решить, но он ориентируется на сигналы государства. Если бизнес чувствует, что государство заинтересовано в проекте и готово создавать инфраструктурные условия, он охотнее вкладывает деньги. Только государство может решить, в каком порядке осваивать месторождения, где дорогу прокладывать в первую очередь, а где во вторую, или в каком из двух приморских регионов выгоднее с точки зрения федеральных, а не узко территориальных интересов строить порт.

Федеральные задачи всегда должны быть важнее, но не ущемлять интересы территорий. Это главное отличие схемы пространственного развития от советского Госплана.

— То есть все решения в рамках генерального плана развития будут приниматься на основе полного консенсуса между федеральным центром и регионами?

— Конечно, полного консенсуса не получится. Прежнее руководство Якутии не хотело строить железную дорогу по своим соображениям. А с точки зрения федеральных интересов участок железной дороги от Алдана до Байкало-Амурской магистрали крайне необходим. Он сократит затраты на северный завоз и обеспечит высокий транспортный поток по БАМу, сейчас магистраль загружена всего на 20 % из-за того, что нет поперечных железнодорожных веток.

Используя наше выгодное географическое положение, мы должны создать мощную транзитную супердержаву с обустройством вдоль железных и автомобильных дорог огромных территорий и решить таким образом проблемы промышленного развития депрессивных регионов, занятости населения.

Нам необходимо вновь сделать привлекательными для работы и жизни территории за Уралом, откуда сейчас идет массовая миграция в западные регионы. Надо выводить из постоянной депрессии богатейший природными ресурсами Дальний Восток и Забайкалье, активнее развивать Чукотку. Совсем рядом через Берингов пролив находится Аляска. В будущем можно реально связать эти территории через туннель и объединить таким образом два континента.

Отсутствие денег, на которое принято ссылаться, когда речь идет о масштабных проектах, не главная проблема. Как говорится, были бы деньги — и дурак бы справился.

Например, приняли решение разрабатывать угольные месторождения Эльги. Начали строить туда дорогу, построили 40 км и остановились — оказалось, очень дорого. В итоге месторождение не разрабатывается. Может, тогда не надо было трогать запасы Эльги именно сейчас, а взять что-то поближе и сэкономить деньги?

Определить задачи и планы для конкретной отрасли и территории можно, имея общую картину для всей страны, увязав все вопросы — миграции транспортного, промышленного строительства, освоения месторождений — в одну генеральную схему развития. В противном случае мы будем и дальше существовать по принципу лоскутного одеяла.

«Известия». 2004. 15 янв.



С.Л.БЕХТЕРЕВ

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Одной из основных характеристик политической системы является качество правительства, определяемое его административной компетенцией, наличием или отсутствием структуры, позволяющей использовать потенциал власти с максимальной эффективностью. В качественном правительстве объективно заинтересованы как государственные, так и негосударственные составляющие политической системы. Их позицией обусловливается вектор эволюции управленческой структуры.

Значительный научно-практический интерес представляет исторический опыт реформирования российских регионов на новых, демократических принципах, позволяющий выявить общие и особенные черты государственного строительства в Российской Федерации. Не является исключением и конституционная реформа в Удмуртской Республике (далее — УР), одной из составляющих которой выступает становление института президентства. Данный процесс получил освещение в ряде работ как обобщающего, так и частного характера[1] Однако работы, изданные по «горячим следам», носят отпечаток некоторого субъективизма, их авторы сами являются непосредственными или опосредованными участниками описываемых событий. Кроме того, исследования вышли в свет в то время, когда государственное реформирование еще не было завершено. Процесс включения института президентства в систему государственных органов Удмуртии получил логическое завершение и имеет конкретные результаты, поэтому является самостоятельным предметом научного анализа.

Рассматривая становление института президентства в общем контексте политико-правовых изменений, следует подчеркнуть, что вопрос о конституционной реформе в Удмуртии возник, как и в других республиках, еще с начала 90-х гг.

БЕХТЕРЕВ Сергей Львович, докторант кафедры истории и политологии Института социальных коммуникаций Удмуртского государственного университета.

XX в. Это было вызвано распадом Советского Союза, начавшимся процессом суверенизации и проведением либеральных реформ в экономике и политике. Новые реалии не вписывались в рамки действовавших конституций. Начался поиск оптимального варианта системы органов государственной власти.

Начальный период преобразований (20 сентября 1990 г. — 11 ноября 1993 г.) проходил в рамках советской политической системы. Сразу же после объявления суверенитета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, которым предусматривалось право народов на самоопределение в избранных ими национально-государственных и национально-культурных формах, 3 (внеочередная) сессия Верховного Совета (далее — ВС) Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики (далее — УАССР), 20 сентября 1990 г. приняла Декларацию о государственном суверенитете Удмуртской Республики и преобразовала УАССР в УР. В ст. 1 Декларации Удмуртия определялась как суверенное государство, исторически утвердившееся на основе осуществления удмуртской нацией своего неотъемлемого права на самоопределение. Развитие УР в существующих границах реализовалось через равноправное участие всех наций и народностей республики во всех сферах государственного строительства. Данный документ стал основой для разработки Конституции УР, заключения Федеративного, Союзного и межреспубликанских договоров и соглашений, совершенствования законодательства УР

Принятие Декларации вызвало неоднозначную реакцию в обществе. Так, в резолюции Пленума Удмуртского обкома КПСС (август 1990 г.) отмечалось, что ее проект выражает интересы всех народов республики[2]. По материалам исследований, проведенных профсоюзными органами осенью 1990 г., 44,6 % опрошенных граждан заявили, что провозглашение суверенитета не принесет реальную пользу, а 23,9 % высказались против Декларации[3]

10 октября 1991 г. 8 сессия ВС УР приняла Закон «О реформе государственной власти и управления в Удмуртской Республике», приостановивший многие положения Конституции УАССР 1978 г. Уже тогда депутаты решили вопрос об утверждении президентской структуры управления. Одним из основных результатов этого периода стало принятие 11 ноября 1993 г. ВС УР Закона УР «О Президенте Удмуртской Республики», разработанного в соответствии с основными положениями проекта Конституции РФ, вынесенного на обсуждение общественности.

Второй этап реформы (1994 г.) начался с принятия Конституции РФ, провозгласившей принцип разделения властей и создавшей независимые от государственных органы местного самоуправления. Неоднозначное толкование Конституции РФ, отсутствие федерального законодательства по вопросам организации государственной власти в субъектах Российской Федерации и провозглашение принципа «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить» привели к дезинтеграции российской конституционно-правовой системы. Суверенные республики стали формировать систему государственной власти по своему усмотрению, руководствуясь лишь собственными представлениями об оптимальной модели разделения властей.

В 1994 г. была принята новая Конституция Удмуртской Республики. Ее проект полностью копировал Конституцию РФ 1993 г. и включал институт президентства в систему органов государственной власти. Однако в 1994 г. в депутатском корпусе отсутствовало единство по вопросу политической целесообразности такого шага. Внешний фактор обусловливался насильственным низложением советской системы организации власти. Часть общества возлагала вину за кровопролитие на президентскую сторону, другая — на парламент. Внутренний фактор определялся скандалом, разразившимся в республике весной 1993 г. по поводу нерационального использования правительством средств внебюджетного фонда стабилизации экономики от реализации нефтяной квоты. Ущерб, нанесенный республике, по материалам парламентской комиссии, составил 8,3 млрд. дол. США[4]. В результате кадровых перестановок, вызванных «нефтяным кризисом», Председатель Совета Министров (далее — СМ) Удмуртии стал более самостоятельной и независимой от Председателя ВС УР политической фигурой, чем его предшественник. Расстановка политических сил, сложившаяся в республике после муниципальных выборов 1994 г., привела к тому, что 7 декабря 1994 г. депутаты ВС УР приняли Конституцию парламентской республики. Высшим должностным лицом республики стал Председатель Государственного совета (далее — ГС) УР, избиравшийся из числа его депутатов на 4 года и представлявший республику внутри страны и на международном уровне. Перечень полномочий Правительства УР и Председателя Правительства УР, в отличие от таковых ГС УР и его Председателя, оказался открытым.

С точки зрения современного управления такая система организации государственной власти представлялась анахронизмом. Более того, она противоречила ряду положений Конституции РФ. Сам факт того, что Председатель Государственного совета

представлял парламенту кандидатуру Председателя Правительства, а последний, в свою очередь, осуществляя исполнительную власть, нес ответственность перед ГС и был подотчетен ему, позволила Председателю Конституционного суда Российской Федерации прийти к заключению, что система власти, созданная в Удмуртии, противоречит принципу разделения властей и лишает исполнительную власть самостоятельности.

На третьем этапе реформы (1995 г. — 3 марта 1998 г.) в соответствии с Конституцией УР, 26 марта 1995 г., одновременно с выборами депутатов ГС УР, был проведен всенародный опрос о необходимости введения в республике должности Президента. Это явилось результатом компромисса между различными политическими силами. За введение поста проголосовали 30,24 %, против — 63,72 % от числа принявших участие в голосовании[5]. Удмуртия осталась парламентской республикой. В то же время в большинстве национально-территориальных образований России сложилась иная система органов государственной власти. В них высшее должностное лицо возглавило исполнительную власть и стало именоваться Президентом.

С 1996 г. обозначилось противостояние государственных и муниципальных органов Удмуртии, обусловленное двумя взглядами на систему управления. Одна из политических групп, исходя из особенностей социально-экономического развития республики (до 80 % промышленной продукции Удмуртии приходится на предприятия военно-промышленного комплекса), взяла курс на совершенствование системы органов государственной власти, позволяющей эффективно решать экономические и социальные задачи. Другая отстаивала приоритет муниципальных органов при распределении государственных финансовых ресурсов. Это противостояние спровоцировало глубокий конституционный кризис, получивший известность не только в российских политических кругах, но и за рубежом. Результатом кризиса стало приостановление, при активной поддержке «самоуправленцев» федеральным центром, действия ряда республиканских законов, регулирующих государственное строительство.

Вместе с тем в 1997 г. в Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации указывалось на необходимость наведения порядка во власти: «Страной должна управлять власть, а не обстоятельства. Пора наводить порядок»[6] Перед Федеральным Собранием ставилась задача ускорения работы над конституционными законами. В 1998 г. большинство депутатов ГС УР (61 из 100) выступило с инициативой создания депутатской комиссии по подготовке предложений о

внесении изменений и дополнений в Конституцию УР. Комиссия выработала поправки и предложила сессии вынести их на всенародное обсуждение через средства массовой информации.

Принятие 3 марта 1998 г. Постановления Президиума ГС УР о работе с проектами изменений и дополнений в Конституцию УР положило начало *четвертому этапу конституционной реформы (3 марта 1998 г. — сентябрь 1999 г.)*. 26—28 марта 1998 г. в Ижевске представители государственных и муниципальных органов РФ и УР пришли к соглашению о том, что в систему республиканских органов государственной власти Удмуртии должны входить Глава, Государственный совет, Правительство УР. При этом Глава УР возглавляет исполнительную власть. По вопросу совмещения должности Главы и Председателя Правительства УР предлагалось провести рейтинговое голосование на сессии Государственного совета. В подписании протокола приняли участие основные политические силы республики.

Таким образом, в этот период за дальнейшее проведение конституционной реформы выступила большая часть депутатов ГС УР. Их позиция была сформулирована в проекте изменений и дополнений в Конституцию УР. Оппозиция в лице меньшинства депутатов не представила свой проект. Всю критику она сосредоточила на фигуре Председателя Совета Министров как возможного кандидата на должность Президента УР.

Весной 1999 г. состоялись очередные выборы в ГС УР. Работа над поправками и дополнениями в Конституцию Удмуртии была отложена. В то же время Государственная Дума Российской Федерации разработала законопроект о системе органов государственной власти в субъектах федерации. Учитывая новые политические реалии, 7 (внеочередной) Всеудмуртский съезд (19 июня 1999 г.) предложил Госсовету УР рассмотреть вопрос о проведении референдума «О введении всенародно избранного поста Главы Республики, совмещающего должность Председателя Правительства» в декабре 1999 г. одновременно с выборами депутатов Госдумы РФ[7]

С принятием Государственной Думой Российской Федерации и подписанием 6 октября 1999 г. Президентом РФ Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» начинается *новый этап конституционной реформы* в России и ее регионах. Закон утвердил важнейшие принципы государственного устройства и определил, что высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации избирается всенародно и воз-

главляет высший исполнительный орган государственной власти. Наименование его должности устанавливается конституцией субъекта федерации с учетом исторических, национальных и иных традиций. Закон также определил двухлетний срок для приведения регионального законодательства в соответствие с установленными принципами.

19 декабря 1999 г., одновременно с выборами депутатов Государственной Думы Российской Федерации, в республике был проведен опрос избирателей с целью выявления мнения населения о наименовании высшего должностного лица Удмуртии. В опросе участвовало 61,68 % избирателей и 51, 74 % из них высказались за Президента, а 43,65 % — за Главу[8]

24 января 2000 г. 8 (внеочередная) сессия Государственного совета Удмуртии приняла Постановление о назначении на 26 марта 2000 г. референдума по внесению поправки в Конституцию УР, включавшую институт президентства в систему органов государственной власти.

В поддержку института президентства выступили Общество русской культуры Удмуртии, Общество удмуртской культуры «Дэмен», Татарский общественный центр Удмуртии, Союз марийцев Удмуртии «Одо Мари Ушем», Республиканский центр российских немцев «Видергебург». В коллективном обращении они следующим образом аргументировали свою позицию: «Нам нужен всенародно избранный Президент республики — как гарант исполнения закрепленных Конституцией Удмуртской Республики равноправия народов независимо от их численности, уважения прав и свобод человека, возможностей личного и этнокультурного самовыражения...»[9] Это мнение поддержали наиболее крупные организации Удмуртии, депутатские фракции ГС УР «Промышленники и предприниматели», «Единство». В то же время ряд оппозиционных партий и организаций подписали открытое обращение к избирателям Удмуртии, в котором, помимо призывов к населению прийти на выборы и проголосовать за достойного кандидата на пост Президента РФ, содержалось предложение прийти на избирательные участки и проголосовать на референдуме против президенства. Это свидетельствовало о стремлении оппозиции создать в республике кризисную ситуацию через игнорирование требований федерального законодательства.

Тем не менее усилия оппозиционеров не дали заметных результатов. На выборы Президента РФ и референдум пришли более 70 % избирателей республики. За В.В.Путина отдали голоса 61,01 % избирателей; 68,80 % положительно решили вопрос о включении института президентства в систему орга-

нов государственной власти Удмуртии. На этой основе была продолжена работа над созданием Конституции президентской республики. 18 апреля 2000 г. законопроект «О внесении поправок в Конституцию Удмуртской Республики» получил статус закона. Он был положительно воспринят и «государственниками», и «самоуправленцами»..

8 июня 2000 г. Государственный совет Удмуртии принял законы «О Президенте Удмуртской Республики», «Об Избирательной комиссии Удмуртской Республики» и «О выборах Президента Удмуртской Республики». Нижний порог легитимности Президента УР определялся не менее чем 25 % избирателей, проголосовавших за ту или иную кандидатуру, при явке не менее 25 % избирателей. 20 июня 2000 г. 11 сессия ГС УР определила дату всенародных выборов первого Президента Удмуртии — 15 октября 2000 г. В предвыборную кампанию включились 12 кандидатов, зарегистрированных Избирательной комиссией Удмуртии.

Выборы первого Президента Удмуртской Республики состоялись в установленный срок и прошли без серьезных нарушений законодательства. В выборах Президента приняли участие 50,3 % избирателей. Главным итогом этой политической акции является выбор населения республики стабильности и развития — понятий, связаных с именем А.А.Волкова. За него отдали голоса 37,8 %, на втором месте — П.Н.Вершинин, получивший 23,9 % голосов. Третье и четвертое места поделили Н.А.Ганза и А.В.Солуянов, 9,5 % избирателей проголосовали против всех кандидатов.

28 ноября 2000 г. открылась 13 (внеочередная) сессия Государственного совета Удмуртской Республики, завершившая эволюцию политической системы региона. Различные группы депутатов выступили со своими кандидатурами на пост Председателя Государственного совета. Набрав 56 голосов, спикером республиканского парламента стал И.Н.Семенов. Более единодушным оказалось мнение депутатов относительно кандидатуры на пост Председателя Правительства Удмуртии. Все фракции и объединения поддержали Ю.С.Питкевича, заместителя Председателя Правительства УР («за» проголосовало 80 депутатов).

Таким образом, в процессе становления института президентства в Удмуртии выявились интересы различных групп населения, представителей федеральных, республиканских органов государственной и муниципальной власти, их место и роль в реформировании системы управления, становлении гражданского общества, определились перспективные направления развития республики как составной части Российской

Федерации. Были внесены существенные коррективы в понятие «суверенитет», конструкцию органов государственной власти республики. С одной стороны, Удмуртия, продолжая оставаться государством в составе Россиии, утратила статус суверенной республики, что усилило ее зависимость от федерального центра, с другой — сознание основной массы избирателей эволюционировало от категорического неприятия к поддержке президентской формы правления, в результате чего завершился парламентский период в республиканской истории.

Значительная роль в политических преобразованиях, несомненно, принадлежит руководителям различных ветвей власти. На характер и методы реализации принимаемых решений наложили отпечаток типичные черты как высшего должностного лица республики, так и бывших руководителей Удмуртии — лидеров национального движения. Консенсус между политическими элитами достигался и на основе согласительных процедур, и подавления противников. Биполярная система организации высших эшелонов власти сменилась униполярной. «Старая» оппозиция прекратила свое существование.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Басов Б.П.* Трудное время перемен (Россия в 1991—1994 гг.). Ижевск, 1995. 81 с.; *Бехтерев С., Крылова А.* На пути к президентству // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюлл. 2000. Май—июнь. С. 53—61; *Егоров И., Мацузато К.* Удмуртская Республика // Регионы России. Хроника и руководители. Т. 7. Саппоро, 2000. С. 267—471; *Крылова А., Бехтерев С., Бехтерева Л.* Удмуртская Республика. Модель этнологического мониторинга. М., 2000. 144 с.; *Куликов К.И.* Противостояние органов государственной власти и органов местного самоуправления в Удмуртии. 1996—1997 гг. // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Матер. второй научн. конф. Ижевск, 1997. 19 апреля 1997 г. С. 4—15; он же. Удмуртия — субъект России. Ижевск, 1999. 280 с.; он же. Уровни суверенитета Удмуртии и Татарстана. Ижевск, 1999. 38 с.

[2] О работе бюро и секретариата обкома КПСС в июле—сентябре 1990 г. // Вестник Обкома КПСС. 1990. № 21. С. 3—4.

[3] *Козлова А.* Мнение о Декларации // Вестник Обкома КПСС. 1991. № 3. С. 15—16.

[4] *Егоров И., Мацузато К.* Указ. раб. С. 297.

[5] Об итогах выборов депутатов Государственного совета Удмуртской Республики и всенародного опроса о введении поста Президента (Главы) Удмуртской Республики // Постановление Центральной избирательной комиссии Удмуртской Республики. Удмуртская правда. 1995. 4 апр.

[6] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1997. С. 6.

[7] Седьмой (внеочередной) Всеудмуртский съезд. Ижевск, 1999. С. 83.

[8] *Бехтерев С.Л.* Конституционная реформа в Удмуртской Республике // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2001. С. 40.

[9] Удмуртская правда. 2000. 24 марта.

Поступила 02.07.2003.

Заказ № 834



Р.Н.КАУКИНА

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

Управление городами в средневековый период русской истории сосредотачивалось в руках наместников, назначавшихся князьями из лиц княжеского происхождения или высшего сословия. Вплоть до первой половины XVII в. между городскими и сельскими поселениями не было существенных различий в структуре и методах управления. Только с прикреплением крестьян и посадских людей к местам их оседлости различие между городом и деревней стало сословным.

Начало новому городовому устройству положено Петром I, учреждением в 1699 г. в Москве бурмистровой палаты (переименованной в ратушу), а в других городах — земских изб и выборных бурмистров[1]. Ежегодный выбор бурмистров предоставлялся горожанам, «кого и поскольку человек они захотят», причем выбор производился из гостей, гостиной сотни, из всех сотен и слобод, добрых и правдивых людей[2] Выборные бурмистры получили название земских, не подлежали ведомству воеводы, а подчинялись ратуше. Петр I восстановил права местного городского сословного управления.

Дальнейшее развитие городское управление получило после учреждения в 1718 г. городовых магистратов[3]. Они представляли собой коллегиальные учреждения, состоявшие из президента, 2—4 бурмистров и 2—8 ратманов, в зависимости от величины города. Эти должностные лица выбирались из «граждан первостепенных, добрых, пожиточных и умных». В введении магистратов находилось все управление городом: уголовный и гражданский суд, полицейские, финансовые и хозяйственные дела.

В небольших городах учреждались ратуши с более простым устройством и узкой компетенцией[4] Регламентом главного магистрата и последующими законами были более подробно

КАУКИНА Римма Николаевна, доцент кафедры отечественной истории Мордовского государственного педагогического института, кандидат исторических наук.

определены состав городского населения, разделение городских жителей на классы, их права и обязанности. Городские жители разделялись на граждан регулярных и нерегулярных («подлых»). Регулярные делились на две гильдии. Первоначально гильдии определялись по профессиональному признаку. В первую гильдию наряду с богатыми купцами входили доктора и аптекари, живописцы, шкиперы мелких купеческих кораблей и других профессий. Во вторую — мелкие торговцы и ремесленники. Ко второй категории относились «все подлые люди, обретающиеся в наймах, в черных работах и тем подобные»[5]. Что же касается «разного рода лиц», живущих в городе, а именно: дворян, имеющих близ городов деревни и усадьбы, «служителей у дел приставленных», священников, церковников и иностранцев, то они гражданами не числились[6] Все граждане могли быть избраны на общественные должности. Таким образом при Петре I установилось городское сословное правление.

Во времена Екатерины II сословное правление городов укрепилось. В 1785 г. она подписала Указ «О жалованной грамоте дворянству», которым завершила формирование дворянского сословия в России. Одновременно с жалованной грамотой дворянству 21 апреля 1785 г. Екатериной II была дана грамота на права и выгоды городам Российской империи[7] В соответствии с этим документом население города подразделялось на 6 разрядов (сословных групп): настоящие городовые обыватели — владельцы домов и земель в черте города; купцы всех гильдий; цеховые ремесленники; иногородние и иностранные гости — русские и иностранные купцы и специалисты, которые были приписаны к городу для торговли и промышленной деятельности, но не проживали в нем; представители интеллигенции, выборных должностных лиц некоторых категорий буржуазии (банкиры, оптовые торговцы); посадские, т.е. не записанные в цехи мелкие ремесленники, не состоящие в гильдии мелкие торговцы, чернорабочие и городская беднота. С конца XVIII в. последнюю группу стали называть «мещане», хотя по жалованной грамоте 1785 г. этот термин применялся в отношении всего городского населения[8]

Сословные группы отличались друг от друга различными привилегиями и обязанностями. Настоящие городские обыватели, купцы всех гильдий, иностранные и иногородние гости и именитые граждане были освобождены от телесных наказаний. Купцы не платили податей. Цеховые имели монопольное право на открытие ремесленных заведений, а за посадскими сохранялись лишь мелкие промыслы и торговля. Вся тяжесть

повинностей ложилась на ремесленников и посадских. Они платили подати, выставляли рекрутов, несли натуральные повинности. Имущественное и правовое различие между сословными группами городовых обывателей препятствовало их сплочению в единое городское сословие[9]

По Указу «О жалованной грамоте дворянству» первичным органом сословного самоуправления в городе было городское собрание, состоящее из всего населения города, но право выбирать и быть избранными имели далеко не все. Его получили лишь те обыватели, которые достигли 25 лет и имели годовой доход не менее 50 руб. Этот имущественный ценз вскоре возрос и стал зависеть от размеров города. В Москве он равнялся 5 000 руб. Избирательные права в Москве имели лишь купцы первых двух гильдий и некоторые именитые граждане[10]

Городское собрание избирало голову, бурмистров и ратманов в магистрат, старост, судей, заседателей от городского сословия в общие и сословные учреждения. Собрание выбирало также распорядительный орган сословного самоуправления — общую городскую думу, состоящую из главы и гласных от всех шести групп населения. Собираясь раз в три года (исключая экстренные случаи), городская дума избирала исполнительный орган — шестигласную думу, в которой каждая группа населения имела по одному представителю. Председателем этого постоянно действующего учреждения был городской голова. Он же был председателем сиротского суда.

Опасаясь изменений самостоятельности городского сословного самоуправления и его отдельных сословных элементов, значение которых сильно возросло в последней четверти XVIII в., правительство установило весьма узкие границы его деятельности. В отличие от петровских ратуш и магистратов, ведавших почти всеми вопросами управления города, многие функции городского управления после реформы 1785 г. остались вне компетенции сословного самоуправления. Полиция по-прежнему подчинялась правительственным органам, податное дело было подчинено казенным палатам, суд зависел от местной администрации. В ведении сословных городских органов осталось все то, что было связано с городскими пользами и нуждами, т.е. вопросы благоустройства, продовольствия, развития торговли и промыслов, защиты сословных прав и т.п. Попали в их ведение и некоторые полицейские функции: надзор за порядком на торгах и базарах; при шестигласных думах появились особые торговые депутации, смотрители, инспектора.

Неполноправность городского сословия России выражалась в том, что основная часть городских расходов приходилась не на нужды города, а на содержание администрации, полицейских учреждений, тюрем, казарм и прочих правительственных учреждений. Хозяйственную деятельность городского сословного самоуправления стесняла чрезвычайно слабая финансовая база. Бюджеты городов основывались на отчислении процентов от казенной питейной продажи, гильдейских сборов, штрафах, мелких налогах (с печей) и эксплуатации городских оброчных статей. Дефициты в городских бюджетах покрывались сборами с населения. Деятельность шестигласных дум находилась под опекой губернатора: городское собрание созывалось только с его «приказания и дозволения», он наблюдал за «правильным» употреблением суммы городским обществом. Перед губернатором и казенной палатой шестигласная дума отчитывалась о доходах и расходах[11].

Таким образом, органы городского самоуправления играли роль своеобразного административно-хозяйственного придатка государственного аппарата и полиции.

Павел I под впечатлением революционной Парижской коммуны отменил в 1798 г. Городовое положение. При нем Петербургская городская дума сначала была численно уменьшена (вместо 121 — 70 чел.), а затем и вовсе упразднена, уступив место Комиссии о снабжении резиденции припасами, распорядком квартир и прочих частей, до полиции относящихся[12]. Этой комиссии были подчинены городское правление или ратгауз, которому было поручено заведование городскими доходами. Эта новая организация городского управления, введенная 12 сентября 1798 г. в Петербурге, была распространена в 1799 г. и на Москву Уставом столичного города Москвы, при этом главное руководство над городским управлением в Москве было вверено департаменту Петербургской комиссии[13]. Согласно указу от 4 сентября 1800 г., во всех губернских городах были учреждены ратгаузы (из коронных и выборных чиновников), поставленные под наблюдение сената[14] Новые городские учреждения должны были подчиняться непосредственно губернатору.

Александр I в 1800 г. восстановил Екатерининскую грамоту. По его велению ратгаузы были отменены, Городовое положение и грамота, данная городам Екатериной II, торжественно были подтверждены Манифестом 2 апреля 1801 г. и признаны одним из главных «непреложных и неприкосновенных постановлений»[15]

В дальнейшем сословное правление укреплялось. Манифестом 1 января 1807 г. купечеству были дарованы новые преимущества: установлено новое звание первостатейных купцов, которым было дано право избираться только на почетные городские должности. Существовавшее до того времени звание именитых граждан было отменено для купечества и оставлено лишь для ученых и художников. С установлением в 1832 г. нового сословия почетных граждан исчезли звания первостепенных купцов и именитых граждан[16].

Однако, несмотря на это, городское хозяйство приходило в упадок. Увеличение количества городов, изменения в их социально-экономической структуре, возрастание роли городских центров в политической и культурной жизни вызывали потребность в эффективной системе управления ими. Видимый упадок городского хозяйства все более беспокоил правительство, что привело к коренному пересмотру городского общественного управления. Еще в 40-е гг. XIX в. начались подготовительные работы по преобразованию городского общественного управления, однако они привели к реформе в 1846 г. только Петербургского управления. Одна из основных целей реформы состояла в том, чтобы привлечь к участию в общественном правлении неподатные сословия городского населения.

По городовому Положению 1846 г. к городскому обществу причислялись пять категорий населения: потомственные дворяне, личные дворяне, почетные граждане и разночинцы, купцы, ремесленники, записанные в цехи. Для получения избирательного права устанавливался достаточно высокий имущественный ценз — годовой доход в 100 руб. серебром с недвижимых имуществ, денежных капиталов или товаров, вводился двухлетний ценз оседлости; минимальный возрастной ценз составлял 21 год. По этой реформе распорядительные функции городского управления переносились с собрания городского общества на собрание его уполномоченных — общую думу. Исполнительные функции осуществлялись коллегиальным учреждением, получившим название «распорядительная дума». Она состояла из городского головы, 12 избранных членов и «члена от короны», т.е. лица, назначаемого правительством. Организация городского управления полностью строилась на сословном принципе. Главным уполномоченным всего городского общества являлся городской голова. Он председательствовал в общей думе и был первой фигурой в распорядительной думе, мог избираться из дворян, почетных граждан и купцов первой гильдии, для него устанавливался минимальный возрастной ценз — 30 лет[17] Пределы самостоятельности

городского управления были невелики, но тем не менее эта реформа была шагом вперед.

Вплоть до начала 60-х гг. XX в. Петербург был единственным городом, где было введено новое общественное устройство. В 1862 г. такое устройство городского управления было введено в Москве, а в 1863 г. — в Одессе[18]

Перемены в экономической жизни России актуализировали вопрос о реформе городского управления, поэтому 20 марта 1862 г. последовало Высочайшее повеление, в соответствии с которым министерству внутренних дел было предписано безотлагательно принять меры к улучшению общественного управления во всех городах империи. Приступая к исполнению этой задачи, министерство признало необходимым ознакомиться с местными особенностями и экономическим положением городов. Сбор и обсуждение нужной информации были возложены на комиссии, учрежденные в каждом городе, состоящие из представителей всех разрядов городского населения. Результаты работы 509 комиссий, а также материалы, собранные министерством, были сгруппированы в ряде официальных изданий[19].

Эти материалы послужили основой для составления проектов нового положения о городском общественном управлении и устава о городском хозяйстве, внесенных в 1866 г. в Государственный совет. После соответствующей доработки в 1869 г. эти документы были вторично представлены в Государственный совет. Подготовка реформы затянулась на 8 лет, но 16 июня 1870 г. было утверждено новое Городовое положение, согласно которому учреждениями городского общественного управления являлись городские избирательные собрания, городская дума, городская управа[20] Городские избирательные собрания избрали гласных городской думы, через каждые 4 года время их созыва определялось думой. Выборы в городскую думу проводились по трем избирательным съездам (крупных, мелких и средних налогоплательщиков), избиравшим по равному числу гласных. Городская дума, являясь распорядительным органом, избирала из своего состава исполнительный орган — городскую управу, в составе головы и членов управы. Городской голова возглавлял и думу, и управу, координируя работу этих учреждений. Городская управа являлась исполнительным органом. Число ее членов не должно было быть менее двух, помимо председателя. На управу возлагалось управление делами городского хозяйства; она изыскивала возможности его улучшения, исполняла предписания думы, составляла проекты городских смет, собирала нужные ей сведения, представляла отчеты о своей деятельности.

Для принятия мер в чрезвычайных ситуациях при городской управе учреждались особые исполнительные комиссии (временные и постоянные). В круг полномочий органов городского правления входило благоустройство города (устройство и содержание улиц, площадей, тротуаров, мостовых, бульваров, водопроводов и т.д.); освещение города, а также дела, касающиеся благосостояния городского населения (обеспечение продовольствием, устройство базаров и т.д.). Сфера действий общественного правления ограничивалась пределами города.

Таким образом, на городские думы и управы возлагались административные и хозяйственные задачи. Руководящую роль в городском самоуправлении получили представители крупной городской буржуазии. Для надзора за деятельностью городских дум и управ в каждой губернии создавалось губернское по городским делам присутствие под председательством губернатора, которое принимало жалобы на городские органы самоуправления. Надзору и опеке присутствия подлежала вся хозяйственная деятельность городских органов самоуправления.

Городовое положение 1870 г. явилось шагом вперед по сравнению с дореформенным порядком организации городского управления. В соответствии с потребностями капиталистического развития городов на смену сословному принципу пришло представительство, основанное на буржуазном имущественном цензе. Городские думы в пределах отведенной им сферы деятельности наделялись самостоятельностью и независимостью от администрации. Компетенция органов городского самоуправления сводилась исключительно к сфере хозяйственной деятельности. Однако и здесь их возможности были узки вследствие ограниченности бюджетных средств. Существенным ограничением прав было установление так называемых обязательных расходов (на полицию, содержание тюрем и казарм и т.д.). По мнению В.А.Нардовой, серьезный «минус» городового положения заключался в том, что принцип разграничения исполнительной и распорядительной власти был проведен недостаточно последовательно. Например, совмещение обязанностей председателя думы и управы, а также отсутствие у городских учреждений принудительной власти.

В низком образовательном уровне большинства гласных губернское начальство видело одну из основных причин низкой эффективности деятельности органов самоуправления. Позицию правительства определила боязнь открыть доступ в органы самоуправления представителям разночинной интеллигенции, которая потенциально могла привнести в них нежелательные оппозиционные настроения.

Необходимость коренной реформы городского управления обусловливалась также низкой оценкой правительства деятельности дум. Были случаи злоупотребления в расходовании городских средств, а основную массу гласных характеризовало равнодушие к общественному делу. Многие недостатки объяснялись отсутствием опыта общественной муниципальной практики, но главное, на наш взгляд, заключалось в том, что городовое положение 1870 г., предоставив новым общественным учреждениям широкий крут полномочий и возложив на них ответственность, не создало благоприятных условий для их работы.

Негативная оценка городского общественного управления является неверной. По сравнению с нереформированными городскими учреждениями, новые органы самоуправления добились существенных результатов в области народного образования, медицинского обслуживания населения, благотворительности. Успехи городового положения 1870 г. были официально отмечены Александром III в указе 11 июня 1894 г., в котором говорилось что городовое положение 1870 г. принесло за 20 лет своего применения немаловажную пользу. Несмотря на недостатки положения, пронизывающий его дух самоуправления и дарованное им право самостоятельного управления имели, безусловно, положительное значение, были необходимы, современны, и не могли не оставить позитивного следа в истории русской культуры[21].

Уже в начале 80-х гг. XIX в. ряд законодательных предложений был направлен на частичное ограничение действия принципов самоуправления. В конце 80-х — начале 90-х гг. XIX в. царизм проводит ряд реформ (они известны под названием контрреформ), ознаменовавших переход к новому правительственному курсу в отношении местного общественного управления. Задачу усовершенствования этой сферы управления правящие круги пытались решить путем включения земства и городских дум в общую систему государственных учреждений, но не на основе развития принципов самоуправления, а максимального усиления подчинения общественных учреждений бюрократическому аппарату. Вместе с тем расширялось представительство дворянства в местном управлении, поэтому 11 июня 1892 г. было введено новое городовое положение[22].

Городовое положение 1892 г. строилось на основе предшествующего. Оно заменило для избирателей налоговый ценз имущественным. Избирательные права получили только жители города, имевшие недвижимое имущество, оцененное особой оценочной комиссией в столицах и городах с населением

свыше 100 тыс. чел. на сумму не менее 3 000 руб., в губернских городах — 1 000—1 500 руб. (в зависимости от размера города), в уездных — 300 руб. В число избирателей включались владельцы торгово-промышленных заведений города, имеющие гильдейские свидетельства[23] Это существенно повысило влияние крупных промышленников и торговцев как наиболее богатого, но не самого развитого класса городского населения. Мелкая и часть средней буржуазии лишались избирательных прав. Число избирателей по городам России, имевшие городское самоуправление, сократилось в несколько раз.

В мелких городских поселениях с упрощенным общественным управлением вместо городской думы были учреждены собрания городских уполномоченных (от 12 до 15 чел.). Собрание уполномоченных избирало городского старосту с одним или двумя помощниками. По новому городовому положению весь комплекс вопросов, которыми городские думы занимались ранее, был за ними сохранен. В целом нетронутой осталась и прежняя организация общественного управления. Однако в результате проведения реформы коренным образом менялся характер отношений между административной властью и думами, усиливалась опека над ними, существенно сокращались пределы их самостоятельного действия. Было узаконено право администрации при определенных обстоятельствах назначать руководящих должностных лиц и гласных думы. Ограничение самостоятельности органов общественного управления шло и по линии их дальнейшей бюрократизации. Теперь наряду с городским головой, его помощником и замещающими их лицами все остальные члены управы считались состоящими на государственной службе, утверждались или назначались и увольнялись с должности администрацией.

Городовое положение сохраняло за распорядительным органом его выборный характер, но при этом численный состав дум сильно сокращался, а гласных подчинили бюрократическому регламенту. Их присутствие на заседаниях думы становилось строго обязательным. Была сужена самостоятельность действий городских дум. Перед каждым очередным собранием думы перечень рассматриваемых вопросов представлялся городским головой губернатору и рассылался гласным думы.

По мнению В.А.Нардовой, с одной стороны, усиление административного контроля могло препятствовать злоупотреблению должностными лицами общественного управления, нерациональному расходованию городских средств, но в целом имело скорее негативные последствия: ограничивало инициативу дум, открывало большие возможности для неоправдан-

ного вмешательства администрации в их дела, порождая тем самым бесконечные конфликтные ситуации. В связи с этим правительство пришло к выводу о том, что реформа не привела к ожидаемым результатам в отношении как изменения социального состава дум, так и совершенствования форм и методов ведения хозяйства. Уже в конце 90-х гг. XIX в. правящие круги предприняли попытку частичного пересмотра городового положения. Однако деятельность созданной с этой целью комиссии осталась незавершенной. Между тем в прессе на заседаниях различных научных обществ и даже в самих думах все настойчивее поднимался вопрос о непригодности действующего городового положения для решения усложняющихся с каждым годом муниципальных задач. Также ставился вопрос о пересмотре избирательного закона и расширении прав дум[24]

Оценить, как повлияла реорганизация общественного управления на эффективность деятельности дум, достаточно сложно. Рост численности населения и территории городов, технический прогресс и накопление опыта муниципальной практики привели к значительным переменам в коммунальном хозяйстве, расширению его объемов, появлению новых отраслей и направлений, усложнению форм и методов хозяйственной деятельности дум. Последние десятилетия XIX в. ознаменовались оживлением городского хозяйства. В некоторых городах появились электрическое освещение, трамваи, водопроводы, канализация, бойни, кирпичные заводы и т.д., хотя инициатива в этом не всегда принадлежала городским управлениям.

К институту городского общественного управления, в том виде в каком он функционировал после 1892 г., лишь условно применим термин «самоуправление» в его классическом понимании. Тем не менее общественное управление не утратило черт, которые отличали его от учреждений правительственной администрации. Пусть и в сильно усеченном виде, но некоторая самостоятельность у дум сохранялась. Самоуправление, даже и такое усеченное, способствовало проявлению общественной инициативы в решении не только хозяйственных, но и социальных проблем.

Земская и городская реформы начала 90-х гг. XIX в. ознаменовали решительный поворот в отношении органов местного общественного управления. Однако реальные изменения в городском самоуправлении после введения положения 1892 г. оказались незначительными, а усиление контроля местной администрации за деятельностью дум произошло раньше и в 1892 г. было введено в текст городового положения. Является

ли городовое положение реформой или контрреформой? На наш взгляд, это контрреформа в теории, в отношении практики этого сказать нельзя. В отдельных аспектах оно давало более демократичные возможности городским гласным и их избирателям. Реформу 1892 г. вряд ли можно считать контрреформой, т.к. изменения, привнесенные ей в муниципальное законодательство, в значительной мере отражали условия жизни в России в конце 80-х — начале 90-х гг. XIX в. Тот факт, что городовое положение не менялось с 1892 по 1917 г., свидетельствует о значительной жизнеспособности документа в российской действительности того времени.

На современном этапе развития страны проблемы местного самоуправления приобрели особую актуальность. Постепенно в общественном сознании укореняется представление о необходимости самоорганизации, самоуправления для более эффективного, рационального удовлетворения материальных и духовных потребностей населения в рамках местных сообществ. В этих условиях именно дореволюционная модель городского самоуправления все чаще рассматривается в качестве наиболее приемлемого образца преобразования системы представительных органов власти. Определенная преемственность в развитии современного законодательства о местном самоуправлении с законодательством XIX в. прослеживается в новом Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», принятом Государственной Думой в октябре 2003 г. В нем устанавливаются общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, определяются государственные гарантии ее осуществления.

Можно провести аналогии с органами городского самоуправления XIX в. Эта преемственность выражается в структуре органов местного самоуправления, разделении между органами городского самоуправления функций исполнительной и законодательной (представительной) власти, а также в их компетенции. В новом законе четко прослеживается принцип разделения власти на законодательную (представительную) и исполнительную. Исполнительно-распорядительным органом является местная администрация, а представительный орган состоит из депутатов, избираемых на муниципальных выборах (городской совет). Глава муниципального образования не может быть одновременно председателем представительного органа муниципального органа и главой местной администрации.

Таким образом, продолжается процесс демократизации городского самоуправления, предоставления ему больших полномочий, независимости от органов государственной власти. Так, ст. 131 Конституции РФ устанавливает, что население определяет структуру органов местного самоуправления самостоятельно. В новом законе о местном самоуправлении также устанавливается обязательность наличия выборных органов местного самоуправления в муниципальных образованиях; уставами конкретных муниципальных образований закреплены определенные модели местного самоуправления, в соответствии с которыми организуется осуществление местного самоуправления на данной территории.

Изучение богатого опыта органов местного самоуправления XIX в., особенно их культурно-хозяйственной деятельности, имеет не только научное, но и практическое значение. Это позволит избежать ошибок прошлого, использовать все лучшее, и на этой основе совершенствовать взаимодействие структур государственной власти и общественного самоуправления.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Полное собрание законов Российской империи. 1688—1700. СПб., 1830. Т. 3. С. 256—264.
[2] Там же. С. 259.
[3] См.: Там же. Т. 7. С. 388—397.
[4] См.: *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 92.
[5] Полное собрание законов... Т. 7. С. 391.
[6] См.: *Ф.А.Брокгауз, Н.А.Эфрон.* Словарь. Т. 17. С. 323—324.
[7] См.: Полное собрание законов... Т. 22. С. 358—384.
[8] См.: *Ерошкин Н.П.* Указ. раб. С. 126—127.
[9] Там же. С. 127.
[10] Там же.
[11] Там же. С. 127—128.
[12] См.: Полное собрание законов... Т. 24. С. 369—382.
[13] См.: *Брокгауз Ф.А., Эфрон Н.А.* Указ. раб. С. 325.
[14] См.: Полное собрание законов... Т. 26. С. 284.
[15] Там же. С. 602.
[16] См.: *Брокгауз Ф.А., Эфрон Н.А.* Указ. раб. С. 325.
[17] См.: *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л., 1984. С. 15.
[18] См.: *Брокгауз Ф.А., Эфрон Н.А.* Указ. раб. С. 326.
[19] Там же.
[20] См.: Городовое положение 1870 г. / Полн. собр. законов Росс. империи. СПб., 1874. Т. XLV. Отделение первое. С. 821—839.
[21] См.: *Гр.Джаншиев.* Эпоха великих реформ. Исторические справки. М., 1896. С. 565—567.
[22] См.: Полное собрание законов... Собр. третье. Т. 12. СПб., 1892. С. 430—456.
[23] Там же. С. 437.
[24] См.: *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX — начале XX вв. СПб., 1994. С. 155.

Поступила 26.09.2003.



А.А.ГОЛУБЕВ

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ СРЕДЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Современный этап развития институциональной структуры мировой и национальных экономических систем характеризуется усилением интеграционных тенденций, сущность которых состоит в стремлении субъектов хозяйствования к установлению долговременных связей во всех областях их деятельности. Интеграционные процессы охватывают не только коммерческие функции (закупки и сбыт), но и финансовые, включающие все виды финансирования (инвестиционное и краткосрочное кредитование, эмиссия и размещение долговых обязательств и прав собственности), а также производственные (разработка и использование технологических инноваций) и рыночные (координация деятельности на отраслевых и региональных рынках). Главными факторами, определяющими масштабы и темпы интеграционных процессов в экономически развитых странах, являются сокращение совокупных издержек и формирование благоприятной рыночной среды, позволяющие наращивать объемы продаж и прибыли их участников. Результатом этих процессов представляется формирование ограниченного числа комплексов хозяйствующих субъектов, управление которыми осуществляется на основе общих экономических и рыночных целей в рамках общей интегрированной многоуровневой системы.

Интегрированная система управления представляет собой иерархическую совокупность органов управления (субъектов управления) группой (комплексом) предприятий (объектов управления), целью которой является разработка и реализация управленческих решений, обеспечивающих устойчивое рыночное, экономическое и финансовое развитие комплекса в целом при максимально возможном соблюдении интересов каждого участника.

ГОЛУБЕВ Андрей Александрович, заведующий кафедрой учета и финансов Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики, кандидат экономических наук, доцент.

Необходимо отметить, что общие для экономики всех без исключения стран и мирового хозяйства тенденции к интегрированию приобретают определенную и весьма значимую специфику в государствах, находящихся на стадии качественных политических и экономических изменений, для которых важнейшим комплексным фактором интеграции является состояние среды хозяйствования.

Смысл термина «среда хозяйствования» сводится к тому, что она представляет собой совокупность факторов, определяющих возможности развития предприятия в конкретной ситуации. В состав среды хозяйствования входят внешняя среда (факторы, формируемые окружением предприятия), подразделяемая на макро- (среда косвенного воздействия) и микросреду (среда прямого воздействия) и внутренняя среда (факторы, формирующие ситуацию внутри предприятия).

В современных условиях для внешней среды хозяйствования характерна высокая и постоянно нарастающая динамика ее изменения, определяющаяся такими основными объективными характеристиками, как усиление социальной направленности внутренней политики, усиление законодательного давления на предприятия, развитие инновационно-технологического сектора, ужесточение конкурентной ситуации, сокращение жизненного цикла продуктов, снижение массовости производства. Необходимым следствием такой ситуации является адекватное реформирование внутренней среды, которое становится условием существования субъекта хозяйствования. Однако, по нашему мнению, динамика изменения среды хозяйствования становится определяющим фактором интеграции в тех условиях, когда эта среда становится нестабильной.

Стабильность среды хозяйствования определяется возможностью прогнозировать с достаточно высокой вероятностью качественное содержание и количественные значения ее характеристик, позволяющих принимать объективно обоснованные решения о развитии предприятия на такой период времени, который позволяет реализовать эти решения и получить ожидаемый результат. Согласно данному определению, в основе стабильности среды хозяйствования лежит существование достаточно устойчивых и долгосрочных тенденций ее изменения во всех элементах: макросреде, микросреде и, как следствие, внутренней среде предприятия. Если таких тенденций не существует, среду хозяйствования следует признать нестабильной и в этих условиях интеграция субъектов хозяйствования на основе формирования интегрированной системы управ-

ления становится, как показано ниже, главным инструментом преодоления их негативного влияния.

Несмотря на то, что определенная степень нестабильности присуща среде хозяйствования экономически развитых стран, она охватывает, как правило, только отдельные ее составляющие, такие, например, как технологические инновации или определенную часть партнеров предприятия. В то же время в условиях переходной экономики нестабильность среды хозяйствования представляется ее фундаментальным имманентным признаком, что позволяет говорить об объективно высоком уровне интеграционных процессов[1]. Необходимо отметить, что несмотря на очевидную тенденцию российских предприятий к интегрированию, реальная количественная оценка интенсивности этого процесса представляет сложную задачу, решение которой затрудняется отсутствием в официальной российской статистике данных об объемах производства предприятий, действующих в рамках интегрированных систем управления.

Наиболее сильным инструментом объективного подтверждения тезиса об интенсивности интеграционных тенденций в условиях переходной экономики представляется содержательный (качественный) анализ общей информации о ее состоянии, динамике и на его основе — выделение круга факторов, определяющих стремление хозяйствующих субъектов к объединению и формированию интегрированной системы управления.

Главным интегральным фактором, определяющим высокую интенсивность интеграционных процессов в условиях переходной экономики, является, как отмечалось выше, высокая нестабильность внешней среды хозяйствования, которая проявляется в каждом ее элементе. Однако особенно значимыми, определяющими жизненную необходимость функционирования предприятий в рамках интегрированного комплекса, являются тенденции, объективно складывающиеся в экономической и технологической составляющих внешней макросреды.

Основные экономические показатели развития национального хозяйства (валовой внутренний продукт, отраслевые объемы производства, отраслевая рентабельность продукции) подвержены частым и непредсказуемым изменениям.

Валовой внутренний продукт (ВВП) Российской Федерации, измеренный в текущих ценах, в исследуемом периоде проявлял тенденцию постоянного роста и увеличился более чем в 4,2 раза: с 2 145,7 млрд руб. в 1996 г. до 9 040,8 млрд руб. в 2001 г. (с учетом инфляции коэффициент роста ВВП в сопоставимых ценах в течение периода в целом составил 3,5 (2 145,7 млрд руб. в 1996 г. и 7 534,0 в 2001 г.). Важным с точки зрения обосно-

вания объективности интеграционных процессов является тот факт, что этот рост был крайне неравномерным: изменение объема ВВП по отношению к предыдущему году колебалось от −7,8 % в 1998 г. до +9,4 в 2000 г., при этом тенденции роста и падения в течение периода сменяли друг друга[2]

Еще более наглядное представление о неравномерности развития национальной экономики России во времени дает отраслевой анализ динамики экономических показателей. Объемы промышленного производства по годам колебались значительно сильнее, чем ВВП: падение в 1998 г. составило −14,8 %, а подъем в 1999 и 2000 гг. — соответственно +17,3 и +14,7 %. Снижение темпов развития отрасли в 2001 г. выражено менее остро, чем экономики, и составило 11,5 % по сравнению с 14,7 % в предыдущем году. Рентабельность промышленной продукции, выросшая в течение периода в 2 раза (с 9,2 % в 1996 г. до 18,5 % в 2001 г.) изменялась крайне неравномерно: стабилизировавшись в начале периода на уровне 9—9,2 % (1996—1997 гг.), этот показатель резко возрос в 1998 г. (12,8 % соответствует увеличению в течение года на 41,8 %) и радикально увеличился в 1999 г. (25,5 % — увеличение на 100,8 %). Этот уровень рентабельности сохранился в 2000 г. (24,7 % — относительное снижение на 3,1 %), а затем резко снизился, составив в 2001 г. 18,5 %, что по отношению к предыдущему году равнялось −25,1 %. Затраты на 1 руб. продукции в промышленности также проявляли тенденцию хаотического колебания, достаточно хорошо коррелируясь с рентабельностью: стабилизировавшись в начале периода (+0,2 % за 1996—1997 гг.), этот показатель снизился на 4,2 % в 1998 г. и на 10,0 % в 1999 г., снова стабилизировался (2000 г. — −0,7 %) и значительно вырос в 2001 г. (+5,3 %).

Экономическая ситуация, сложившаяся в национальном хозяйстве России и в целом характерная для стран с переходной экономикой, ставит хозяйствующие субъекты в условия, когда для обеспечения хотя бы относительной стабильности их рыночного и финансового положения необходима постоянная готовность к реагированию на происходящие изменения. Эта готовность может состоять в наличии резервов, использование которых позволяет компенсировать влияние внешней среды в течение определенного периода времени, способности достаточно оперативной продуктовой переориентации (регулирование объемов и состава реализуемых видов деятельности), в применении эффективных современных методов менеджмента и иных инструментов влияния на внутреннюю (отчасти и внешнюю) среду предприятия. Такое влияние, на наш взгляд, может

осуществляться с наибольшей результативностью только в условиях функционирования общей для группы предприятий системы управления, перераспределяющей соответственно новой ситуации все виды ресурсов.

Вторым интегральным фактором, определяющим интенсивность интеграционных процессов в условиях переходной экономики, по нашему мнению, является состояние внешней микросреды хозяйствования, для которой характерны значительные проблемы. Их решение существенно облегчается при объединении ранее независимых предприятий в единое целое или путем создания новых предприятий, организационно объединенных общими связями. Во внешней микросреде решающее значение для интенсификации интеграционных процессов имеет состояние таких ее элементов, как поставщики и потребители (партнеры) предприятия, для которых в условиях переходной экономики характерна весьма низкая способность отвечать по собственным обязательствам, определяемая как объективными (негативные тенденции изменения макросреды), так и субъективными (низкая степень ответственности менеджмента) обстоятельствами.

Общая динамика изменения удельного веса несостоятельных (убыточных) организаций в течение 1996—2001 гг. может быть признана положительной, поскольку этот показатель по экономике в целом снизился от величины 50,6 до 37,9 %, однако в промышленности это было менее значительным (с 43,5 до 39,3 %). Важным обстоятельством процесса улучшения финансового положения организаций в национальном хозяйстве России является, на наш взгляд, то, что сам процесс является достаточно равномерным. Это свидетельствует об общей тенденции к стабилизации в партнерской составляющей внешней среды хозяйствования. Однако данные на конец 2001 г. показывают, что число несостоятельных предприятий-партнеров весьма высоко, а описанная выше динамика явно недостаточна. Об этом говорит тот факт, что, например, в течение последних двух лет исследуемого периода количество убыточных предприятий как в целом по экономике страны (−2,5 % в 2000 г. и −4,8 % в 2001 г.), так и по отдельным важнейшим комплексным отраслям (промышленность — соответственно +1,5 и −1,0 %, сельское хозяйство — −3,8 и −8,7 %, строительство — −1,3 и −4,8 %) уменьшалось недостаточно быстро. С точки зрения реального состояния этого элемента внешней среды необходимо отметить, что его стабильность в настоящий момент времени невысока.

Процессы формирования и развития интегрированных комплексов являются одним из наиболее действенных инструментов решения проблем, возникающих у предприятий в процессе их взаимодействия с партнерами. Такой комплекс, объединяя наиболее важных партнеров или создавая предприятия, которые выполняют функции партнеров, являющихся несостоятельными, трансформирует внешние связи отдельных предприятий в систему внутренних взаимодействий. Таким образом, бывшие элементы внешней среды ранее автономных предприятий включаются в ее внутреннюю среду и становятся объектами интегрированной системы управления, что существенно повышает уровень их надежности, минимизирует риск потерь и создает объективные предпосылки для повышения эффективности деятельности как комплекса в целом, так и его отдельных составляющих.

В то же время необходимо учитывать, что содержательному анализу вообще присуща некоторая субъективность и его выводы целесообразно подтверждать более объективными формальными методами. Наиболее адекватным задаче исследования стабильности среды хозяйствования, понимаемой как возможность прогнозирования ее состояния, представляется использование аппарата математической статистики.

Для формальной оценки степени стабильности среды хозяйствования в первую очередь необходимо определить набор показателей, характеризующих составляющие каждого элемента среды хозяйствования, имеющие количественное измерение, для которых может быть построена система опосредованных количественных (например, экспертных) оценок. Для каждого показателя следует построить тренд в виде достаточно простой функциональной зависимости его величины от времени. Он может быть использован для построения прогноза изменения показателя. Качество построенного тренда представляет собой общую характеристику надежности прогноза и в совокупности с математико-статистическими параметрами позволяет определить вероятность его реализации, которая принимается в качестве оценки степени стабильности соответствующего элемента среды хозяйствования, а совокупность этих оценок составляет общую оценку стабильности среды.

В качестве показателей, характеризующих состояние внешней среды хозяйствования в промышленности, были выбраны: для характеристики макросреды — данные об изменении валового внутреннего продукта (как показатель общих возможностей потребления промышленной продукции), объема про-

мышленного производства, рентабельности и затрат на 1 руб. промышленной продукции; для характеристики микросреды — удельный вес убыточных предприятий в экономике (как показатель состояния потенциальных партнеров промышленных предприятий) и удельный вес убыточных предприятий в промышленности.

Результаты проведенной математико-статистической оценки стабильности внешней среды хозяйствования, исходящей из прогноза изменения показателей состояния внешней среды в процентах к предыдущему году, построенного по линейному тренду с допущением отклонения фактических значений от прогнозных не более чем на 10 % (предельная величина общего риска), показывают, что недостаточная адекватность тренда по коэффициенту детерминации (от 0,32 для объема промышленного производства до 0,05 для удельного веса убыточных предприятий в экономике) формирует крайне низкую вероятность реализации прогноза (соответственно доверительная вероятность от 12 % до менее 1 %), что объективно подтверждает вывод о низком уровне стабильности среды.

Проведенное исследование факторов, определяющих объективность интенсификации интеграционных процессов в условиях переходной экономики в Российской Федерации, позволяет сделать вывод о том, что общая для нескольких субъектов хозяйствования интегрированная система управления при использовании научного подхода к разработке методологии и методики ее формирования является инструментом, использование которого обеспечит максимальную адаптацию предприятий к нестабильно меняющимся условиям хозяйственной деятельности.

Одним из проявлений этого процесса является формирование корпораций — хозяйственных объединений, в рамках которых группа предприятий стремится обеспечить максимально адекватную согласованную реакцию на изменения нестабильной транзитивной внешней среды путем интеграции, используя для этого общие ресурсы и соблюдая интересы каждого участника.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В тексте термин «переходная экономика», за исключением следующих из контекста случаев, при исследовании проблем управления используется как синоним понятия «нестабильная среда хозяйствования».

[2] Используются материалы: Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. 690 с.

Поступила 13.10.2003.



И.В.АРЖЕНОВСКИЙ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СЕТИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Социально-экономическое развитие общества в настоящее время неразрывно связано с территориальным аспектом. Ускоряющийся процесс глобализации активизирует регионализацию и локализацию экономической и социальной жизни.

Регионализацию, на наш взгляд, следует рассматривать не как тенденцию к автаркии, а напротив, как важный шаг вперед на пути включения регионов в число участников национального и мирового рынков. Этот шаг обусловливает коренные изменения в пространственной организации экономики и реализации государственной региональной политики. В частности, традиционные иерархические отношения управления на всех уровнях (от хозяйствующего субъекта до государства) дополняются горизонтальными сетевыми отношениями, требующими (наряду с формальными) неформальных контактов, информационного обмена и навыков кооперации.

Под глобализацией в экономическом плане понимается процесс, благодаря которому рынки и производство в различных странах становятся все более взаимозависимыми из-за динамики торговли товарами и услугами, движения капитала и технологий. Конкуренция в данном случае также становится глобальной.

Одним из последствий глобализации является снижение роли национальных государств в пользу транснациональных корпораций и отдельных регионов. И первые, и вторые уже не нуждаются в исключительном регулировании деятельности со стороны государств, так как ориентируются на мировые правила и нормы ведения торговли, валютно-финансовых операций, охраны природы, обеспечения социального порядка. За

АРЖЕНОВСКИЙ Игорь Валентинович, доцент кафедры финансов и статистики Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат экономических наук.

место размещения предприятий и организаций, домашних хозяйств начинают все более и более конкурировать территории, а не страны. При этом возрастает роль так называемых мягких факторов размещения[1]. Происходят изменения в отраслевой структуре (бум высоких технологий и информатики), факторах производства (рост значения человеческого капитала), способах организации производства (выделение части производства в самостоятельное предприятие — outsourcing), а также связанные с ними институциональные изменения (например, расширение проектных форм управления территорией)[2].

В ответ на эти вызовы регионы стремятся изменить сложившуюся специализацию, найти такие долгосрочные, уникальные и трудно воспроизводимые другими территориями качества, которые могли бы обеспечить их конкурентоспособность. Они вынуждены действовать самостоятельно, строя управление регионом на принципах самоорганизации, взаимозависимости участников и ресурсов регионального социально-экономического комплекса, применения формальных и неформальных норм и правил координации и кооперации. В результате возникает новое в региональной науке понятие — «региональное регулирование». По мнению Д.Фюрста, его характерными особенностями являются, во-первых, в отличие от институционализированной системы государственной власти — система координации коллективных действий региональных экономических акторов по достижению ими совместно поставленных целей. Во-вторых, интеграция трех видов управленческой логики: иерархической (управление политико-административными единицами), рыночной (управление хозяйствующими субъектами), социоэмоциональной (управление социальной и культурной сферами). В-третьих, смещение акцентов от регулятивного к кооперативному типу государственного управления, от централизованного к децентрализованному (само-) управлению, от административно-территориальных — к функциональным отношениям внутри регионального сообщества[3].

К составным частям регионального регулирования можно отнести партнерство, сотрудничество региональных, муниципальных органов власти и управления, а также частного сектора экономики в целях стимулирования развития экономики региона; региональные аспекты устойчивого развития, обеспечивающие сбалансированное функционирование основных элементов региональной экономики (окружающей среды, населения, хозяйственного комплекса) без ущемления шансов будущих поколений; региональный маркетинг, ориентируемый

на потребности целевых групп покупателей услуг территории; электронное правительство, основанное на современных информационных технологиях отношения региональных органов государственной власти и управления с физическими и юридическими лицами, имеющие целью достижение максимальной прозрачности, предсказуемости и информированности вторых о действиях первых; стратегическое региональное планирование, в ходе которого определяются наиболее важные для территории тенденции развития экономики и общества, анализируются потенциал и внешние рамочные условия его развития, выбирается теоретическая база, объясняющая закономерности регионального развития и причины диспаритетов, определяются стратегические цели, принципы и направления территориальной экономической политики, а также необходимые инструменты, ресурсы и формы контроля; региональные сети, представляющие собой гетерархическую, децентрализованную форму управления и организации территории, противоположную традиционным иерархическим формам. Имеет смысл остановиться более подробно на последнем направлении.

Наиболее адекватно сущность региональных сетей отражает, на наш взгляд, определение Федерального ведомства ФРГ по строительству и пространственному планированию: «региональные сети — это формы кооперации в регионе, при которых партнеры добровольно и равноправно соединяют и дополняют свои способности и потенциалы для того, чтобы совместно лучше выполнять свои задачи»[4].

Как видно из определения, сети рассматриваются в качестве антипода конкуренции территорий, хотя, как показано выше, они сами вызваны к жизни обостряющейся глобальной конкуренцией. Подчеркнем, что базовыми условиями построения сетей служат самостоятельность и добровольность сотрудничества; равноправие, независимо от размера участника; сотрудничество на перспективу; общие цели и интересы; плоская иерархия с прозрачной легитимацией власти; децентрализация ответственности; вертикальные и горизонтальные организационные связи и коммуникации; координация сотрудничества с помощью четких правил, строгая оценка результатов[5].

Часто допускается смешение близких понятий «кластер», «сеть», «промышленный район». Во избежание ошибок и неверного использования терминов следует придерживаться их различного толкования. Под кластером обычно понимают региональную концентрацию предприятий, которые принадлежат к одним и тем же или родственным отраслям. Промышленный

район наряду с отраслевой специализацией и территориальной концентрацией предприятий характеризуется специфической структурой вспомогательных и обслуживающих отраслей, неразрывной связью экономической и социальной сфер, многосторонними доверительными отношениями хозяйствующих субъектов.

Учитывая данное определение региональных сетей, можно сделать вывод о том, что кластеры могут рассматриваться как особый вариант более широкой категории «региональные сети», а промышленные районы — как особый вариант кластеров.

Выделяют три основных типа региональных сетей.

Региональные сети предприятий и организаций образуются за счет выделения в самостоятельные хояйствующие единицы подразделений крупных фирм, создания малых и средних предприятий, специализирующихся на определенном модуле. Их отличительными особенностями являются расположение на компактной территории, возникновение своеобразной региональной среды — квалифицированные трудовые ресурсы, плотная сеть смежников, научно-исследовательские и консалтинговые фирмы, личные контакты, интенсивный обмен информацией.

Сети предприятий, занимая промежуточное положение между децентрализованно управляемым рынком и иерархически организованным предприятием, обеспечивают участникам стабильность и гибкость в развитии, повышенную инновационную готовность (например, знаменитая «Силиконовая долина» в Калифорнии как символ высоких технологий в США).

Региональные сети предприятий и организаций с участием органов власти и управления. В число их участников по сравнению с первым типом входят государственные и муниципальные органы власти и управления, а также подведомственные им предприятия и организации, выполняющие роль институциональной предпосылки эффективной работы сети. В их задачи входит информировать участников о региональном потенциале, «узких местах» региона, с одной стороны, и распространять полученные положительные результаты работы отдельных участников, стимулировать работу сети в целях поддержки эндогенного регионального развития, с другой.

Сферами деятельности такого типа сетей могут быть жилищно-коммунальное хозяйство, инфраструктурные и инновационные проекты и др., например, медиа-сектор в агломерации г. Кельна (ФРГ), включающий кино-, теле- и радиосту-

дии, обслуживающие предприятия по кастингу, звукозаписи, трюкам, специализированные юридические, страховые фирмы, вузы и профессиональные школы. Он был создан и развивается на протяжении последних 50 лет при целенаправленной финансовой, материальной и организационной поддержке правительства земли Сев. Рейн-Вестфалия и муниципалитета г. Кельна.

Региональные сети городов и населенных пунктов. Их отличительной особенностью является объединение усилий территориальных администраций, а не расположение в них хозяйствующих субъектов. Это тип сетей преследует цель образовать своеобразные «противовесы» национальным и мировым метрополиям и сохранить тем самым конкурентоспособность городов и населенных пунктов межрегионального, регионального значения путем объединения ресурсов, оптимизации выполняемых функций, использования эффекта синергии, улучшения схемы расселения, обмена информацией, адаптации к новым формам территориального разделения труда[6]. Например, трансграничная сеть городов ANKE на стыке ФРГ и Нидерландов (г. Арнхейм, Ниймеген, Клеве, Эммерих). Стимулируемый Европейским союзом кооперационный проект развивает трансграничное сотрудничество, преодолевает структурные и транспортные «узкие места», способствует трансферту технологий.

Теоретические и практические проблемы создания и функционирования региональных сетей в настоящее время широко обсуждаются. Наиболее проработанной частью выглядят сети предприятий и организаций, наименее — сети городов и населенных пунктов. На наш взгляд, было бы полезным и актуальным начать обсуждение данной темы и в России. Дискуссия могла бы концентрироваться на следующих группах вопросов: во-первых, региональные сети как новый элемент организации пространства (уточнение сущностных черт и классификации сетей, роль сетей в профилировании регионов, специфика отечественных сетей); во-вторых, методические вопросы создания региональных сетей (рамочные условия построения сетей в России, предпосылки, требования, критерии построения сетей, определение участников сетей и сфер их сотрудничества, организация взаимодействия участников сетей, этапы построения сетей); в-третьих, регулирование или саморегулирование региональных сетей (потенциальное место сетей в региональной экономической политике на федеральном и региональном уровнях, роль сетей в стимулировании региональной

экономики, финансовый аспект функционирования сетей, мониторинг и контроль деятельности сетей).

Возможности применения сетевого подхода в практике региональной (государственной) политики можно показать на примерах, соответствующих трем, выделенным нами, типам сетей.

В Нижегородской области логично бы выглядело создание внутрирегиональных сетей городов с целью преодоления гипертрофированной роли областного центра и стимулирования развития периферии области. Например, на юго-западе региона в такую сеть целесообразно включить г. Выкса, Кулебаки, Навашино, Муром.

В Калининградской области региональные сети предприятий с участием органов государственной власти и управления уже формируются в рамках действующего еврорегиона «Балтика» (Калининградская область Российской Федерации, округ Борнхольм Дании, г. Лиепая и Лиепайский р-н Латвии, Клайпедский уезд Литвы, Гданьское, Ольштынское, Слупское воеводства Польши, провинции Блекинге, Кальмар, Круноберг Швеции). Трансграничное сотрудничество содействует территориальной интеграции приграничных районов, выравниванию разрывов в экономическом и социальном развитии, сохранению окружающей среды. Его важность с учетом вступления в ЕС стран Балтии и Польши трудно переоценить.

В июне 2002 г. в Пермской области приступили к реализации некоммерческого проекта «Активация пилотного кластера в Пермской области». В перечне групп производств, которые могут образовать потенциальные кластеры в Пермской области, называются добыча и переработка нефти, химическая промышленность, металлургия, телекоммуникации, строительство и др., однако приоритетной сферой признан лесопромышленный комплекс. Образование региональных кластеров рассматривается в данной ситуации как средство увеличения занятости, отчислений в бюджеты различных уровней, повышения устойчивости и конкурентоспособности региональной промышленности[7].

По уровню взаимодействия участников приведенные проекты охватывают внутрирегиональный, межрегиональный и международный срезы.

Эти и другие примеры характеризуют достаточную, на наш взгляд, перспективность концепции региональных сетей в России. Ее внедрение повысит обоснованность разработки и эффективность проведения отдельных блоков региональной экономической политики (прежде всего структурной и промыш-

ленной политики, а также инновационной и внешнеэкономической, мер по улучшению инвестиционного климата), содействуя в целом региональному росту и развитию.

Отечественные исследователи, управленцы и менеджеры предприятий имеют возможность учитывать опыт других стран, анализировать какие трудности возникают при создании региональных сетей за рубежом и каким образом они преодолеваются. Это несомненное преимущество должно быть реализовано в ходе отечественного «сетестроительства».

Таким образом, при позитивном результате в теории мы получим жизнеспособное и, возможно, усовершенствованное учение о сетевой форме организации общества в региональном аспекте, а на практике — адаптированный к российским условиям современный инструмент региональной государственной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Арженовский И.В.* Факторы размещения производительных сил как основа конкурентоспособности регионов // Регионология. 1998. № 2. С. 203—209.

[2] Данные проблемы не являются предметом статьи и требуют отдельного рассмотрения.

[3] См.: *Furst D.* Regional governance — ein neues Paradigma der Regionalwissenschaftem? // Raumforschung und Raumordnung. 2001. № 5/6. S. 370—380.

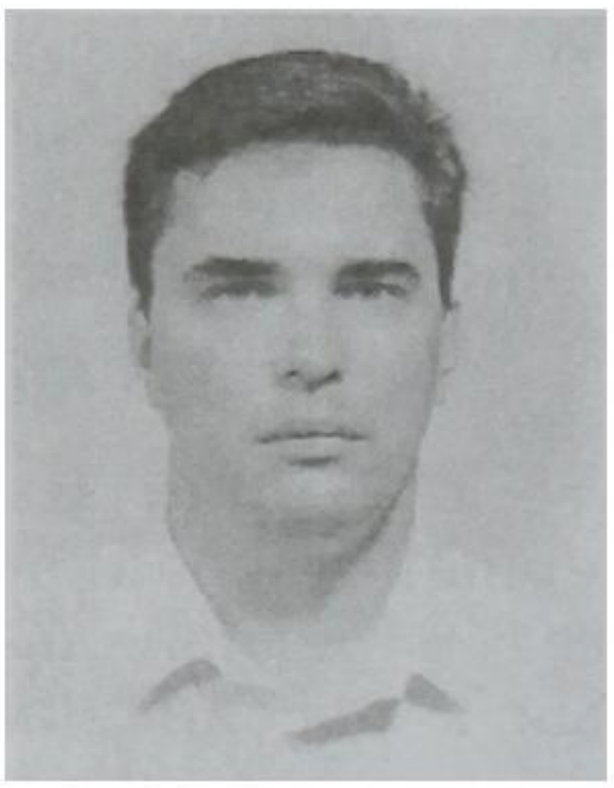
[4] Modellvorhaben «Stadtenetze». Schriftenreihe «Werkstatt: Praxis». Bundesamt fur Bauwesen und Raumordnung. Bonn. 1999. № 3. S. 2.

[5] См.: *Рюэгг-Штюрм Й., Янг М.* Значение новых сетеобразных организационно-управленческих форм для динамизации предприятий // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 6. С.

[6] Национальные и мировые метрополии в свою очередь также могут образовать глобальные сети городов.

[7] См.: http://www.regionforum.ru от 15.12.2002.

Поступила 20.12.2002.



В.В.МИТРОХИН

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ БАНКОВСКИХ СИСТЕМ

Общепризнано, что от состояния банковской системы зависит ход экономических преобразований. В России в результате формирования экономики рыночного типа банкам принадлежит особое значение, вытекающее из непосредственного участия банковской системы в решении ряда задач. Банковская система является ключевым звеном денежно-кредитной системы, способна препятствовать наращиванию дефицита государственного бюджета, раскручиванию инфляции. Она призвана обеспечить экономически обоснованное в кратко- и долгосрочном планах распределение финансовых ресурсов. Коммерческие банки участвуют в создании новых партнерских отношений с экономическими субъектами, стимулируют развитие экономического мышления, предприимчивости. Банковская система принимает активное участие в создании условий для вхождения национальной экономики в единую мировую экономическую систему, обслуживает международное движение товаров, инвестиций, рабочей силы. Последний аспект особенно актуален в связи с предстоящим присоединением России к Всемирной торговой организации.

В настоящее время все большее внимание уделяется региональным банковским структурам. События последних лет свидетельствуют не только об их жизнеспособности, но и повышении роли в развитии экономики регионов, поддержании местного производства и финансовой инфраструктуры. Стабилизация общей экономической ситуации, рост доходов населения, потребность хозяйствующих субъектов в инвестиционных ресурсах определяют как одну из приоритетных задачу совершенствования деятельности кредитных организаций. Переходя к рассмотрению мер, направленных на повышение эффективности функционирования банковской системы региона, следует подчеркнуть, что их реализация предполагает первоочередное

МИТРОХИН Владимир Владимирович, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

решение следующих задач: восстановление способности банковской системы региона предоставлять базовый комплекс услуг (осуществлять трансформацию частных сбережений в инвестиционные ресурсы, а также проводить расчеты и платежи в хозяйстве); формирование ресурсной базы обслуживания потребностей хозяйствующих субъектов региона на долгосрочной основе; повышение доверия частных вкладчиков и клиентов к банкам.

Результатом влияния разнородных тенденций, определявших в последние десятилетия характер развития банковского сектора (протекционизм в отношении создания коммерческих банков, результатом которого стало наличие значительного числа «дутых» кредитных организаций; неравномерность в территориальном распределении банковских институтов, что вызвало их переизбыток или недостаток в отдельных регионах и др.), остается достаточно высокий риск привлечения банковского капитала, особенно на долгосрочной основе. В этих условиях необходимы поиск новых форм функционирования банковского сектора, создание благоприятной атмосферы для повышения активности банков, в том числе в инвестиционном процессе. Прежде всего это создание механизмов совместного финансирования на долевых началах, например, путем объединения институтов банковской системы. Подобное объединение на консорциальной основе позволит координировать и согласовывать действия банков-участников, увеличить объем кредитования, минимизировать возможные риски. Участвуя в консорциальном кредите, коммерческие банки решают две задачи: работают с крупными заемщиками и удовлетворяют требования Центрального банка Российской Федерации по уровню кредитного риска.

Несмотря на очевидные преимущества синдицированного кредитования, позволяющего диверсифицировать и перераспределять кредитные риски на нескольких кредиторов, такой вид кредита среди российских банков пока особой популярностью не пользуется. В 2000—2001 гг. синдицированные кредиты предоставляли лишь 50—70 российских банков. На конец второго квартала 2001 г. синдицированные кредиты выдавали всего 57 российских банков, а общая сумма синдицированных кредитов составила немногим более 20 млрд руб. (около 2 % общего объема предоставленных кредитов). По сравнению с серединой 2000 г. объем предоставленных синдицированных кредитов увеличился на 79,9 %[1] Следует отметить, что в числе банков, предоставлявших синдицированные кредиты, есть и

региональные банки, в частности, Ухтабанк (Коми), Башкредитбанк (Башкортостан), Ханты-Мансийский банк (Ханты-Мансийск) и др.

В ряде регионов получила распространение практика долевого участия региональных бюджетов в финансировании инвестиционных программ предприятий как форма гарантий участвующим в их финансировании частным инвесторам, в том числе коммерческим банкам. Региональные власти применяют также страхование некоммерческих рисков залогом имущества субъектов Российской Федерации. В качестве залога используются пакеты акций предприятий, находящихся в собственности субъектов федерации, права на разработку природных ресурсов и иные ценности. При таком взаимодействии администрации региона с банковским сектором должны соблюдаться два основополагающих принципа: во-первых, недопущение монополизации и ограничения конкуренции на финансовом рынке; во-вторых, гарантированность экономических интересов региона, основывающегося на финансовой устойчивости кредитных организаций.

Данные принципы могут быть реализованы лишь при условии конкурсного отбора администрацией кредитных организаций и заключения с победителями конкурса генеральных соглашений, определяющих направления, механизмы сотрудничества и ответственность сторон. Возможными критериями конкурсного отбора, на наш взгляд, могут стать размер собственных средств кредитной организации; выполнение установленных Центральным банком РФ обязательных экономических нормативов; разветвленность филиальной сети в регионе; возможность территориальной власти оказывать влияние на решения, принимаемые кредитной организацией, благодаря участию представителей региона в органах управления.

В условиях потенциальной неопределенности, сопутствующей банкам при выборе возможных клиентов, крайне важно владение исчерпывающей информацией о действительном состоянии их дел. С целью предотвращения убытков от сотрудничества с недобросовестными клиентами целесообразно создание информационного центра, содержащего сведения о хозяйствующих субъектах, действующих на территории региона. Сбор и обработка сведений о финансовом и имущественном положении потенциальных заемщиков позволят банкам проводить более взвешенную кредитную политику. Следует отметить, что определенная работа в данном направлении уже ведется. Речь идет о реализации проекта Центрального банка

РФ «Центр мониторинга предприятий», согласно которому в территориальных учреждениях Центрального банка созданы и функционируют секторы экономического анализа и мониторинга предприятий. Информация, поступающая от предприятий (участников мониторинга), позволяет территориальным подразделениям банка России прогнозировать общеэкономические процессы в регионе, изучать изменения экономической конъюнктуры и инвестиционного климата, исследовать пропорции, складывающиеся в реальном и финансовом секторах региональной экономики, и на основе этого принимать необходимые управленческие решения, в том числе в отношении банковских структур.

Заслуживающим особого внимания представляется новое направление в рамках мониторинга — диагностика предприятия, позволяющая участникам проекта провести сравнительный анализ основных экономических показателей с аналогичными предприятий той же отрасли и категории активов. Реализация данного направления позволила руководителям анализируемых предприятий оценить свою деятельность не только на региональном уровне, но и в общегосударственном масштабе, определить свои потенциальные возможности, рынки сбыта производимой продукции[2]

Необходимо отметить и частную инициативу коммерческих банков, формирующих структуры информационного обмена. Так, еще в 1999 г. коммерческие банки Саратовской области при поддержке Главного управления Центрального банка РФ подписали соглашение о взаимодействии и обмене информацией, что стало основой для создания базы данных по невозвращенным кредитам и обеспечению по ним. Следует подчеркнуть наличие богатого зарубежного опыта в данном направлении. Например, в США такие информационные структуры, именуемые кредитными бюро, являются важнейшим элементом национальной банковской системы. Во Франции до 15 % заявок, поступающих от физических лиц, не удовлетворяются по причине плохого кредитного досье, имеющегося на потенциальных заемщиков.

Одним из перспективных направлений развития региональных банковских систем следует отметить их возможное сотрудничество с западными банками посредством установления корреспондентских отношений, открытия кредитных линий, совместного финансирования инвестиционных проектов, оказания консультационных услуг. Как отмечает Р.Хейнсворт, генеральный директор рейтингового агентства «Рус-Рейтинг»,

в среде потенциальных западных партнеров повышается интерес к российским регионам и региональным банкам как основе экономической и социальной стабильности общественной системы[3]. Продвижение региональных банков на международный рынок предполагает решение следующих проблем: повышение уровня капитализации региональных банков, который продолжает оставаться весьма незначительным; дальнейшее внедрение принципов прозрачности банковского бизнеса как основополагающего фактора привлечения внешних инвесторов; ликвидацию несоответствия российских и международных стандартов учета и отчетности.

Важным условием перехода к устойчивому экономическому росту является наличие притока инвестиций, трансформирующихся из частных сбережений. Несмотря на позитивные сдвиги, произошедшие за последние годы развития банковской системы, продолжает сохраняться недоверие потенциальных вкладчиков к банковским структурам. Решение данной проблемы и дальнейшее укрепление ресурсной базы региональных коммерческих банков заключается в создании локальных систем гарантирования банковских вкладов, которые впоследствии могли бы быть объединены в общефедеральную систему. Организация подобных систем преследует активизацию процесса мобилизации банковских вкладов, защиту мелких вкладчиков, банковских систем от финансовых потрясений; обеспечение устойчивости денежного обращения.

В данном направлении необходимо отметить создание и функционирование Санкт-Петербургского фонда гарантирования частных вкладов. Объединив средства санкт-петербургских коммерческих банков и городского бюджета, фонд, организованный как некоммерческое предприятие, изначально гарантировал вклады пенсионеров, проживающих в городе. По мере роста фонда планируется расширение круга частных вкладчиков, на которых будет распространяться его гарантия.

С целью более тесного соотношения банковского капитала с экономикой региона предполагается активизировать работу по определению банков регионального значения (так называемых опорных банков). Появление подобных банков, например, с привлечением средств местных властей, способствовало бы решению проблем кредитования региональных программ экономического и социального развития, финансовой поддержки реального сектора экономики региона, участия в программах по обслуживанию республиканского бюджета, обслуживания мелких вкладчиков, социально незащищенных

слоев населения, консультационного обслуживания структур власти и др.

В отношении подобных банков целесообразно рассмотреть возможность смягчения условий функционирования, в частности, значений нормативов Инструкции № 1, выполнение которых контролируется территориальными подразделениями Центрального банка РФ. Требует подробного рассмотрения проблема создания механизма краткосрочного рефинансирования, влияющего на поддержание ликвидности коммерческих банков, развития эффективной платежной системы, формирования коммерческими банками филиальной сети.

Перечисленные меры по активизации функционирования региональных банковских систем не исчерпывают перечень возможных направлений в данной области. Отмеченные предложения, реализованные на практике, могут способствовать повышению результативности деятельности банковских структур, а следовательно, и экономическому росту на региональном и территориальном уровнях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Матовников М.* Синдицированное кредитование: пока еще экзотика // Банковское дело в Москве. 2001. № 10. С. 26—28.

[2] См.: Вопросы результативности экономического анализа и мониторинга предприятий в системе Банка России // Деньги и кредит. 2001. № 2. С. 13—16.

[3] См.: Региональные банки: десант на международном рынке // Банковское дело в Москве. 2003. № 8. С. 8—16.

Поступила 09.10.2003.

Заказ № 834



А.Н.ЧАПЛИНА

УПРАВЛЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМ РЫНКОМ ГОРОДА

Трансформация экономики России обусловливает повышенное внимание к территориальному аспекту управления, инициируя новую управленческую парадигму и нетрадиционный подход к базисным подсистемам жизнедеятельности человека, какой является потребительский рынок (далее — ПР) для городского населения. Выступая основным источником расширенного воспроизводства человеческого потенциала, ПР оказывает долговременное и возрастающее воздействие на преобразование экономики города в новых условиях его функционирования. Определяющей целью системы управления ПР (далее — СУПР) для городского населения является организация, создание условий и содействие наиболее полному удовлетворению населения в товарных, бытовых и социальных услугах, необходимых для его воспроизводства. Критерием эффективности СУПР выступают уровень качества жизни и человеческий потенциал населения конкретной территории.

В настоящее время ПР городской экономики рассматривается с позиций отраслевого подхода как некоторая механическая совокупность отдельных отраслей, с приоритетом торговли и общественного питания, бытового обслуживания[1]. Управление потребительским рынком строится, как правило, на традиционных технологиях, методах планирования и оценки деятельности субъектов хозяйствования ПР (далее — СХПР), предприятий инфраструктуры и уровня качества жизни населения[2]. В этом случае приоритет отдается функциональному подходу, статистической информации о показателях результативности состояния рынка и его предприятий, опыту управленцев, сформированному в условиях планово-централизованной системы управления городской экономикой. Такой подход к формированию СУПР создает условия ее не-

ЧАПЛИНА Альбина Николаевна, заведующая кафедрой менеджмента Красноярского государственного торгово-экономического института, кандидат экономических наук, профессор.

адекватности целям и задачам управления потребительским рынком города. Подтверждением этому являются современные тенденции формирования неустойчивого развития потребительского рынка и характеристика потенциала потребления населением городов России и, в частности г. Красноярска, товарных, бытовых и социальных услуг.

Анализ социально-экономического развития ряда крупных городов России, публикаций специалистов по этому поводу дает возможность оценить тенденции развития товарных, бытовых и социальных услуг, а также степень удовлетворения потребностей населения в них[3] Прогрессивной тенденцией периода реформ является последовательное укрепление потребительских услуг города. Однако дефицит товарных, бытовых и социальных услуг перерос, на наш взгляд, в дефицит платежеспособности населения. Существующая СУПР привела к неравенству доходов и усилила расслоение населения по уровню жизни. Социально-экономическими и политическими последствиями этих процессов стали антогонизация социальной структуры, люмпенизация населения, деквалификация и пауперизация рабочей силы, рост числа социально обездоленных категорий населения.

Потребительский рынок, на наш взгляд, есть сфера экономической деятельности, где предметом купли-продажи выступают товарные, бытовые и социальные услуги, удовлетворяющие потребности населения города, поэтому управление ПР — это процесс согласования, его существование как открытой организации. Это предполагает не только экономический рост, но и изменения в деловом поведении людей, которые напрямую зависят от образованности, культуры, традиций, привычек, социальных и институциональных изменений.

Устойчивое развитие потребительского рынка для городского населения в современных условиях осуществимо в наиболее полной мере с позиций новой управленческой парадигмы, ориентированной на развитие человеческого потенциала, который имеет принципиально иные ценностные установки, обладает стратегическим и креативным мышлением.

Управление потребительским рынком для городского населения невозможно без четкого определения сущности категории «потребительский рынок». Анализ предлагаемых в последнее время концепций устойчивого развития ПР[4] позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, они не являются системно структурированными, т.е. одни связывают решение проблемы с общим развитием рыночной экономики; другие —

возникновением и развитием городов и крупных поселений; третьи — действием закона спроса и предложения. Во-вторых, концепции не содержат представлений об объемах и ресурсном обеспечении изменений на ПР. В-третьих, концепции развития ПР не предлагают конкретных механизмов их практической реализации.

Потребительский рынок, на наш взгляд, — это подсистема социально ориентированной экономики, главным активом которой являются социально-трудовые отношения. Интеграционный потенциал ПР формируют человеческий фактор; субъекты хозяйствования, формирующие и развивающие как материальные товары и услуги (изменение и сохранение потребительских свойств продуктов, изготовление новых продуктов по заказам граждан, а также перевозку грузов и людей, торговые, жилищно-коммунальные, банковские услуги и т.п.), так и нематериальные (социально-культурные), обеспечивающие поддержание и восстановление здоровья, духовное и физическое развитие человека. При этом системообразующими блоками и компонентами ПР выступают и элементы инфраструктуры рынка: финансово-кредитный, информационно-коммуникационный комплексы и др. В связи с этим ПР как объект управления развивает свои объективно взаимодействующие подсистемы: субъекты хозяйствования, сектора инфраструктуры рынка, население конкретной территории (город). Таким образом, создается возможность и необходимость не только изучать ПР в целом как открытую систему, но и ориентировать систему менеджмента на единую цель — формирование человеческого потенциала.

Для построения СУПР необходимо учитывать его свойства. Как система ПР, с одной стороны, обладает свойствами, присущими всем системам, с другой — ее характеризуют особые качества, отличные от других систем. К основным свойствам ПР как системы относятся целостность, упорядоченность, устойчивость, подвижность, противоречивость.

Становление и развитие цивилизованного регулируемого потребительского рынка предполагает его типологию, т.е. определение совокупности характеристик. Предлагаются два варианта типологического анализа потребительского рынка, выделенные по дуалистическому принципу (регулируемый и нерегулируемый, оптовый и розничный и т.д.) и многофакторную и многокритериальную дифференциацию разновидностей ПР. В данной типологии ПР критерии системны, не случайны, упорядоченны. В этом их практическая значимость и научная цен-

ность. Критерии максимально покрывают поле специфических характеристик ПР и позволяют выделять специфические проблемы менеджмента, а именно: объекты купли-продажи, масштабы, степень конкуренции и т.д.

Анализ зарубежного опыта (США, Германии, Японии, Швеции, Китая, Дании, Нидерландов и др.) формирования и развития системы управления потребительским рынком дает возможность выделить перспективные направления решения проблемы развития ПР городов. Потребительский рынок в развитых странах является основным активом рыночной экономики. Как объект управления потребительский рынок не является дотационной системой, но нуждается в постоянной поддержке государства. Более того, стратегическое управление выступает как один из приоритетных типов менеджмента в создании адекватной СУПР и т.п.

Качественные изменения в управлении социально-экономическими системами побуждают использовать в исследовании управленческих отношений ПР нетрадиционные подходы[5] Новый подход предполагает, что, во-первых, происходящие в мире изменения, — есть закономерный процесс перехода от хаотичной организации общественного развития к упорядоченной и наоборот. Во-вторых, синергизм является одной из основных компонент товарно-рыночных стратегий фирм[6]

Применительно к СУПР для городского населения можно предположить, что общая тенденция роста реального потребления в странах с рыночной экономикой не устраняет проблемы дефицита товарных, бытовых и социальных услуг. Определяя дефицит различных услуг как показатель нормального состояния ПР города, мы исходим из того, что на каждом этапе экономического развития повышается уровень требований к потребительским ценностям и создаются как новые потребности, так и новые потребительские услуги. Высокий экономический потенциал национальной экономики способствует повышению требований к качеству жизни по всему спектру потребностей городского населения. При этом переход к рыночным условиям хозяйствования требует адекватного сочетания государственного регулирования и механизма развития бизнес-процессов в системе муниципального управления ПР

Основной проблемой СУПР для городского населения, на наш взгляд, является ее способность быть адекватной макро- и микроэкономическим изменениям, происходящим в стране, регионе и городе. При этом СУПР должна быть гибкой и адаптивной, способной создать условия комфортности в жизнедеятельности

населения города и мотивацию к успеху в ситуации непредсказуемости и кризиса на ПР. Научно обоснованную концепцию управления потребительским рынком следует рассматривать как основной элемент его эффективного функционирования и развития. При этом концепция СУПР необходима как базовый документ формирования и поддержания на рынке предложения, спроса, емкости, конъюнктуры и цен на товары и услуги.

Интеграция всех элементов потребительского рынка осуществляется с помощью системы управления, которая обеспечивает эффективное выполнение присущих ему функций в городской экономике: системообразующей (институциональной), целевой, воспроизводственной, управленческой. Системный подход к СУПР предполагает наличие совокупности компонентов, тесно взаимосвязанных между собой и с другими системами управления ПР, образующих единую целостность и направленных на достижение целей управления ПР. В качестве таких элементов выделяются принципы, цели, функции, структура, методы, кадры, технологии, технические средства, информационное обеспечение, принятие решений в рамках управления, определяемые в соответствии с предложенной концепцией. В условиях высокой степени сложности и неопределенности будущего состояния среды, управляемого объекта, из-за наличия множества разнообразных факторов важное значение имеет содействие самоорганизации СХПР, реализация которой позволяет достигнуть синергетического эффекта в формировании и развитии социально-экономической устойчивости ПР города.

В условиях перехода к постиндустриальному обществу в России назрела необходимость разработки концепции стратегического управления городом и его социально-экономическими подсистемами и, в частности, потребительским рынком, который не выделялся в плановых разработках как объект планирования и управления.

В связи с этим должны быть разработаны и обоснованы модели, алгоритмы и методы системы стратегического управления ПР для городского населения, прогнозирования структуры, номенклатуры и объемов товарных, бытовых и социальных услуг, стратегических планов устойчивого развития рынка потребительских услуг. Прогнозирование потребительского рынка — это научно обоснованное предвидение его состояния, учитывающее результаты изучения тенденций, закономерностей, причинно-следственных связей, покупательского спроса в текущем и ретроспективном периодах.

Предполагается, что интеграционный потенциал стратегической цели ПР выражается в совершенствовании человеческого потенциала на основе согласования и взаимоувязанного развития подсистем ПР. При этом цели каждой (например, товарные, бытовые и социальные услуги) формируются на общности потребностей, интересов, ценностей городского населения.

Целенаправленная работа по повышению человеческого потенциала города требует разработки долгосрочной стратегии развития ПР и системы управления им. При этом нам представляется целесообразным количественные и качественные характеристики целей развития ПР формировать не только на основе экстраполяции тенденций развития самой системы, но и на прогнозировании развития объективных общественных потребностей. В современных условиях изменчивости событий необходимо изменить принцип целеполагания — идти от будущего к настоящему, а не от прошлого к будущему, что соответствует современной парадигме управления в социально-экономических системах.

Особенность стратегического управления развитием ПР для городского населения состоит в том, что управленческие воздействия зачастую носят опосредованный характер. Администрация города, как правило, не в состоянии непосредственно воздействовать на СХПР и институты рынка, расположенные на его территории. В то же время муниципальная власть может, например, формировать стратегию развития ПР адекватную стратегии города и создать условия наилучшего благоприятствования для тех из них, кто следует в своей деятельности выбранным приоритетным направлениям. Это обусловливает необходимость применения программного управления на основе использования соответсвующего алгоритма (рис. 1).

Последовательное принятие концепции управления потребительским рынком города предполагает коренное изменение принципов разработки региональных программ развития, направленное на то, чтобы удовлетворить потребности людей, совершенствовать и реализовать их способности реальным приоритетом политики и критерием ее эффективности.

Одним из широко используемых в мировой практике интегральных критериев социально-экономического развития является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), разработанный в рамках программы развития (ООН). При этом ИРЧП рассчитывается как средняя арифметическая трех ин-

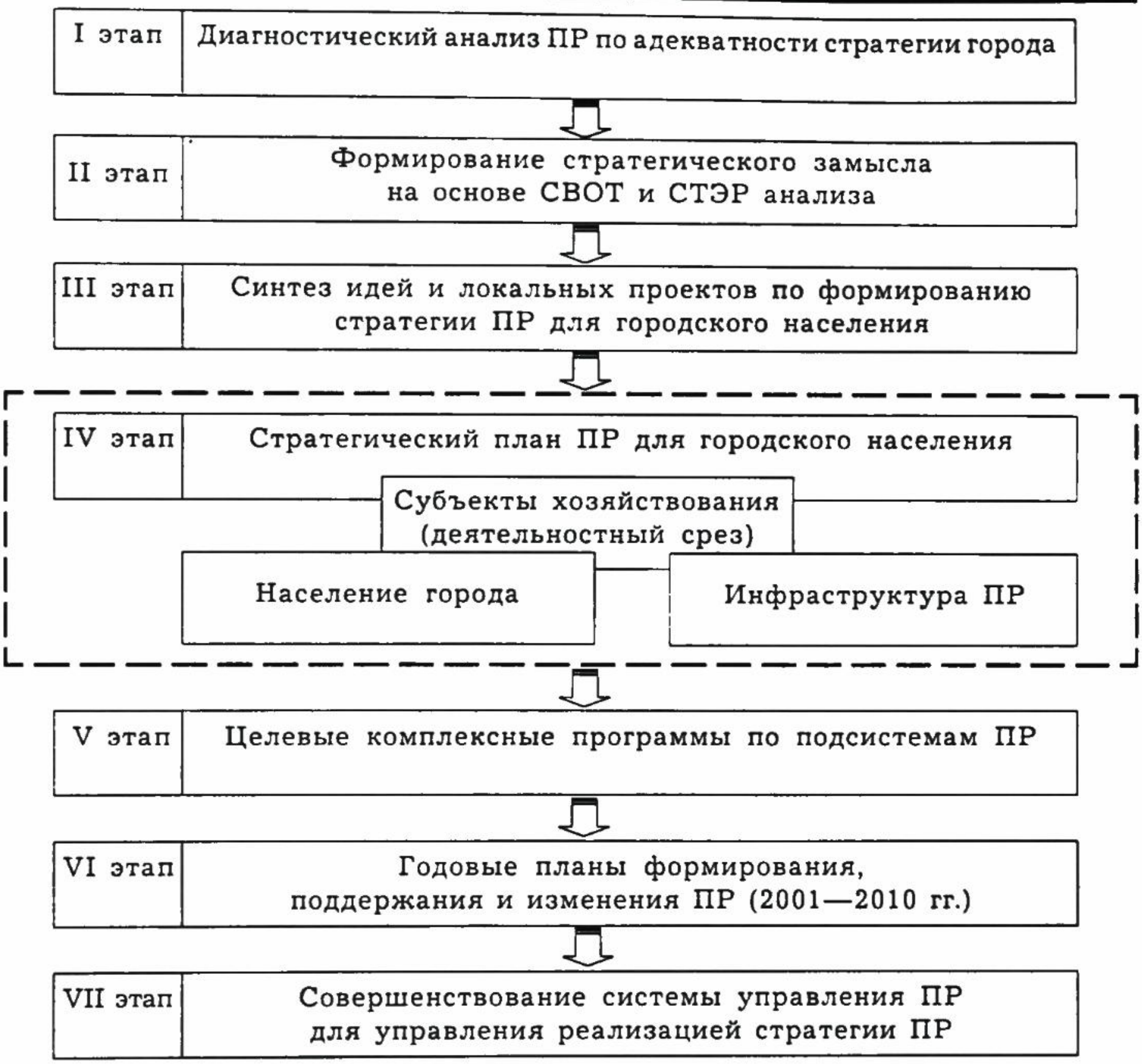


Рис. 1. Алгоритм стратегического управления ПР города

дексов — дохода, образования и продолжительности жизни. Россия по ИРЧП находится в шестой десятке стран мира, сохраняя на протяжении последних 10 лет понижающийся тренд. Учитывая этот фактор, на этапе программирования устойчивого развития ПР города, показатель ИРЧП целесообразно принять как основополагающий. В дополнение к ИРЧП, на наш взгляд, целесообразно применить систему показателей — индикаторов, отражающих жизненно важные стороны социально-экономических процессов, которые оказывают влияние на частные индексы: доходности, образования, продолжительности жизни (демографических процессов, занятости, экономического развития, уровня жизни и т.п). Далее, используя

методики многошагового регрессионного анализа, возможно получить многофакторные регрессионные модели, определяющие возможности устойчивого развития человеческого потенциала[7]

Система стратегического управления ПР призвана обеспечивать благоприятные условия развития конкурентоспособной, динамичной, устойчивой и социально-ориентированной экономики и менеджмента ПР, города и страны в целом. Устойчивое развитие в рамках социально-экономической системы, какой является ПР, предполагает, что эта система, во-первых, динамична и развивается во взаимодействии двух подсистем, во-вторых, равновесные свойства такой системы и баланс социальных и экономических интересов сохраняются при внешних воздействиях. Социально-экономическая система всегда находится в состоянии приближения или удаления от устойчивого равновесия, когда соблюдается паритет экономических и социальных интересов. Итогом развития социально-экономической системы ПР выступает, прежде всего, рост уровня благосостояния населения и сохранение потенциала ПР

Важным фактором повышения эффективности СУПР для городского населения является развитие информационно-коммуникационного комплекса, в котором важным элементом выступает система информационно-аналитического мониторинга рынка (СИАМ). Это информационные ресурсы, организационные структуры, средства информационного воздействия, нормы и правила их функционирования, иными словами, совокупность сведений, организованных определенным образом в рамках заранее заданной системы, отслеживающей изменение показателей с определенной периодичностью. Организационная структура СИАМ ПР должна, по нашему мнению, формироваться как на базе существующих, так и вновь создаваемых информационных центров. Особая роль отводится коммерческим информационно-коммуникационным центрам города и их интеграции.

Система муниципального управления ПР в процессе перехода на модель устойчивого развития проявляется в активном воздействии на параметры и индикаторы функционирования, поддержании желательного режима динамических состояний на основе расширения комплекса используемых методов воздействия. Следует, на наш взгляд, оценивать устойчивость развития социально-экономической системы ПР города по двум группам индикаторов: экономических и социальных. В свою очередь индикаторы целесообразно разделить на подгруппы:

производственно-потребительские; финансовые, инвестиционные, институциональные; социальные; внешнеэкономические. Так, например, производственно-потребительские: индексного ряда на среднегодовые темпы прироста объемов товарных, бытовых и социальных услуг; натурального ряда — производство товарных, бытовых и социальных услуг на душу населения и др; инвестиционные: доля общего объема финансирования инноваций для развития ПР; доля занятых в науке и научном обслуживании ПР; коэффициент недоинвестирования развития потребительских услуг, в частности, социальных; среднегодовые темпы вложения инвестиций в развитие потребительских услуг для населения города; социальные: индексного ряда — индексы доходности; продолжительности жизни; образованности; потребительских ожиданий; развития человеческого потенциала.

Для анализа и оценки общей устойчивости социально-экономической системы ПР города на основе изучения общих черт макросистем государственного и городского уровня следует использовать методические подходы к критериям общей устойчивости. Методика основана на анализе составляющих социально-экономического потенциала ПР, их количественной оценки и предусматривает выполнение 5 этапов (рис. 2). Общая устойчивость социально-экономической системы ПР может быть рассчитана как интегральный показатель, включающий в себя все параметры устойчивости.

По этой методике нами проведена количественная оценка социально-экономической устойчивости ПР г. Красноярска. Однако наиболее важный момент — выявление параметров устойчивости и определение их структуры. В городах России наибольший удельный вес в социально-экономической устойчивости ПР занимают производственно-потребительские компоненты. Результаты проведенных нами рассчетов интегральных показателей устойчивости выглядят следующим образом (табл.).

Таблица

Социально-экономическая устойчивость потребительского рынка городского населения г. Красноярска

Коэффициенты устойчивости	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
$K_{экон.\ уст.}$	0,86	1,00	0,86	1,02	0,96	0,98
$K_{соц.\ уст.}$	2,04	2,05	1,82	2,00	2,02	2,25
$K_{общ\ уст.}$	1,32	1,43	1,25	1,43	1,39	1,48
$K_{общ.\ уст.}$ (Россия)	1,41	1,48	1,34	1,21	1,32	1,39

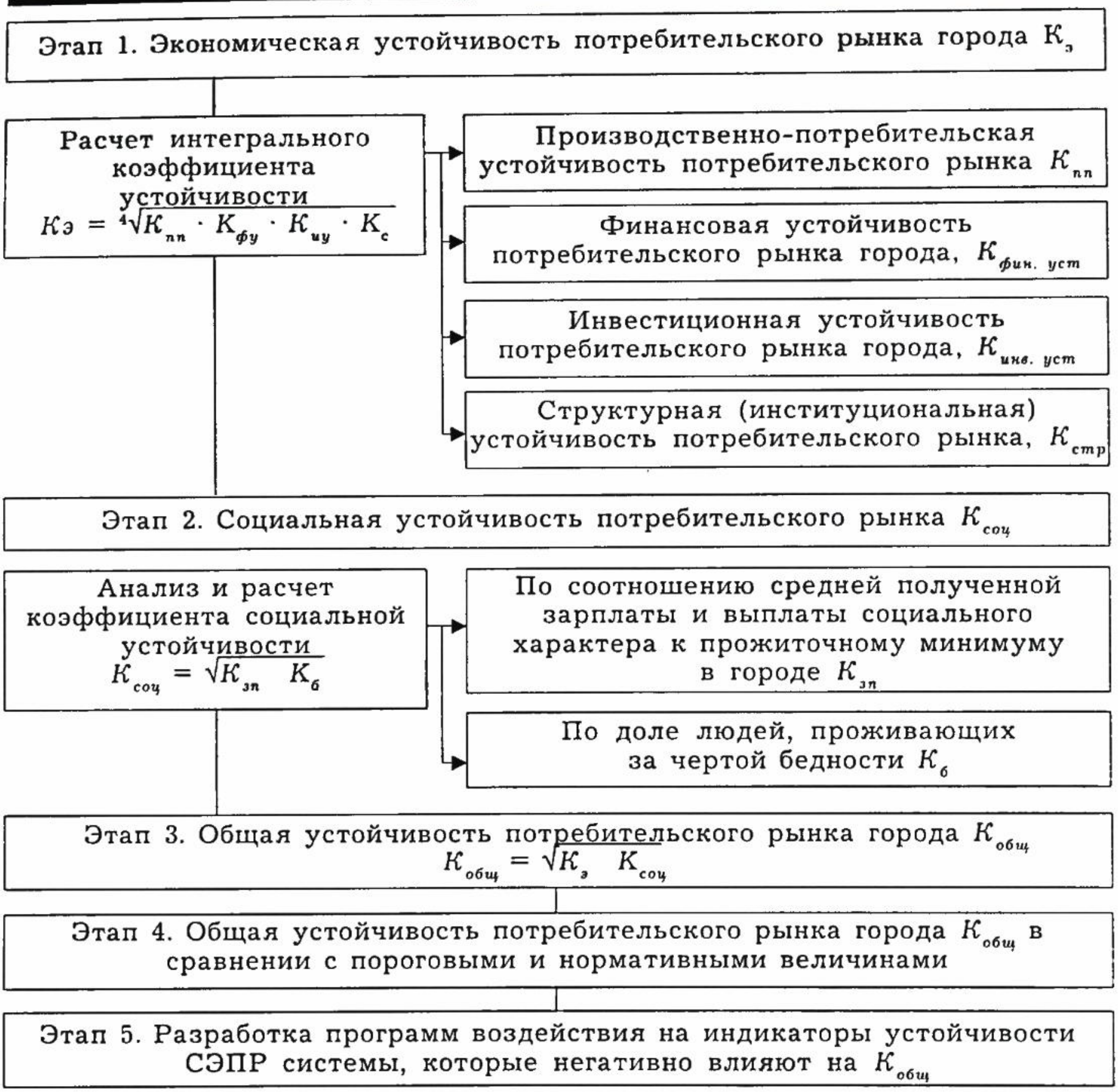


Рис. 2. Расчет социально-экономической устойчивости потребительского рынка города

Данные таблицы указывают на положительную тенденцию формирования устойчивости социально-экономической системы ПР г. Красноярска. Экономическая устойчивость имеет колеблющуюся тенденцию роста и обеспечивается за счет производственно-потребительской компоненты. Система имеет низкую инвестиционную и финансовую составляющие. Чем меньше какой-либо параметр составляющей экономической устойчивости, тем больше внимания требует данная составляющая ПР города.

Следующий шаг по выявлению индикаторов, характеризующих устойчивое развитие социально-экономической

системы ПР города — разработка системы их отслеживания, анализа и прогнозирования. Анализ существующих в настоящее время подходов к выделению циклов развития социально-экономических систем позволяет использовать для сферы потребительского рынка пятиэтапный цикл развития[8]

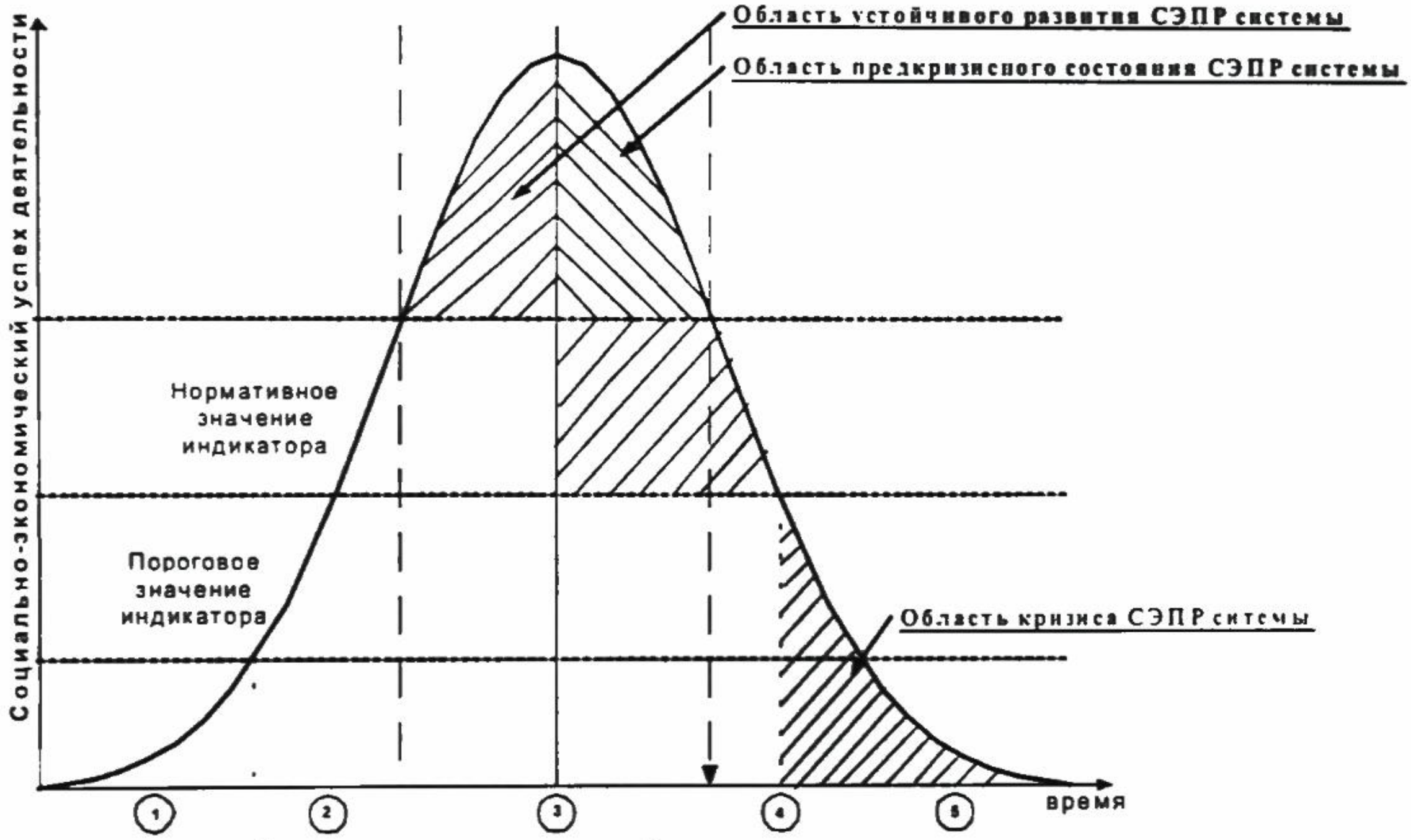


Рис. 3. Алгоритм расчета общей устойчивости социально-экономической системы потребительского рынка города

Каждому из этапов соответствует определенная особенность состояния жизнеспособности и характеристика социально-экономической устойчивости системы. Высокая степень устойчивости развития социально-экономической системы потребительского рынка городского населения достигается при условии, что все значения индикаторов находятся выше границ их пороговых и нормативных величин. При этом положительные значения одних индикаторов достигаются не в ущерб другим.

Таким образом, управление потребительским рынком города является важнейшей составляющей социально-экономического развития региона, повышения благосостояния и уровня жизни населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Александров Ю.Л., Терещенко Н.Н.* Экономика товарного обращения: В 2 ч. Красноярск, 1999. 240 с.; *Рохчин В.Е., Жилкин С.Н.* Стратегический выбор города: научный подход. СПб., 1998. 111 с.

[2] См.: *Когут А.Е.* и др. Экономика крупного города: проблемы структурной перестройки. СПб., 1994. 186 с.; *Когут А.Е., Рохчин В.Е.* Региональный мониторинг: качество жизни населения. СПб., 1994. 87 с.

[3] См.: *Чаплина А.Н.* Методология и методы управления потребительским рынком для городского населения. Красноярск, 2002. 255 с.

[4] См.: *Александров Ю.Л., Терещенко Н.Н.* Указ. раб.; *Куимов В.В.* Научно-методические подходы управления потребительскими комплексами в условиях создания рыночной экономики. Новосибирск, 1999. 300 с.; *Рохчин В.Е., Жилкин С.Н.* Стратегический выбор города: научный подход. СПб., 1998. 111 с.; Стратегический план города: Программа социально-экономического развития г.Кирова на период до 2010 года / Рук. авт. колл. проф. А.П.Егоршин. Н.Новгород, 2000. 240 с.

[5] См.: *Бранский В.П.* Теоретические основания социальной синергетики // Социология. СПб., 1997. № 1. С. 148—179; *Качанова Т.Л., Фомин Б.Ф.* Самоорганизация в системах // Синергетика в философии, науке и технике. СПб., 1999. 122 с.; Равновесие и неравновесие социально-экономических систем. СПб., 1998. 342 с.; *Тоффлер О.* Наука и изменение (предисловие) // *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986. С. 30; *Хакен Г.* Синергентика иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М., 1985. 419 с.

[6] См.: *Ансофф И.* Стратегическое управление. М., 1989. 519 с.

[7] *Чаплина А.Н.* Методология и методы управления потребительским рынком для городского населения. Красноярск, 2002. 255 с.; она же. Организационно-экономический механизм стратегического управления потребительским рынком для городского населения. Красноярск., 2003. 235 с.

[8] *Коротков Э.М.* Концепция менеджмента. Учеб. пособие. М., 1998. 260 с.

Поступила 20.10.2003.



З.Л.ГАРИПОВА

СОВРЕМЕННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА НА РЫНКЕ ЖИЛЬЯ

Выбор ипотечного кредитования в жилищной сфере в качестве приоритета социально-экономической политики государства не случаен. Ожидаемые последствия от активизации развития рынка жилья столь масштабны, что влияют практически на все стороны жизни страны. Это и повышение уровня жизни населения, решение проблем занятости, демографии, стимулирования внутреннего накопления и как следствие — экономический рост. В связи с этим впервые в 2002 г. в своем Послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации назвал ипотеку основным способом решения жилищной проблемы граждан, отметив, что «...в некоторых регионах уже появился успешный опыт ипотечного жилищного кредитования. Предоставлено около 40 тыс. кредитов, а в отдельных субъектах Федерации начали работать агентства ипотечного жилищного кредитования»[1] В данном контексте представляет научный и практический интерес исследование современной региональной кредитной политики на рынке жилья.

Роль государства в формировании и реализации ипотечных программ предусматривает, во-первых, создание благоприятных условий развития инвестиционной деятельности в жилищной сфере; во-вторых, его непосредственное участие в системе ипотечного кредитования.

Первая форма государственного участия в формировании программы ипотечного кредитования предусматривает: формирование системы законодательного обеспечения рынка ипотечного кредитования; создание экономических условий реализации программ долгосрочного кредитования, а именно — достижение политической и экономической стабильности, способствующих, с одной стороны, заинтересованности у субъек-

---

ГАРИПОВА Зайтуна Латиповна, заведующая кафедрой финансов и кредита Ульяновского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент.

тов рынка в накоплении, с другой — появлении институциональных инвесторов, готовых вложить ресурсы в относительно безрисковые активы; установление субъектам системы ипотечного кредитования специальных налоговых режимов, не носящих индивидуального характера; защиту интересов инвесторов; создание и развитие сети информационно-аналитических центров, осуществляющих регулярное проведение рейтингов и публикацию рейтинговых оценок субъектов ипотечного кредитования; разработку и реализацию организационно-правовых мер, направленных на подготовку профессиональных кадров ипотечного рынка, осуществление агитационно-пропагандистской деятельности; развитие международных контактов с соответствующими институтами стран с развитой системой ипотечного кредитования и международными финансовыми организациями в целях получения технической помощи на стадии становления системы и создания условий для привлечения к рефинансированию системы крупных западных инвесторов.

Большая часть предусмотренных мер государством уже выполнена. Сформирована законодательная среда, достигнута финансовая стабилизация, разработана Концепция развития ипотечного кредитования в Российской Федерации, определен в лице Госстроя основной координатор мероприятий по внедрению системы ипотечного кредитования, активно реализуется пенсионная реформа, что привело к появлению в лице пенсионного фонда крупного институционального инвестора и т.д.

Ретроспективный анализ кредитной политики в жилищной сфере позволяет выделить несколько видов непосредственного государственного участия: прямое и косвенное. К методам первой формы следует отнести: субсидирование процентной ставки в форме дотации, как правило, кредитору, компенсирующей низкий процент по ипотечным кредитам; субсидирование первоначального взноса, предоставляемое малообеспеченным заемщикам в процентах от стоимости жилья; налоговая льгота заемщику с поступлением суммы льготы на его накопительный счет; дотация уполномоченной строительной компании, компенсирующая низкие цены реализации квартир; налоговая льгота заемщика в части выплат процентов за кредит. Таким образом, эта группа методов направлена на поддержание высокого платежеспособного спроса и снижение процентных ставок по ипотечному кредиту.

Вторая группа методов государственного участия в развитии системы ипотечного кредитования предусматривает участие государства в качестве непосредственного субъекта рынка

ипотеки. К ним относятся: создание ипотечных агентств с государственным участием и выкуп ими ипотечных кредитов у кредиторов; страхование государством ипотечных кредитов через государственные страховые компании; выпуск государственными ипотечными агентствами жилищных облигаций, обеспеченных либо выкупленными ипотечными кредитами, либо государственными гарантиями, придание им статуса государственных ценных бумаг; стимулирование рынка ипотечных ценных бумаг путем установления обязательных лимитов в структуре активов консервативных инвесторов (частных пенсионных фондов, паевых фондов, страховых компаний и т.д.); бюджетная гарантия надежности ипотечных ценных бумаг, эмитируемых ипотечными кредитными институтами; приобретение через операции на «открытом рынке» крупных пакетов ипотечных ценных бумаг государственными органами (Минфином, Центральным банком) в рамках системы денежно-кредитного регулирования с целью поддержания ликвидности рынка в неблагоприятные периоды; выкуп ипотечными агентствами старого жилья у заемщика, что повышает ликвидность рынка недвижимости и создает необходимый жилой фонд у ипотечного агентства. Перечисленные формы непосредственного участия государства нацелены, прежде всего, на поддержание различных сегментов ипотечного рынка.

В зависимости от рассмотренных форм непосредственного государственного участия в ипотечной сфере формируются однолибо двухуровневые системы ипотечного кредитования.

К сожалению, непосредственное участие государства в лице федерального центра в реализации программ ипотечного кредитования России является скорее желаемым, чем возможным. В то же время следует отметить активность субъектов федерации, органов государственной власти регионов в формировании моделей ипотеки, начавших складываться еще до принятия основополагающих нормативных документов.

К настоящему времени имеется многообразие региональных схем финансирования жилищного строительства, которые можно классифицировать в зависимости от источников финансирования на финансовые и кредитные (ипотечные).

Появление первой группы способов финансирования жилищного строительства скорее было реакцией на существующую продолжительное время макроэкономическую реальность, нежели желание «пойти своим путем», отличным от мирового опыта. Реальность заключалась в низких доходах населения, а следовательно, недостаточном платежеспособном спросе граждан на жилье, практическом отсутствии накоплений.

Наиболее популярной формой финансирования строительства жилья в настоящее время является долевое строительство и продажа жилья «в рассрочку». Схему нельзя даже назвать региональной ввиду ее повсеместного распространения и унификации условий. К ее преимуществам следует отнести, во-первых, вложения инвестора не в финансовые, а в реальные активы, т.е. квадратные метры. Учитывая опережающий рост цен на строительную продукцию в сравнении со средними темпами потребительской инфляции, вложенные в долевое строительство деньги обеспечивают больший прирост капитала, чем, скажем, по банковскому депозиту. Во-вторых, присутствующее, как правило, в договоре долевого участия условие о внесении денег в оплату стоимости строящегося жилья по графику, а не единовременно, позволяет реализовать накопительный принцип финансирования строительства. В-третьих, при недостаточности у гражданина средств для полного выкупа построенного жилья, застройщик предоставляет ему «рассрочку» на 1—2 года, на сумму от 30 до 50 % неоплаченной стоимости жилья.

Существенным недостатком «долевого» строительства является его доступность только для ограниченного круга наиболее состоятельных покупателей жилья. Относительно короткий строительный цикл и «рассрочка» на 1—2 года не дают шансов большей части населения накопить средства на покупку жилья. Кроме того, схема изобилует множеством инвестиционных рисков: нецелевого использования средств застройщиком, незавершения строительства или его удорожания в ходе строительства, неоправданного затягивания возведения жилья и т.д. В отличие от эмиссии ценных бумаг, привлечения средств на банковские вклады, мобилизация средств по договору долевого участия не является объектом государственного регулирования и надзора.

Еще в середине 90-х гг. XX в. особую популярность приобрели муниципальные жилищные облигации (Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Ульяновск, Нижний Новгород и т.д.). Возникшие как альтернатива «долевому» строительству, жилищные ценные бумаги, действительно, имели статус надежного финансового инструмента. Значительная часть недостатков, характерных для «долевого» строительства, при эмиссии облигаций устранялась, так как подлежала жесткому регулированию со стороны Федеральной Комиссии по ценным бумагам Российской Федерации. Кроме того, применяемый рядом эмитентов принцип конвертируемости облигаций одного выпуска в другой, позволял инвесторам значительно увеличи-

вать накопительный срок. Вместе с тем, поскольку облигации номинировались в квадратных метрах жилья, то им были свойственны и преимущества, характерные для договоров «долевого» участия. Однако, казалось бы, столь универсальный инструмент, а также не лишен недостатков. Это, прежде всего, значительные операционные издержки, связанные с принятием решения об эмиссии, ее регистрацией, размещением ценных бумаг; ограниченность выбора гражданами квартиры, района застройки и дома, включенными в проспект эмиссии; низкая ликвидность ценных бумаг, практическое отсутствие их вторичного рынка и т.д. Опережающий рост цен на первичном рынке жилья в сравнении с вторичным, обусловил «вымирание» данного инструмента как способа мобилизации средств в жилищное строительство.

Назвать попытки региональных властей, использующих указанные способы финансирования жилищного строительства, кредитной политикой нельзя. Отсутствие концептуального, целенаправленного, системного подхода к решению жилищной проблемы, макроэкономическая нестабильность в целом по стране обусловили недолговечность региональных жилищных схем.

Осознание необходимости разработки и реализации жилищных программ, придание им статуса региональной кредитной политики пришло к органам государственной власти регионов, на наш взгляд, по той причине, что именно в ипотеке виделось появление возможности решения жилищной проблемы; укрепления и расширения среднего класса, роста занятости населения и связанное с этим повышение социальной стабильности; оживления деловой активности на рынке жилья, в строительной отрасли и других, связанных с ней, секторах экономики; роста налоговых поступлений и расширения финансовой базы обеспечения социальным жильем населения с низким уровнем дохода; выполнения градостроительных планов. Нельзя исключить и политическую, предвыборную роль программ жилищного строительства.

Появление обилия региональных ипотечных схем не является отрицательным фактом: чем больше людей с их помощью получат жилье, тем лучше. Проблема заключается в возможности самофинансирования системы ипотечного кредитования, самовосполняемости дешевых финансовых ресурсов. В связи с этим все современные ипотечные схемы можно условно подразделить на: во-первых, ипотечные системы с ограниченным источником финансирования (средства бюджета, банковские кредиты, накопительно-сберегательные системы); во-вторых,

ипотечные системы, построенные на принципе рефинансирования через механизм секьюритизации (возобновление долгосрочных кредитных ресурсов для выдачи долгосрочных ипотечных кредитов осуществляется посредством эмиссии жилищных ценных бумаг, обеспеченных ими).

Способы первой группы до недавних пор называли «квазиипотекой». Причем их качественный рост в рамках созданной законодательной среды позволил в ряде регионов запустить цивилизованные программы ипотечного кредитования, основанные на традиционных для ипотеки принципах: долгосрочность, целенаправленность на покупку или строительство жилья и его залог. «Квазиипотечный» региональный опыт в большей степени строится на использовании бюджетных ресурсов и требует их постоянного вливания. Этим тормозится процесс развития ипотечного кредитования и ограничивается возможность использования преимуществ внебюджетного финансирования, свойственных системе ипотечного кредитования.

Одной из региональных схем жилищного строительства, претендующих на статус муниципальной кредитной политики, является программа ипотечного кредитования г. Сарова «Ипотека: шаг за шагом». Принципы программы после ряда думских обсуждений были положены в основу Федеральной жилищной подпрограммы «Свой дом» и получили широкое распространение в ряде регионов страны (Вологодская, Калужская, Кировская, Костромская, Нижегородская, Ульяновская обл.). Системный характер формирования и управления муниципальной жилищной программой предусматривал: формирование нормативно-правовой базы; управление информационной и образовательной деятельностью среди населения; формирование источников финансирования; процедуру ипотечного кредитования; сделки по продаже имеющегося в собственности жилья и покупку нового; управление финансированием строительства.

В программе присутствуют основные элементы кредитной политики как совокупности мер государства (муниципалитета) по обеспечению доступности жилья за счет развития ипотечного кредитования в муниципалитетном образовании на основе эффективной работы саморазвивающейся системы управления ипотечным кредитованием. Кредитная политика в данном случае предусматривает постановку основных целей, задач, формирование концепции, программ, планов, выработку конкретных решений по их реализации.

Принципами, положенными в основу формирования кредитной политики, являлись, во-первых, достаточная платежеспо-

собность покупателя жилья (заемщика), определяемая: наличием уже имеющегося у него в собственности жилья, потребительские свойства которого подлежали улучшению; наличием сбережений не менее 10% от стоимости нового жилья, (большая величина накоплений повышала шансы гражданина стать участником программы, т.к. ранжирование имеющихся заявок осуществлялось прежде всего по данному критерию); поручительством членов семьи; залогом приобретаемого жилья. Во-вторых, максимальное использование налоговых льгот, предусмотренных региональным налоговым законодательством.

Основным субъектом системы являлась некоммерческая организация, созданная местными органами власти (Фонд социального развития) — источник дешевых и «длинных» денег. Статус некоммерческой организации позволяет минимизировать значительную часть налогов. В-третьих, инструментом схемы является договор долевого участия с рассрочкой платежа. По завершению строительства дома с покупателем на невыплаченную величину стоимости жилья оформлялся договор займа.

В-четвертых, источником кредитных ресурсов являлись бюджетные и внебюджетные средства. В качестве последних предусматривались так называемые «пожертвования», или «займы налогоплательщиков». Как отмечают инициаторы проекта, оба источника имеют налоговую природу: в первом случае — уплаченные налоги, во втором — неуплаченные. «Пожертвования» юридических лиц — это освобождение от налогов тех налогоплательщиков, которые по условиям налоговых соглашений выполняют на территории социально значимые программы и перечисляют значительную часть средств в вышеуказанный Фонд социального развития. Вторая группа кредитных ресурсов — средства кредитных организаций, предоставляемых Фонду также на льготных условиях. «Платой» муниципалитета за низкую стоимость кредитов выступило предоставление налоговых льгот[2].

Таким образом, анализ схемы позволяет выделить ряд положительных и негативных моментов. К преимуществам «саровской» программы можно отнести: ее относительную воспроизводимость, к сожалению, в большей степени за счет административных (налоговых льгот) рычагов; выделенные бюджетные средства явились «катализатором» денежного потока, основой которого в дальнейшем были средства граждан, состоящие из стоимости приватизированного жилья и сбережений. Денежный поток, направляемый в реальный сектор экономики, на каждом новом витке своего оборота порождал налоговую базу и генерировал большую массу налогов в бюд-

жеты всех уровней; изменение сознания большей части населения, участвующего в программе (формирование убежденности в возможности решения жилищной проблемы собственными силами — «шаг за шагом»); наработка опыта институциональной среды системы ипотечного кредитования.

Недостатки принципиального характера обусловили уязвимость программы в долгосрочном плане: налоговая природа используемых в программе ресурсов сделала ее нежизнеспособной в условиях изменения налогового законодательства в части отмены значительного количества налоговых льгот; применение схемы было невозможным в условиях дотационного бюджета; осуществление финансирования системы за счет средств бюджета возможно в условиях, когда стоимость жилья относительно невысока, попытка внедрения таких схем в регионах с высоким уровнем цен на рынке недвижимости не увенчалась успехом; предоставление займа на приобретение жилья осуществлялось предпочтительно работникам бюджетной сферы; ограниченное число участников, с одной стороны, позволяет устанавливать низкие ставки по предоставляемым займам, с другой — не решает проблемы обеспечения жильем всех нуждающихся, устанавливая искусственные ограничения.

Способы второй группы, построенные на механизме секьюритизации выданных ипотечных кредитов, приближены к мировой кредитной ипотечной практике, применяющей две схемы. Сущность «германской» схемы, больше распространенной в континентальной Европе, заключается в том, что секьюритизируемые активы остаются на балансе кредитной организации, выдавшей ипотечные кредиты. В дальнейшем под их обеспечение банк выпускает жилищные долговые обязательства, так называемые закладные листы. В англо-саксонской схеме секьюритизируемые активы продаются, либо уступаются независимой структуре — ипотечному агентству, которое и выпускает долговые инструменты. Таким образом, в первом случае для «длинных» активов (ипотечных кредитов) создаются «длинные» пассивы (закладные листы), а во втором — «длинные» активы выводятся с баланса кредитного института.

Российская региональная практика использует обе формы рефинансирования выданных ипотечных кредитов (ЗАО «КБ Дельта-Кредит», Коммерческий банк «Московское ипотечное агентство», «Иркутское региональное ипотечное агентство», Уфимское городское агентство ипотечного кредитования, «Агентство жилищного строительства Омской области», «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию Оренбургской области» и т.д.). Наибольшее распространение получила схема

эмиссии жилищных ценных бумаг специализированными ипотечными институтами — ипотечными агентствами. В рамках последней системы развитие ипотеки происходит по различным сценариям: выкуп облигаций, эмитированных ипотечным агентством, крупными промышленными предприятиями для решения жилищных вопросов своих сотрудников; муниципалитетами для решения жилищных проблем малообеспеченных слоев населения, так называемых «очередников»; выпуск жилищных облигаций агентством под гарантию администрации региона и т.д.

Последствиями региональных ипотечных инноваций явились формирование территориальной ипотечной инфраструктуры, подготовка квалифицированных кадров, практический опыт, поиск форм межрегионального общения, воздействие на федеральную жилищную политику в части унификации региональных схем ипотечного кредитования, формирование рынка ипотечных ценных бумаг, активизация деятельности Госстроя России, ФКЦБ РФ, Центрального банка РФ, АИЖК с целью развития общероссийской самофинансирующейся системы ипотечного кредитования и формирования федеральной кредитной политики на рынке жилья.

Проведенный анализ форм государственного участия в разработке и реализации кредитной политики на рынке жилья позволил осуществить ее типологизацию. Ее классификационными признаками выступают формы государственного участия, вид политики, тип используемых в программе кредитных ресурсов, степень доступности жилья и способ решения жилищной проблемы населения, платность жилья, развитость институциональной среды и наличие системы рефинансирования (табл.).

Кредитная политика на рынке жилья на основе указанных критериев классифицирована на административно-распределительный тип, переходный и рыночный. Административно-распределительный тип был характерен в большей степени для советской экономической системы, где государство выступало в роли монопольного собственника, кредитора, подрядчика, заказчика. Эти обстоятельства определяли кредитную политику этого периода как общегосударственную. В рамки данной политики вполне вписывалась и политика строительства жилья жилищными кооперативами. Способом решения жилищных проблем населения являлась очередность получения жилья, его бесплатность. Степень доступности жилья для населения была средняя, т.к., с одной стороны, «автоматизм» кредитова-

Таблица

Типы кредитной политики на рынке жилья

Классификационные признаки	Административно-распределительный	Переходный	Рыночный
1. Формы участия государства	прямое	прямое	прямое и косвенное
2. Вид кредитной политики	государственная	региональная, муниципальная	государственная
3. Тип кредитных ресурсов	средства ссудного фонда государства	бюджетный	внебюджетные
4. Способ решения населением жилищной проблемы	очередность получения жилья	право на получение жилья регулируется системой ранжирования: в зависимости от стоимости имеющегося в собственности жилья и размера первоначального взноса	в зависимости от платежеспособности
5. Степень доступности жилья	средняя	низкая — ограничена работниками бюджетной сферы	высокая — для всех категорий граждан
6. Платность жилья для населения	бесплатное	платное	платное
7. Развитость институциональной среды	отсутствует	формируется	развита
8. Присутствие элементов ипотеки	отсутствует	частично	присутствует
9. Наличие системы рефинансирования	отсутствует	отсутствует	имеется

ния жилищного строительства за счет средств государственного ссудного фонда страны способствовал росту темпов ввода жилья в эксплуатацию, с другой — очередь на получение жилья включала практически все население страны и тем самым ограничивала доступность жилья для населения.

Современный тип кредитной политики на рынке жилья скорее можно определить как переходный. Не может быть ипотеки самарской, иркутской, ульяновской и т.д., в связи с этим и кредитная политика должна иметь статус государственной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации 2002 г.

[2] *В.И.Лимаренко.* Ипотека: шаг за шагом. Саров. 1999. С. 221.

Поступила 21.07.2003.



О.В.БУРЕШ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА РЕГИОНА

Транспорт, как любая сложная система, изменяется приобретая новые качественные черты. Динамика развития всех его видов соответствует экономическому и политическому состоянию страны. Развитие транспорта в условиях рыночной экономики характеризуется усилением сдвигов и соотношений между отдельными его видами в общей транспортной системе России.

В настоящее время ведущее место в транспортной системе России занимает железнодорожный транспорт (80—85 % грузовых и 60 % пассажирских перевозок). Долгосрочный прогноз российских ученых, основанный на анализе глубоких экономических спадов, имевших место за последние 100 лет в различных странах, показывает, что потребность в перевозках в России к 2010—2020 гг. будет соответствовать максимальной потребности в стране 1998 г. с последующим приростом в 5—7 % ежегодно.

Оренбургская область заинтересована в приоритетном развитии региональной транспортной инфраструктуры для улучшения инвестиционного климата, стимулирования структурных изменений, роста региональной экономики. Достижение уровня самообеспеченности в сфере транспортных услуг — это дополнительное пополнение налогооблагаемой базы. Сегодня транспортный комплекс значительно повышает доходную часть платежного баланса региона, превосходя по своим масштабам отдельные отрасли.

Дальнейшее развитие транспорта области должно быть связано, на наш взгляд, с рационализацией его транспортно-экономических связей по ввозу и вывозу массовых грузов, особенно сырья и комплектующих (полуфабрикатов). Основу экспорта составляют черные и цветные металлы и изделия из

БУРЕШ Ольга Викторовна, доцент кафедры прикладной информатики Оренбургского государственного университета, кандидат экономических наук.

них, продукция топливно-энергетического и нефтехимического комплексов, машиностроительная продукция. Импорт представлен изделиями химпереработки, машинотехнической продукцией, товарами народного потребления и в незначительной степени — зерном. Объем внешнеторгового оборота увеличился по сравнению с 1992 г. в 6 раз.

Одна из особенностей транспортного комплекса области заключается в структуре его материально-производственной базы, в которой ведущее место занимает железнодорожный транспорт. Его доля в фондах основной деятельности транспортного комплекса составила в 2002 г. около 58 % против 45 % в 1999 г. и 78 % в 1995 г. Подвижной состав железнодорожного транспорта отличается от других его видов, не считая трубопроводного, большей грузоподъемностью, что обеспечивает ему меньшие материальные, трудовые и финансовые затраты в процессе перевозок. Производительность труда на железнодорожном транспорте выше, чем на автомобильном и воздушном. Средняя себестоимость перевозок пассажиров на железнодорожном транспорте начиная с 1994 г. выше, чем на автобусах. Правильнее сравнивать себестоимость автобусных перевозок с железнодорожными в пригородном сообщении. До 1995 г. себестоимость перевозок пассажиров в пригородном сообщении была ниже средней себестоимости перевозок в автобусах, впоследствии — несколько выше. Стоимостные преимущества железнодорожного транспорта в дальних пассажирских перевозках сохраняются и в настоящее время. Анализ средней себестоимости перевозок пассажиров внутригородским транспортом общего пользования показывает, что наименьшая себестоимость у трамвайного транспорта — 0,7 руб., размер ее на протяжении пяти лет практически не меняется, это в 2 раза меньше себестоимости перевозок автобусами и троллейбусами.

Экономичность перевозок характеризуется показателем их фондоемкости. Самая низкая средняя фондоемкость единицы работы на трубопроводном транспорте, немного выше — на троллейбусных перевозках, на автомобильном почти в 1,2 раза меньше, чем на железнодорожном, в 2,9 раза меньше, чем на воздушном. Самой фондоемкой отраслью, вопреки распространенному мнению по поводу железнодорожного транспорта, является воздушный транспорт.

Доля общих эксплуатационных затрат транспортного комплекса, зависящих от грузооборота и пассажирооборота, составляет примерно 69 %, а не зависящих — 31 %. Таким

образом, можно констатировать, что развитие комплекса и эксплуатация всех видов транспорта, составляющих основную часть его материально-технической базы, в значительной степени определяется ростом грузо- и пассажирооборота.

Еще одной особенностью транспортного комплекса области является то, что количество перевезенных пассажиров и объем перевезенных грузов неравномерно распределяются в течение года, т.е. наблюдаются колебания, которые определяются в основном такими факторами, как сезонность производства отдельных видов продукции, специфика торговли, сезонность отпускных периодов. Значительное дестабилизирующее воздействие на функционирование предприятий комплекса может оказать также спонтанное изменение спроса, деятельность конкурентов, резкие колебания в ценах, перебои в восполнении ресурсов и т.д.

Структура грузовых перевозок транспортного комплекса в последнее время значительно изменилась в сторону увеличения доли перевозок железнодорожным транспортом. Столь существенные изменения в структуре перевозок транспортного комплекса произошли вследствие различий в темпах развития видов перевозок. Так, в период с 1991 по 1993 г. лидирующее положение в области занимал в перевозке грузов автомобильный транспорт (не считая трубопроводного), затем на первое место вышел железнодорожный транспорт. За период с 1998 по 2002 г. при увеличении общего объема грузовых перевозок транспортным комплексом области в 1,3 раза перевозки железнодорожным транспортом возросли примерно в 1,2 раза, в то время как автомобильным транспортом в 2002 г. — примерно в 1,1 раза, оставаясь на прежнем уровне в 1999 г., перевозки грузов воздушным транспортом за этот период уменьшились в 0,9 раза. За 2001 г. перевозка грузов предприятиями автомобильного транспорта и индивидуальными предпринимателями на коммерческой основе составила 6 995,9 тыс. т (27 % общего объема перевезенных грузов транспортным комплексом), что на 2,8 % меньше, чем в 1998 г. В настоящее время средняя дальность грузоперевозок автомобильным транспортом в области составляет 28 км, а по России — 22 км. В международном сообщении перевозка грузов воздушным транспортом в 2001 г. по сравнению с 2000 г. выросла в 1,5 раза[1]

Поскольку большая часть транспортного комплекса специализируется на перевозке грузов, при рассмотрении перспектив его развития вполне естественна необходимость пропорционального развития транспортного комплекса, промышленнос-

ти, сельскохозяйственного производства и торговли, т.е. соответствия качественного и количественного состава его технических средств структуре, объемам и другим характеристикам грузопотоков, а также спросу на продукцию и услуги комплекса.

В настоящее время продолжается становление специализации транспорта, в частности, пассажирского, в соответствии с которым отдельные его виды приобретают и развивают новые производственные функции, связанные с удовлетворением потребностей населения. При перевозке пассажиров лидирующее положение в области, учитывая ее природно-географические условия, занимает автомобильный транспорт.

Во внутриобластных сообщениях перед транспортным комплексом стоят такие основные задачи, как обслуживание отдельных районов региона, где автомобильный или воздушный транспорт является практически единственным возможным видом, обеспечение межрайонных перевозок железнодорожным транспортом в том случае, если это значительно сокращает пробег груза. Таким образом, при прогнозировании общего объема перевозок транспортным комплексом области необходимо учитывать закономерности развития составляющих его частей и стоящие перед ними задачи.

В начале XXI в. процесс стабилизации рыночной экономики и наблюдаемый подъем производства позволяют сделать предположение о сохранении характера развития перевозок в ближайший период, поэтому для прогнозирования их объемов целесообразно использовать методы экстраполяции тенденций. Однако для более объективного и рационального определения ожидаемого объема перевозок необходимо учитывать факторы, под влиянием которых перевозки должны развиваться в определенной пропорции.

Факторы окружающей среды представляют собой комбинацию внешних воздействий одного вида, связанных с процессами экономических реформ (изменение законодательства, смена форм собственности, перестройка системы хозяйственных связей, трансформация систем цен и инфляционные процессы, сжатие платежеспособного спроса и падение производства и т.д.), и воздействий другого вида, которые характерны для стабильной рыночной экономики (процессы сезонного колебания спроса, научно-технический прогресс, внедрение современных информационных технологий и т.д.). При этом в условиях стабилизации рыночной экономики происходит постепенная смена роли воздействий одного вида факторов, связанных со спецификой переходного периода, и замещение

их воздействиями другого вида, характерными для стабильной экономики. В связи с этим, с одной стороны, пропорциональность должна соблюдаться между объемами перевозок всех видов транспорта, с другой — объем перевозок, осуществляемый всеми видами транспорта, должен быть пропорционален уровню развития промышленности, сельского хозяйства и торговли.

При оценке перспективного объема перевозок предполагается разделение процесса прогнозирования на два этапа. Первым этапом является научно обоснованная оценка перспектив развития региональной транспортной сети, увязанных с общеэкономическими задачами развития всего региона в целом.

Второй этап представляет собой анализ перспектив развития всех видов транспорта и возможность распределения между ними объема перевозок. При этом степень участия каждого вида транспорта в перевозочном процессе должна определяться не из сложившихся соотношений, а из технико-экономических особенностей каждой транспортной подсистемы, из выявления экономически целесообразной сферы деятельности. Однако для реализации такого подхода при определении перспектив развития комплекса в настоящее время нет апробированных показателей и методик оценки экономической эффективности перевозок отдельными видами транспорта применительно к конкретным грузам и регионам. В отдельных случаях может преобладать производство продукции, которая тут же потребляется, либо увеличивается производство продукции, потребляемой более медленными темпами. В других случаях заключаются договоры на поставки в другие регионы, за границу, и тогда соблюдаются определенные пропорции между объемами производства и перевозок. Эти обстоятельства затрудняют рациональное распределение перевозок между видами транспорта, особенно на перспективу, поэтому при определении вероятных потребностей в перевозках приходится исходить из пропорций между перевозками и уровнями развития производства, сельского хозяйства и торговли.

Тенденции развития объема грузовых перевозок и роста производства совпадают, однако их соотношение не остается постоянным. Такой подход возможен также вследствие специфической роли отдельных видов транспорта во внутренних перевозках, которые зачастую определяют эти виды деятельности транспорта и практически исключают замену одного вида транспорта другим. Сложность этой задачи усугубляется необходимостью учета различных социальных и экологических требований.

Таким образом, в основу прогнозирования развития грузовых перевозок транспортным комплексом можно положить

предпосылки сохранения наметившихся тенденций роста их объема.

В межрегиональных сообщениях одной из основных задач транспортного комплекса является эффективное и надежное обеспечение потребностей региона во внешнерегиональных торговых перевозках, способствующих дальнейшему развитию торговли. В связи с этим проблемы прогнозирования грузовых перевозок, а в определенной степени и пассажирских, связаны с воздействием на их рост уровня торговли, в развитии которой отражается проявление рыночной экономики. Чередование труднопредсказуемых спадов и подъемов рыночной экономики и их влияние на торговлю увеличивают роль случайного фактора в процессе развития грузовых и пассажирских перевозок, поэтому точность экстраполяционных прогнозов будет, по всей видимости, снижена.

Для правильного понимания перспектив экономики, политики, идеологии необходимо достаточно четко представлять характер того этапа общественного развития, на котором мы находимся в данный период времени. Продолжением этого принципа, на наш взгляд, является положение о том, что предвидение должно опираться и исходить из анализа состояния и перспектив развития факторов, определяющих основу жизни людей с учетом сложившихся в настоящее время рыночных отношений в обществе.

Применительно к экономическому прогнозированию рассматриваемого класса объектов, можно выделить ряд наиболее существенных факторов. К их числу относятся, во-первых, интенсификация производства, обеспечивающая переход к экономике высоких технологий. Она означает не только поднятие технического уровня, но и совершенствование организации производства, труда, управления, применение компьютерных технологий. Интенсификация обеспечивается научно-техническим прогрессом, накоплением научных знаний, основными направлениями которых в транспортном комплексе регионах являются реконструкция и техническое перевооружение предприятий комплекса, автоматизация ремонта и технического обслуживания транспортных средств, улучшение условий труда, рациональное построение структурных подразделений и аппарата управления, интенсивно расширяющееся применение информационных технологий и т.д.

Технический прогресс в транспортном комплексе Оренбургской области проявляется в использовании современных специализированных транспортных средств. Так, на воздушном транспорте используются самолеты ТУ-204, АН-38, на авто-

мобильном увеличивается число автомобилей малой грузоподъемности, в областном центре пущены в эксплуатацию 240 автобусов польского производства «Аутосан». На железнодорожном транспорте необходимо опробовать новые технологии усиленного ремонта пути, конструкций стрелочных переводов и др., позволяющие доводить скоростной режим поездов до 200—250 км/ч. Для реализации такой скорости заканчиваются испытания российского электропоезда «Сокол». С января 2003 г. в области начала функционировать скоростная электричка (шестая в России), оснащенная современными средствами связи, имеющая высокий режим безопасности.

Во-вторых, возросшие удельные затраты на основные фонды, обусловленные высокой и постоянно увеличивающейся степенью автоматизации и компьютеризации производства. За последние пять лет основные фонды транспортного комплекса России увеличились в 2,6 раза[2]

В-третьих, увеличение затрат на подготовку специалистов. Усложнение инфраструктуры транспортного комплекса области, внедрение новых технологий и принципов управления потребовали существенного расширения номенклатуры специальностей. В регионе осуществляется подготовка специалистов высшими и средними специальными учебными заведениями по специальностям транспортного комплекса. По одним направлениям деятельности наблюдается увеличение выпуска числа специалистов, по другим уменьшение, но вместе с тем улучшается их теоретическая и практическая подготовленность, организуются новые направления обучения на основе современных информационных технологий. Ключевым положением стратегии обучения является осознание необходимости глубокой фундаментальной подготовки, которая обеспечивает успех выпускнику как в профессиональной области, давая ему основы знаний, так и в социальной сфере, повышая его социальную защищенность. Происходит дальнейшее совершенствование непрерывного профессионального образования. В настоящее время в области организован и функционирует Межотраслевой региональный центр повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов.

В-четвертых, в рыночной экономике даже небольшое отставание в развитии технологических процессов, услуг сервиса снижает конкурентоспособность предприятий, фирм и может привести к их распаду.

Рынок транспортных услуг в целом является неоднородным, на отдельных его сегментах присутствует межвидовая конкуренция. Обостряется конкуренция между железнодорожным

и автомобильным транспортом на рынке контейнерных перевозок, скоропортящихся и товарно-штучных грузов мелкими партиями, ценных грузов срочной доставки и других грузов, требующих повышенной скорости и надежности. Автомобильный транспорт обеспечивает возможность транспортировки «от двери до двери», большую гибкость, исключает пересортировку в пути. Трубопроводный конкурирует с железнодорожным транспортом при перевозках нефтяных грузов. Еще шире возможности межвидовой конкуренции в сфере перевозок пассажиров. Наиболее доступным для населения остается железнодорожный транспорт. Однако на средних и дальних расстояниях конкуренцию железнодорожному транспорту составляет воздушный, а на коротких — автомобильный.

Функционирование транспортного комплекса области в настоящее время протекает как составляющая транспортного комплекса России и отчасти — международного транспорта. В связи с этим при анализе перспектив развития комплекса области важно изучать и учитывать тенденцию развития транспорта всей России и международного транспорта, а также общее состояние экономики, колебания мирового рынка и т.д.

Наметившийся в экономике страны подъем обусловлен развитием импортозамещения, ростом экспорта при относительном сокращении издержек производства. В регионе наблюдается устойчивая тенденция роста производства промышленной продукции, существенный рост в основных грузообразующих отраслях. Сложилось положительное сальдо торгового баланса. Оживление экономики вызвало рост спроса на транспортные услуги. Число убыточных предприятий сократилось. Индексы внутренних транспортных тарифов в течение 2002 г. были ниже темпа инфляции. Таким образом, транспортный комплекс региона работает достаточно стабильно и надежно, придерживается разумных тарифов, предсказуем для клиентов. Согласно прогнозам, в ближайшем будущем спрос на транспортные услуги комплекса будет расти с темпом 2—3 % в год. Рост расходов в сфере обращения повышает требования к надежности и тарифной эффективности комплекса, качеству и доступности транспортного обслуживания.

В настоящее время, как и при командно-административной экономике, по нашему мнению, следует рассматривать два основных класса методов научно обоснованного прогнозирования — исследовательские и нормативные.

Исследовательские методы основаны на моделировании и экстраполировании данных в направлении хода времени, т. е. определяют инерцию процесса (эконометрические методы). При

их использовании объект прогнозирования рассматривается как саморазвивающаяся динамическая система, обладающая некоторой инерцией. Существующая информация об объекте в этом случае является основой для предвидения будущего его поведения. При рассмотрении экономических показателей в качестве характеристик объекта необходимо сохранение условий его протекания в будущем и отсутствие качественных изменений.

С развитием рыночных отношений, интенсификацией производства, повышением его эффективности эти отношения постоянно меняются. Несмотря на то, что экономика является инерционной системой, она все-таки управляема, поэтому для научного прогнозирования развития народного хозяйства и его отдельных отраслей необходимо сочетание исследовательских методов и нормативных, которые задают основные вехи научного прогресса. Такое сочетание позволит до определенной степени абстрагироваться от существующего состояния объекта прогнозирования. Нормативный подход заключается в том, что для объекта прогнозирования ставится определенная цель и намечаются этапы, позволяющие привести объект из существующего состояния к намеченной цели в будущем. Для составления научно обоснованных прогнозов развития транспортного комплекса региона необходимо исследовать его развитие в прошлом, существующие закономерности в настоящем, выяснить тенденции и взаимосвязи с другими системами, определить основные цели и задачи транспортного комплекса в будущем.

Разработка прогнозов функционирования экономических систем в условиях рынка, ориентируясь на современные условия, невозможна без использования математических методов и современных информационных технологий. При эконометрическом прогнозировании использование математических методов основано на предположениях, что, во-первых, наблюдавшиеся в прошлом основные зависимости, факторы, тенденции либо в большей степени сохраняются, либо можно определить характер их изменений в прогнозируемом периоде. Во-вторых, развитие прогнозируемых экономических процессов может быть представлено без резких скачков, в виде достаточно плавной кривой.

Эти предположения основываются на свойстве инерционности экономической системы, согласно которой основные соотношения и показатели система не может изменить за достаточно короткие промежутки времени, например, соотношение объемов перевозок грузов и пассажиров по видам транспорта и др.

В отдельных случаях становится возможным выявить и численно определить со значительной долей вероятности как изменится или какие примет значения исследуемый показа-

тель при определенных значениях влияющих факторов. Установить численное соотношение между динамическими процессами можно лишь имея о них информацию. В таких случаях анализ развития изучаемого процесса и его прогнозирование целесообразно дополнять анализом развития влияющих факторов, определение степени и формы зависимости влияния и составление с учетом его прогноза функционирования изучаемого явления. Методы исследования, которые учитывают степень влияния внешних условий, в большинстве случаев являются многофакторными.

Наряду с этим в практике анализа и прогнозирования достаточно широко используются методы, в основе которых лежит применение одномерных временных рядов. В том случае, если отсутствует исчерпывающая информация о прогнозируемом процессе, возможно применение интуитивных методов, основанных на информации качественного вида, либо ориентация на данные о развитии аналогичных процессов в других регионах, отраслях, а также опыт, знания и интуиция экспертов. С 90-х гг. XX в. из-за возрастающей сложности взаимосвязей между экономическими показателями и снижением надежности и точности статистической информации роль различных систем экспертных оценок увеличивается.

При прогнозировании функционирования транспортного комплекса региона используется большинство из перечисленных методов, среди которых и основанные на моделировании экономических процессов.

Исходным для исследования является обоснование теоретических предположений. Они основываются на прежних исследованиях или ожидаемых закономерностях и в зависимости от результатов могут совершенствоваться, изменяться, дополняться. Теоретическим фундаментом изучения развития транспортного комплекса региона являются общие положения социально-экономической теории и методы системного анализа. Для того, чтобы теоретически правильно проводить анализ экономического процесса, необходимо понимать его содержательную сущность, знать по каким законам происходит его развитие, особенности конкретной обстановки, внутри которой он развивается. Например, прежде чем определить влияние отдельных факторов на рост грузооборота автомобильного транспорта, необходимо уяснить понятие грузооборота, определить систему влияющих факторов, степень их влияния. Все это требует знаний экономики автомобильного транспорта.

Опираясь на системный подход, изучение экономических систем необходимо проводить в их постоянном движении,

изменении и взаимодействии, выявляя все новое, прогрессивное, определяя основные направления их развития. Так, при изучении грузооборота транспортного комплекса региона определяется не только его уровень, динамика, но и выявляется зависимость грузооборота от уровня автоматизации и механизации погрузочно-разгрузочных операций, степени использования рабочего времени, эффективности использования транспортных средств (вагонов, автомобилей), квалификации работников, системы оплаты труда и других факторов. С другой стороны, необходимо определить степень влияния уровня грузооборота на себестоимость перевозок, общий объем транспортной работы. На этапе теоретических предположений можно использовать такие общенаучные методы, как аналогию и гипотезу, позволяющие обоснованно предвидеть наличие связей между исследуемыми объектами или системами. Таким образом, теоретические предположения дают возможность выработать правильную стратегию развития транспортного комплекса региона, сделать работу его подсистем более эффективной и конкурентоспособной.

Моделирование экономических процессов предполагает создание информационной базы, включающей сбор и обработку информации, используемой для построения аналитических и прогнозных моделей. Последнюю можно разделить на две категории: первичную (или исходную) и производную, вырабатываемую в результате применения самих моделей. Исходная информация состоит из нормативно-справочных данных, статистики за ретроспективный период, реконструируемых специальными методами ретроспективных данных, экспертных оценок. Определенную информацию можно также получить из публичной печати.

Развитие и изменение экономических процессов во времени наиболее полно отражают временные ряды, содержащие последовательные значения показателей, характеризующие состояние процесса в определенные, как правило, равноотстоящие друг от друга, моменты времени. Особенностью динамики экономических процессов является то, что в подавляющем большинстве случаев каждый его показатель определен только одним временным рядом, поэтому использование развитой математической теории случайных процессов ограничено. При математическом моделировании экономических процессов учесть влияние внешних факторов позволяют многофакторные эконометрические модели. Они обладают рядом преимуществ по сравнению с методами, базирующимися на использовании одно-

мерных временных рядов. К числу таких преимуществ можно отнести более полное отображение конкретной деятельности, возможность проследить за характером изменения взаимосвязей внутри системы и с внешней средой, а также определение степени влияния отдельных факторов на исследуемую систему.

Независимо от вида и способа построения экономико-математической модели вопрос о возможности ее применения для анализа и прогнозирования экономического процесса может быть решен только после установления адекватности, т.е. соответствия модели исследуемому процессу или объекту и точности, которая характеризуется величиной отклонения модели от реального значения моделируемой переменной (показателя экономического процесса). Так как полного соответствия модели реальному процессу или объекту не может быть никогда, имеется в виду не абсолютная адекватность, а лишь по тем свойствам модели, которые считаются наиболее существенными для исследования.

Таким образом, значительное изменение темпов развития грузовых и пассажирских перевозок, влияние на них различных факторов, математическое моделирование которых затруднено, предъявляют специфические требования к их анализу и прогнозированию. В частности, прогнозирующие модели должны по мере поступления новой информации проверяться на адекватность относительно функционирования реальной системы и в случае необходимости корректироваться. Изучение развития экономических процессов, в том числе и транспортных, их моделирование требует глубокого анализа и учета объективных законов общественного развития, конкретного экономического исследования, наличия информации, вычислительных методов и моделей, соответствующих практических навыков по их использованию, применения современных информационных технологий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Транспорт и связь. Оренбургская область // Стат. сб. Оренбург, 2002. С. 98.

[2] См.: *Федосеев В.В., Гармаш А.Н., Дайитбегов Д.М., Орлов И.В., Половников В.А.* Экономико-математические методы и прикладные модели. М., 1999. С. 392.

Поступила 12.09.2003.



М.В.СЕРОШТАН



Г.А.БУНИЧ

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КООПЕРАТИВНОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

Организованный туризм как социальное явление возник в XIX в. в Англии, когда проповедник А.Кук организовал первую экскурсионную поездку. В этот период в Англии формировалась система трудового права, рабочим было предоставлено два выходных. Свободное время способствовало появлению негативных социальных явлений — пьянства, хулиганства, азартных игр. А.Кук, возглавлявший в Дербишире общество трезвости, стремился организовать досуг рабочих, сделать его полезным и познавательным. Так изначально в природе туризма было заложено социально-доступное и организационно-полезное начало.

За два века развития туризм превратился из социального явления в экономическую сферу мирового хозяйства. Сформировалась мощная индустрия туризма: возникли фешенебельные отели, рестораны и курорты, суперсовременные туристические центры и регионы. Оценив высокую востребованность предложения туристического рынка, предприниматели превратили это явление в доходный бизнес.

Сегодня туризм занимает первое место в мире по экспорту товаров и услуг, опережая компьютерные технологии, торгов-

СЕРОШТАН Мария Васильевна, президент-ректор Московского университета потребительской кооперации, доктор экономических наук, профессор.

БУНИЧ Галина Алексеевна, доцент кафедры менеджмента Московского университета потребительской кооперации, кандидат экономических наук.

лю энергоносителями, автомобилестроение. Объем экспорта туристских услуг составляет 532 млрд дол. США (7,9 % объема мирового рынка). Ежегодно в системе организованного туризма отдыхают 698 млн чел. и темпы роста туризма, составляющие 7 % в год, предполагают прогрессивное развитие этого сектора. По прогнозам Всемирной туристической организации (далее — ВТО), число туристов в 2020 г. достигнет 1,56 млрд чел.

Россия в системе международного туристического рынка занимает скромное место, ее доля — менее 1 %. Однако по данным ВТО, к 2020 г. Россия выйдет на девятое место, уступив таким странам, как США, Франция, Германия, Канада, Япония, Великобритания, Китай и Нидерланды. Этот прогноз базируется на оценке колоссальных природных, историко-архитектурных и культурных ресурсов России. При этом учитывается государственная политика в сфере туризма. Принятая в 2002 г. Концепция развития туризма в Российской Федерации на период до 2005 г. предполагает формирование в стране современного туристического рынка с приоритетом внутреннего туризма, инвестиционными потоками, стимулирующей налоговой системой, системой подготовки кадров, проведением маркетинговых исследований и продвижением российского туристического продукта на мировой рынок.

Однако коммерциализация туризма, его превращение в высокодоходный бизнес изменили социальную природу туризма. Организованный отдых стал недоступен большинству людей. Так, если в России до 90-х гг. XX в. в системе организованного туризма отдыхали более 80 % населения страны, то сегодня число отдыхающих сократилось до 3 % вследствие высокой цены туров.

Потребность в отдыхе является одной из первичных потребностей человека. Конституции многих стран мира защищают ее, гарантируя право граждан на отдых. Конституция Российской Федерации (ст. 37) закрепляет право на отдых для россиян, однако оно является декларативным, а не реальным. Ухудшение экологии, снижение уровня жизни основной массы населения, бытовые и производственные стрессы, интенсивность жизни повышают актуальность организованного отдыха, делают его жизненно важной социальной необходимостью. Решением проблемы является развитие социального туризма.

Международный социальный туризм находится в ведении Бюро международного социального туризма при ООН. Цель социального туризма — обеспечение доступности организован-

ного отдыха всем людям, независимо от их социального положения, места проживания, возраста и рода занятий. Его задачами являются обеспечение реализации права людей на отдых; ликвидация дискриминации в обеспечении социальных прав; обеспечение оздоровительного и лечебного отдыха в системе лечебно-оздоровительного туризма; повышение культурно-образовательного уровня людей в системе познавательного и образовательного туризма; организация свободного времени и рационального здорового досуга людей; забота о нравственности; повышение социальной активности; формирование рациональных потребностей в организованном отдыхе; забота об обществе, природе и экологии.

Созвучность целей и задач международного социального туризма социальной природе потребительской кооперации определила кооперативную нишу международного туристического рынка. Одна из структур Международного кооперативного альянса — Международная ассоциация туристических кооперативов, созданная в 1976 г., основным направлением кооперативного туризма определяет социальный туризм. В СССР организованный отдых, находившийся в монопольном ведении профсоюзов, был доступен всем гражданам. Однако с началом формирования рыночных отношений, распадом Союза рынок туризма сделал недоступным организованный отдых миллионам граждан России. Малоимущие и социально слабозащищенные слои населения, особенно жители села, привыкшие к бесплатному отдыху, организацией которого занималась поселковая администрация и профсоюзы, ни психологически, ни организационно, ни тем более материально не готовы к рыночным отношениям в сфере отдыха.

В системе российской потребительской кооперации нет туристических кооперативов. Это обусловлено низким уровнем развития туризма и туристической индустрии в стране. Сегодня Россия по уровню развития инфраструктуры туризма соответствует Европе начала XX в. Отдельные региональные кооперативные союзы занимаются туристической деятельностью, реализуя ее как один из видов хозяйственной деятельности. Наблюдается динамичный рост туристско-экскурсионных услуг, оказываемых потребительской кооперацией. Однако такие виды туризма, как трофейная охота, ностальгический туризм, познавательный, лечебно-оздоровительный отнести к социальному туризму нельзя в силу высокой стоимости. Таким образом, в туризме потребительские кооперативы приоритетными ставят не социальные, а коммерческие цели.

Международная ассоциация туристских кооперативов, а также Международная организация труда определяют следующие принципы кооперативного туризма: массовость и доступность организованного отдыха; нравственное и физическое оздоровление кооператоров; улучшение качества жизни независимо от социальной принадлежности людей; забота о природе и экологии; развитие контактов между кооператорами; формирование индустрии туризма; создание рабочих мест; забота о местной общине.

Туризм — одна из наиболее эффективных сфер по созданию рабочих мест. Сегодня количество рабочих мест в ней составляет 192 млн чел., или 8 % от общих показателей занятости в мире. Каждые 100 приехавших в регион туристов создают одно рабочее место. Потребительская кооперации России, реализующая социальную миссию, одной из приоритетных определяет задачу создания рабочих мест. Международная организация труда в связи с содействием развитию кооперативов значимую роль отводит развитию туризма, который способствует созданию достойной работы на селе, снижению миграции сельского населения, развитию и повышению уровня жизни сельской общины.

Товаром туристического рынка является туристское предложение, которое более чем на 80 % состоит из услуг и лишь на 20 % из товаров. Тур создают более 70 отраслей хозяйственной деятельности: гостиницы и другие средства размещения, предприятия транспортного обслуживания и общественного питания; предприятия и организации сферы бытового и коммунального обслуживания, экскурсионные и досуговые центры (кинотеатры, театры, кафе, бары, парки и др.). Дополнительные услуги и товары создают местная торговля, производство изделий народных промыслов, сувениров. Проводит тур туроператор, который, не имея в собственности всего комплекса средств для формирования туристского продукта, заключает контракты с владельцами соответствующих предприятий.

Система потребительской кооперации имеет все необходимое для создания туристского продукта и развития туристической деятельности. Единство владения, целей и задач, некоммерческий характер позволяют кооперативам создавать конкурентоспособный недорогой туристский продукт, отвечающий социальным требованиям.

Основу туристского продукта составляют туристские ресурсы, которые могут привлечь туристов и быть целью их

приезда в регион: природные особенности (экологически чистые леса, реки, озера, ландшафт); историко-культурные памятники; православные святыни и др. В России нет уголка, в котором нет туристских ресурсов. При этом ресурсы при использовании могут приносить региону доход, а в случае простаивания — убытки.

Второй уровень туристского продукта — основные услуги и товары, без которых не могут быть востребованы туристские ресурсы: размещение и проживание, транспорт и услуги предприятий питания.

Третий уровень туристского продукта — дополнительные услуги и товары, к которым относятся обслуживание туристов предприятиями торговли, бытового обслуживания (парикмахерскими, пунктами по ремонту обуви, часов, одежды); дополнительные товары (изделия местной промышленности, народных промыслов, сувениры).

Туристский продукт — это комплекс, который как мультипликатор объединяет вышеназванные элементы. Поэтому развитие кооперативного туризма может иметь большое значение для хозяйственной деятельности потребительской кооперации. Приток туристов в регион активизирует весь хозяйственный комплекс, увеличивая товарооборот розничной торговли, предприятий питания, транспорта, сферы бытового обслуживания, производства потребительских товаров. Статистические данные свидетельствуют о том, что туристы лишь 30—50 % средств, запланированных на отдых, тратят на приобретение турпутевки, остальные деньги они расходуют в процессе отдыха в регионе, посещая экскурсии, рестораны, анимационные центры. Таким образом, за счет приезда туристов активизируется весь экономический механизм, т.к. возрастает спрос на потребительские товары и услуги за счет притока в регион новых потребителей и денежных средств.

Убыточные и сданные в аренду магазины, арендуемые и недействующие предприятия общественного питания в системе кооперативного туризма не только могут стать востребованными, но и приносить значительную прибыль. Продукция хлебопечения, молокопродукты, консервы, напитки, изделия народных промыслов получили бы естественную систему сбыта и стимул развития.

Потребительская кооперация России имеет необходимую базу развития туризма: предприятия и средства размещения — 36 гостиниц, 35 санаториев и домов отдыха, более 100 студенческих общежитий (большим резервом для размещения туристов

могут стать широко применяемые во всем мире туристские деревни, в которых жители сдают в аренду комнаты в своих домах приезжающим туристам, имея от этого дополнительный доход); предприятия питания потребительской кооперации — 8 816 единиц (отличаются высоким качеством, сервисом и невысокими ценами); транспорт — (32 644 единицы автобусов и других транспортных средств (кроме собственного транспорта к туристическому обслуживанию может привлекаться и арендованный).

Дополнительные услуги и товары в туризме, создаваемые предприятиями торговли и бытового обслуживания, также выполнимы для потребительской кооперации, т.к. мощный стимул, который дали развитию этих сфер кооперативной деятельности научно-практические конференции, позволил создать современный торгово-бытовой комплекс на селе.

Кооперативный социальный туризм имеет двуединое социальное начало. С одной стороны, он может улучшить жизнь общины, создавая рабочие места, увеличивая приток средств в регион, налоговые поступления в местный бюджет, строительство новых дорог, развитие инфраструктуры. С другой — благодаря доступности и низким ценам кооперативный туризм, как исключительное право пайщиков и работников потребительской кооперации, может стать действенным средством привлечения новых пайщиков в потребительскую кооперацию и способствовать повышению культуры, духовности и здоровья социально слабозащищенных слоев населения, станет формой противостояния глобализации транснациональных корпораций в сфере туризма.

Поступила 24.11.2003.



С.Н.ЗАХАРОВА



В.А.КУТУЗОВ

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

Полиграфия является одной из наиболее социально значимых отраслей экономики, предназначение которой состоит в удовлетворении потребности общества в печатной продукции. Кризисные явления в народном хозяйстве и проводимые на их фоне рыночные преобразования не могли не сказаться на положении отечественной полиграфии, обострили внутренние и внешние проблемы отрасли. Реформы последних лет в организации полиграфической промышленности на федеральном и региональном уровнях не дали желаемых результатов. Отсутствуют и четкие стратегии развития на уровне отдельных предприятий. В результате в полиграфии резко обострились все формы внутриотраслевой конкуренции. Она ярко проявляется между типографиями (традиционными субъектами федерального рынка), крупнейшими региональными предприятиями, предприятиями местной печати. В острейшем напряжении находятся взаимоотношения внутриотраслевых субъектов: издательств, полиграфических предприятий, торговли. Кроме того, рынок полиграфических услуг испытывает серьезное

ЗАХАРОВА Светлана Николаевна, доцент кафедры государственного и муниципального управления Мордовского государственного университета, кандидат экономический наук.

КУТУЗОВ Василий Александрович, заместитель директора Республиканской типографии «Красный Октябрь», кандидат экономических наук.

конкурентное давление со стороны зарубежной полиграфической базы.

В современной отечественной полиграфии развиваются разнообразные формы собственности. Сегодня полиграфию наряду с государственными представляют негосударственные, частные, акционерные издательства, различные рекламно-издательские агентства, изменившие характер конкуренции в отрасли. В целом отраслевая имущественная структура отечественной полиграфии уже мало чем отличается от зарубежной, которой в развитых странах уделяется самое пристальное внимание, что проявляется в государственной поддержке национальных полиграфических предприятий через систему льготного налогообложения, некоммерческого кредитования, таможенного регулирования и др. Это объясняется не только важностью отрасли в социально-экономической жизни общества, относительно малыми размерами, но и тем, что она, в отличие от других отраслей, в большей степени страдает от воздействия кризисных явлений. Можно с некоторой долей уверенности утверждать, что устойчивое развитие полиграфии зависит от степени развития национальной экономики и социального обеспечения граждан.

Многие проблемы российской полиграфии имеют «наследственный» характер. Существовавшая ранее правительственная политика централизации размещения предприятий полиграфии (основная их часть расположена в центре страны, в первую очередь г.Москве) распространилась и на финансирование отрасли. Это привело к тому, что регионы имеют весьма слабую финансовую поддержку из федерального бюджета. Региональные бюджеты слишком малы для того, чтобы обеспечить пропорциональное развитие предприятий данной отрасли, расположенных на своей территории. Более того, продолжает существование та же схема распределения бюджетных средств территорий: региональному предприятию-лидеру — почти все, остальным — почти ничего. Такая практика государственного финансирования полиграфии усугубляет проблемы ее развития. Назрела необходимость кардинального изменения государственной поддержки полиграфии, т.к. результативность деятельности всех ее звеньев и отрасли в целом во многом зависит от активной поддержки государственных структур и общественных организаций.

Временное положение об издательской деятельности в РСФСР от 17 апреля 1991 г. № 211 является основным документом, регулирующим порядок издательской деятельности,

распространяется на все книжные, газетные, газетно-журнальные и иные издательства, расположенные на территории России, независимо от их организационно-правой формы, ведомственной принадлежности и форм собственности.

Координирующая роль Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций отражена в целевой программе «Поддержка полиграфии в России». Однако при реализации данной программы предприятия отрасли опять столкнулись с проблемой хронического недофинансирования, имевшей место и при реализации предыдущих программ. Для полиграфии это существенно ограничивает возможность обновления устаревшего оборудования, а сопряженные с ней отрасли машиностроения оказываются не в состоянии обеспечить полиграфические предприятия необходимой техникой. Аналогичная ситуация возникает и с обеспечением расходными материалами. Особую остроту приобретает ситуация, связанная с оттоком квалифицированных кадров в частные издательства, редакции, типографии, которые более оперативно реагируют на конъюнктуру рынка, существенно выигрывая в оплате и материальном стимулировании работников. Последняя проблема еще более усугубляет положение дел в отрасли, т.к. основу стратегического развития полиграфии и выполнения государственных задач составляют государственные унитарные предприятия.

Основные вопросы регулирования и поддержки полиграфии отражены в Законе «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания» от 1 января 1996 г. Законом с целью выравнивания стартовых условий предприятий определен перечень льгот, который по мере оздоровления и поступательного развития отрасли должен быть поэтапно отменен.

Отметим, что на начальной стадии действия закона наблюдались очевидные положительные сдвиги. Существование льгот позволило значительно замедлить рост цен на продукцию отрасли и сделать относительно доступными для читателей цены на книги, газеты, учебники. Несмотря на отдельные недочеты в процессе реализации закона на местах, в целом он сыграл защитную роль в правовом обеспечении государственной политики регулирования и поддержки полиграфических предприятий. Его пролонгирозание с сохранением принятых льгот является, на наш взгляд, вполне обоснованным, т.к. общая социально-экономическая ситуация в России еще далека от стабильной и не гарантирована от возникновения новых критических зон хозяйствования.

Состояние полиграфической отрасли в последние годы подтвердило необходимость ее структурного реформирования, а также значимость повышения инвестиционной привлекательности полиграфических предприятий, обеспечения государственного протекционизма в отношении полиграфической отрасли. Опыт показывает, что три года работы книгоиздательской отрасли в условиях частичного освобождения от уплаты налогов на прибыль и добавленную стоимость позволили многим предприятиям существенно увеличить размеры собственных оборотных средств, частично за счет доходов решить вопросы инвестирования и технического перевооружения своей технико-технологической базы.

Однако большинство мер стимулирования и государственной поддержки пока носят эпизодический характер. Разумеется, даже самая действенная поддержка не даст ожидаемых положительных результатов, если не будут максимально использованы внутренние возможности самих полиграфических предприятий. В настоящее время существенная часть предприятий, активно применяя маркетинг, нашла свободные рыночные ниши и успешно их осваивает, предоставляя не только традиционные полиграфические услуги, но и обеспечивая себе дополнительное конкурентное преимущество за счет повышения уровня сервиса, обеспечения эффективного взаимодействия с заказчиками, а также формирования достойной внутрикорпоративной культуры, стимулирования мотивации работников, их ответственности за свой труд и их стремления к коллективному разрешению внутрипроизводственных проблем, формирования достойного имиджа предприятия.

В целом, несмотря на определенные успехи, говорить о наличии в России единого издательско-полиграфического комплекса и полиграфии как управляемой системы еще рано. Отсутствие единой государственной политики по отношению к одной из наиболее рентабельных отраслей, дающей стабильные поступления в бюджеты всех уровней, сдерживает развитие российской полиграфии. Количество рентабельных производств, рабочих мест, конкурентоспособность российских полиграфических предприятий на внутреннем и внешнем рынках, объемы выпуска продукции могли бы нарастать более высокими темпами, если бы отечественные налоговые и таможенные регуляции соответствовали интересам отечественных производителей печатной продукции, способствовали притоку инвестиций в отрасль.

Поиск источника инвестирования или оптимального кредитования по времени должен совпадать с процессом подготовки коллектива и предприятия к последовательному и эффективному освоению ожидаемых к получению средств. Это во многом повысит качество управления реализацией инвестиционных проектов, а также снизит и частично исключит предпринимательские риски. Последние, а точнее умение руководства предприятия их предвидеть, исключить или уменьшить, также существенным образом влияет на формирование у потенциальных инвесторов надлежащего инновационного имиджа предприятия. Поэтому при разработке бизнес-планов необходимо, на наш взгляд, самое пристальное внимание уделять его «рисковому» разделу, т.к. именно эта часть проектов попадает под пристальное внимание и подвергается развернутому анализу предполагаемыми инвесторами.

Не менее жестко относятся инвесторы и к оценке привлекательности, обоснованности и достоверности финансового плана. Последнее часто вызывает сомнения инвесторов и их отказ финансировать предложенный к рассмотрению проект. При этом они стараются получить дополнительную информацию о финансовом состоянии предприятия и «чистоте» предполагаемой финансовой выгоды для себя и возможного заемщика. Чаще всего источником такой информации являются налоговые органы. Однако предоставляемая им финансово-экономическая информация основывается, главным образом, на данных бухгалтерского учета, и в настоящее время полностью подчинена целям налогообложения.

Другим источником сведений о действительном положении дел на предприятии (заявителе бизнес-плана) являются его партнеры, торговые посредники, постоянные потребители. Существует возможность использования сведений о предприятии из официальных органов статистики, публикаций материалов СМИ. Однако не смотря на эти возможности, риск инвестирования остается, поэтому предприятию-изготовителю проекта крайне важно уметь убедить инвестора в его целесообразности, выгодности для обеих сторон и наличии надежных гарантий своевременного возврата заемных средств на предполагаемых по проекту условиях.

Любая предпринимательская деятельность неизбежно связана с большим или меньшим риском. Совсем исключить риск инвестирования невозможно. Даже при всей видимой открытости и откровенности партнера по бизнесу информационные зоны для инвестора остаются закрытыми. В процессе реали-

зации проекта могут возникнуть дополнительные рисковые ситуации, связанные с резким изменением внешней рыночной конъюнктуры, а также курса национальной валюты, поведения фирм-конкурентов, в экспортно-импортной политике государства и др. Это может вызвать сокращение спроса на продукцию предприятия, привести к конфликтам с производственными, снабженческими и торговыми организациями, вмешательству в реализацию проекта со стороны государственных структур, которые в итоге могут привести к конфликту между инвестором и заемщиком.

В то же время процесс инвестирования хотя и медленно, но начинает свое развитие. Можно предположить, что в ближайшее время следует ожидать всплеска инвестиционной активности в стране. Если учесть, что полиграфия является точкой роста, то инвесторы, имея в виду достаточно высокую оборачиваемость оборотных средств в ней, не обойдут отрасль своим вниманием. Однако следует быть разумно сдержанным в таком прогнозе, т.к. привлекательность полиграфии во многом определяется стабильностью социально-экономического положения в стране. При этом у каждой отрасли помимо общих есть и собственные проблемы, успешное решение которых требует объединения усилий всех полиграфистов и государства с целью его активного регулирования и поддержки такой социально значимой отрасли.

Поступила 21.11.2003.

УПРАВЛЕНИЕ ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ — НОВЫЕ ЗАДАЧИ

Накануне Нового года недавно назначенная на должность начальника Управления высшего профессионального образования Минобразования России Любовь Александровна Кравцова ответила на следующие вопросы.

— Позвольте поздравить вас с высоким назначением. Работы, видимо, предстоит много. С чего Вы начали свое вступление в новую должность? Что предстоит сделать в первую очередь?

— Нельзя сказать, что с чем-то в своей работе я столкнулась впервые, так как около года работала заместителем начальника Управления высшего профессионального образования Министерства, многие вопросы находились в поле моего внимания, и они остались. Конечно, появились новые проблемы и задачи. Дело в том, что Министерство активно участвует в социальной жизни страны, т.е. оно не только выполняет свои традиционные функции, но и ставит перед системой образования новые задачи, намечает пути их решения, формирует новые технологии, проводит эксперименты, результаты которых будут использованы в ближайшем будущем для совершенствования системы образования. В связи с этим круг задач постоянно расширяется и требует внимания, понимания, участия.

Высшие учебные заведения всегда были лидерами в решении проблем образования, поскольку научные программы в основном реализуются вузами, для самой системы образования педагогические кадры, кадры высшей квалификации готовятся вузами, научно-педагогические коллективы высших учебных заведений в первую очередь участвуют в формировании государственных образовательных стандартов, в создании единого информационного пространства России. В связи со всеми процессами, происходящими в образовании, его модернизацией, активность вузов в решении этих вопросов возрастает.

— Какие же проблемы в первую очередь стоят сейчас перед нашим высшим профессиональным образованием?

— В связи с тем, что проводятся эксперименты в областях, касающихся и высшего профессионального образования (ЕГЭ, ГИФО, отработка новых механизмов финансирования, организация управления вузами, создание интегрированных образовательных учреждений и другие), проблем очень много. Вузы являются участниками этих экспериментов. Так, одна из задач

Управления — это организационная поддержка мероприятий по организации приема в вузы в форме и по результатам ЕГЭ. Традиционными вопросами Управления являются участие в определении стратегии развития всей системы высшего профессионального образования, мониторинг ее текущего состояния, формирование предложений руководству Министерства по ее совершенствованию. Управление принимает участие в формировании сети высшего профессионального образования: создании, реорганизации и ликвидации вузов и их филиалов, в открытии подготовки по новым направлениям и специальностям. С 2003 г. Управление организует конкурсное размещение государственного задания на подготовку специалистов, для решения задачи оптимизации распределения федерального бюджетного финансирования между вузами, выигравшими конкурс.

— Когда Вас назначал министр, он акцентировал на чем-то особое внимание или Ваши полномочия заместителя начальника Управления просто расширились в новой должности?

— Акцент был сделан прежде всего на проблемах, касающихся развития системы высшего профессионального образования. Создание многочисленных филиалов, зачастую дающих некачественное образование, неконтролируемое открытие подготовки по новым специальностям (в первую очередь по экономическим и юридическим) без соответствующего обоснования — это системные проблемы, которые требуют решения, поэтому министр предложил пути их решения. Ректорам подведомственных вузов уже подготовлены соответствующие письма, предусматривающие меры Министерства по упорядочению этой деятельности.

— Вы упоминали государственное задание. Сейчас уже какие-то итоги подведены. Что можно сказать по этому поводу? Что будет на следующий год?

— Министерством была разработана методика проведения конкурса по размещению государственного задания в соответствии с постановлением Правительства. По итогам обработки и анализа представленных вузами материалов на конкурс они получили объективную информацию о том, какие показатели достигаются им в подготовке по конкретным укрупненным группам специальностей и направлениям, и как вуз выглядит в этом отношении по сравнению с другими вузами. Сложились объективные конкурсные ситуации по отдельным группам специальностей, где действительно выиграли лучшие. После завершения конкурса мы сделали запрос во все вузы Россий-

ской Федерации, в Советы ректоров вузов и министерства, имеющие в своем ведении вузы, об анализе проведенного конкурса. Вузы откликнулись. По итогам конкурса, проведенного Министерством образования Российской Федерации, отзывы положительные, но были предложения по совершенствованию самой системы конкурсной процедуры. Сейчас работает группа специалистов, которая обобщит замечания и предложения по формированию конкурсной документации и возможных изменений в системе самого конкурса на следующий год. В основном все будет базироваться на уже разработанных методиках, но появится и новое, с учетом пожеланий ректоров.

— По ЕГЭ эксперимент в целом идет успешно, но нельзя сказать, что все проблемы решены. Тогда как ГИФО отошел на задний план. Идет ли сейчас поиск новых механизмов финансирования вузов?

— Да, сама поставленная задача звучит как формирование новых механизмов финансирования в образовании, в том числе и в высшем профессиональном, поэтому эксперимент по ГИФО — один из нескольких путей решения этой проблемы. Думаю, что все возможные варианты будут рассматриваться.

Что касается эксперимента по ГИФО, то здесь выявлены как положительные, так и отрицательные стороны, поэтому ход эксперимента корректируется и он будет продолжен.

— По мнению некоторых ректоров ЕГЭ и ГИФО — «троянский конь», запущенный в вузы бюджетного финансирования для перехода на платное образование. Есть ли в этих разговорах доля истины?

— Я бы так не сказала. С моей точки зрения с помощью ГИФО делается попытка в первую очередь решить социальную задачу. И здесь пока ясно одно: нужно продолжить поиск новых механизмов финансирования вузов. Иначе наша система долго не выдержит и не сумеет обеспечить должный уровень доступности и качества образования.

— Уже давно муссируется категория «ведущий вуз». Есть ли здесь уже какая-то документальная база?

— Существует проект положения о ведущих вузах Российской Федерации, проходящий апробацию. Предполагается формирование сектора ведущих вузов в высшем профессиональном образовании, на который будут возложены дополнительные задачи в развитии самой системы высшего профессионального образования страны. Эти документы находятся в работе достаточно давно и в связи с тем, что они имеют действительно огромное значение для всей системы высшего

профессионального образования, спешка тут недопустима. Дополнительные ресурсы, вкладываемые в ведущие высшие учебные заведения, должны способствовать совершенствованию подготовки специалистов во всей системе высшего профессионального образования по определенному направлению, допустим, экономическому. За эти дополнительные средства ведущие вузы должны будут проводить мероприятия, которые будут транслироваться на систему образования, в том числе на повышение квалификации, переподготовку специалистов, аспирантуру и т.д. В систему конкурсного отбора ведущих вузов заложено добровольное участие в конкурсе. Главное в конкурсной процедуре — вуз сам должен сформировать свою концепцию деятельности или миссию, как ведущий, и подтвердить возможность ее реализации показателями своей деятельности. Эта работа будет продолжаться в следующем году. Напомню, что положение о ведущем вузе Российской Федерации было рассмотрено на 7-м съезде Российского Союза ректоров. Оно направлялось во все субъекты федерации, полномочным представителям Президента Российской Федерации в федеральных округах, рассматривалось федеральными органами исполнительной власти, имеющими в своем ведении вузы, советами ректоров вузов и вузами. В настоящее время по решению Министра В.Филиппова согласованный вариант положения направлен во все вузы Российской Федерации. Сейчас получаем отклики, они будут анализироваться, обобщаться и учитываться при подготовке окончательной редакции положения.

— Вы упоминали об упорядочении сети образовательных учреждений, прежде всего филиалов, но с таким финансированием иногда возникают даже у ректоров предложения по сокращению самих вузов? Об этом какие-то размышления в министерстве есть?

— Думаю, что никаких революционных решений о закрытии вузов приниматься не будет. Возможно, создадутся некоторые условия, которые будут способствовать более плотной интеграции вузов. Кстати, если принимается решение о переводе на региональный бюджет учреждений начального и среднего профессионального образования, то о высшем профессиональном образовании речь не идет.

— Вы упоминали, что возникает немало задач по внедрению в образовательный процесс новых технологий.

— Прежде всего имеются в виду технологии открытого образования, дистанционные технологии и те технологии, которые предусматривают использование современных средств

в учебном процессе. Речь, в частности, идет о виртуальных тренажерах, о лабораториях нового поколения, когда эксперимент проводится дистанционно, т.е. реальный объект находится на большом расстоянии, а также обо всем том, что вносит прогресс в жизнь высшей школы, ведь никто так быстро не реагирует на изменения, связанные с достижениями науки и техники, как высшее профессиональное образование. Если сама система образования по сути консервативна, то работающие в ней люди стремятся непрерывно овладевать профессиональными знаниями, совершенствоваться в профессиональном отношении. И здесь задача Министерства — поддерживать научно-педагогические коллективы, научные школы, иногда даже вузы целиком, которые способны осваивать эти новые образовательные технологии и транслировать их на систему.

— Ректор МЭСИ В.Тихомиров неоднократно высказывал тревогу по поводу отставания наших вузов в компьютеризации и новых электронных технологиях. По его мнению, если не вложить очень больших средств, то положение не исправится. Насколько, по Вашему, он прав?

— Технологии дистанционного обучения в высшем профессиональном образовании, именно как технологии обучения, должны распространяться широко, и если есть спрос, значит нужно удовлетворить его предложением. Но здесь необходимо, конечно, разумное сочетание этих технологий с традиционными формами обучения. На мой взгляд, нельзя забывать, что при получении первого высшего профессионального образования традиционным способом, наряду с тем, что вы имеете возможность получить знания в достаточном объеме, вы еще формируетесь как личность. Студент попадает в коллектив, в атмосферу, которая на него воздействует. Невозможно переоценить значение личности профессора, научного руководителя. Они не только читают лекции, проводят занятия, организуют научную работу студента, но и в этих процессах влияют непосредственно на адаптацию студентов к новым жизненным ситуациям. Задача высшего профессионального образования заключается не только в том, чтобы дать определенный набор знаний, но и воспитать достойного члена общества в целом и соответствующего профессионального сообщества. Думается, что дистанционные технологии особенно могут быть востребованы при получении второго высшего, дополнительного образования и, конечно, при получении первого высшего профессионального образования, но только в сочетании с элементами традиционных технологий. Задача вузовского сообщества — найти необходимую пропорцию.

Дистанционное образование, несомненно, требует значительных вложений. Дело не столько в техническом оснащении, сколько в формировании качественных программных продуктов. Здесь тоже нужны профессионалы и свои технологии.

— Еще одна проблема, весьма актуальная для высшего профессионального образования, — это управление высшими учебными заведениями, потому что выбором оптимальной схемы управления в вузах можно достичь значительных результатов в повышении качества образования, эффективности работы самого вуза и т.д.

— Да, этой проблеме сейчас уделяется много внимания. В нашей стране всегда велись работы по оценке и совершенствованию качества образования, в том числе и высшего профессионального. Основная задача высшего учебного заведения — давать качественное образование. В последнее время появились многие работы, связанные с системами управления качеством образования. При создании и совершенствовании систем управления качеством авторы ориентируются на международные стандарты и признанные системы. Есть разные направления в этой деятельности, например, в Ивановском государственном энергетическом университете за семь лет была разработана система управления вузом в целом, в том числе и качеством образовательного процесса. Она позволяет иметь постоянную информацию о качестве получаемого образования и формировать управленческие решения, которые позволяют его повышать. Интересный опыт по управлению накоплен и в Санкт-Петербургском государственном электротехническом университете, МИСИСе, Томском государственном политехническом университете, многих других вузах. Вузы сейчас имеют сложную структуру, практически это университетские комплексы. Они включают в себя не только образовательные подразделения различных уровней, но производственные, научные, инновационные. В этом случае требуется постоянное совершенствование системы управления вузом. Вуз должен также иметь систему содействия трудоустройству и адаптации выпускников, работать с социальными партнерами, и система управления вузом должна откликаться на потребности современного рынка труда.

— Похоже, процесс образования университетских комплексов замедлился, или о нем просто стали меньше говорить?

— Нельзя сказать, что процесс идет медленнее. В Федеральной программе развития образования отдельное направление было посвящено университетским комплексам. Главная задача при его реализации — оценка различных моделей уни-

верситетских комплексов с точки зрения их перспективности, разработка нормативно-правовых документов и методических рекомендаций. Эта работа требует продолжения в связи с новыми аспектами в нормативно-правовом сопровождении деятельности таких интегрированных образовательных учреждений, новыми образовательными, инновационными технологиями, апробируемыми университетскими комплексами. Уже накоплен определенный опыт, нуждающийся в диссеминации. Для того, чтобы создать университетский комплекс как единое юридическое лицо, требуется подготовка распорядительного документа Правительства Российской Федерации. С такими просьбами обращаются вузы, главы администраций, и Управление организует соответствующую работу. Ежегодно издаются распоряжения Правительства Российской Федерации по включению в структуру вузов различных образовательных и иных учреждений. По инициативе вузов создаются ассоциации или союзы, что предусмотрено Гражданским кодексом, и это тоже некоторые модели университетских комплексов. Многие вузы развиваются, создавая в своей структуре подразделения среднего и начального профессионального образования, научно-исследовательские институты и т.д., формируя при этом настоящий университетский комплекс.

Создание комплексов остается требованием времени. Так, университетский комплекс Кабардино-Балкарского государственного университета полностью работает для республики. Он дает населению возможность получить профессиональное образование разного уровня. Не случайно этот университет имеет высокий рейтинг. В этом году Кабардино-Балкарский государственный университет и Нижегородский государственный университет явились в своем роде экспериментальными площадками, на которых специалисты в области управления вузами реализовывали свои идеи. Причем, университеты, проведя предварительно работу по самоанализу, сформулировали для этих специалистов ряд тем. Это, например, для Кабардино-Балкарского государственного университета формирование стратегии развития или миссии университета, системы управления качеством и международной деятельностью в вузе. В настоящее время задача высшей школы заключается не только в разработке определенных проектов, но и в распространении опыта на всю систему, так как Россия присоединилась к Болонскому процессу, и в системе высшего профессионального образования должна быть создана национальная система качества. Сейчас Министерство координирует работу по ее созданию.

— Каковы Ваши позиции по государственным и негосударственным вузам? Надо ли проводить «прополку», особенно среди последних?

— «Прополку» среди негосударственных вузов проводят Департамент лицензирования аккредитации и аттестации и управления, на которые возложены функции инспектирования, если это необходимо. Законом определено: образовательное учреждение создается по заявлению учредителя и отказать в его регистрации по причине нецелесообразности нельзя. В связи с этим я думаю, что негосударственные образовательные высшие учебные заведения будут создаваться и далее в определенном законом порядке, но в то же время активнее начнет работать система контроля за их деятельностью. Приближается демографический спад, и от этого никуда не деться. Число выпускников будет уменьшаться, и учитывая, что население во всех регионах предпочитает государственные вузы, то негосударственным придется искать свою нишу, повышать качество образования. Государственным вузам также необходимо формировать соответствующую стратегию, уделять большее внимание, например, непрерывному образованию взрослых.

— У нас есть еще одна проблема — это участие вузов в развитии единой информационно-образовательной среды.

— Согласна. Трудно переоценить роль вузов в создании современного информационного общества. Причем вузы являются центрами как разработки новых информационных технологий, новых знаний, так и центрами обучения и переподготовки в области информационно-коммуникационных технологий, в том числе преподавательских кадров для всех уровней образования. Задача управления в этой части — способствовать формированию информационных массивов и баз данных, позволяющих анализировать состояние системы высшего профессионального образования, ее отдельных элементов и информационных систем для подготовки управленческих решений.

— Чтобы двигаться верным курсом, очень важно изучать опыт на местах. Не зря Вы, наверное, много и регулярно ездите по командировкам.

— Я считаю, что поездки и знакомство с коллективами вузов имеют большое значение. Обычно общение с представителями вузов происходит в министерстве, но это только одна грань взаимоотношений. А когда приезжаешь в конкретный вуз, то видишь все с другой стороны. Может это носит всегда элемент некоторой парадности, но на самом деле, если заглянуть в глаза людям, то сразу видно, что это за коллектив, какой «климат» в нем сложился. У каждого вуза есть свое

материальное лицо — это его здания, кафедры и лаборатории, есть и душа, в формировании которой главную роль играют сложившиеся традиции и то, как они поддерживаются. Все это невозможно оценить, находясь в министерстве, только по сухим цифрам.

— Таким образом, Любовь Александровна, Вы и на новой должности остались верной принципу — все увидеть своими глазами. Что бы Вы пожелали всем труженикам высшей школы в связи с Новым 2004 г.?

— Желаю в новом году процветания всей высшей школе, чтобы ее развитие шло динамично, улучшалось благосостояние сотрудников, настроение студентов. Хотелось бы, чтобы студенты поняли, что с вхождением России в общеевропейское пространство их шансы на получение достойного места в жизни повышаются. У них появляется возможность большей мобильности в получении широко признанного образования. Но для того, чтобы осуществлять свои права и возможности, каждый должен и сам прилагать усилия.

Профессорско-преподавательскому составу желаю стойкости, которой он всегда отличался, верности своему делу. Когда видишь постоянно молодые лица и людей, готовых тебя слушать, то хочется совершать открытия, делать новые проекты. Студент и преподаватель должны стимулировать друг друга. В вузах надо заниматься не только наукой, но и учить других ею заниматься, передавать свои профессиональные знания.

Еще хочу пожелать руководству вузов, профессорам заботиться о молодых кадрах. Одна из основных проблем, о которой мы сегодня не говорили, — это старение профессорско-преподавательского состава и необходимость формирования кадрового потенциала в высшей школе. Без этого высшая школа просто не сможет существовать. Надо поддерживать молодых ученых, талантливых студентов, стимулировать их к тому, чтобы они оставались в высшем профессиональном образовании. Такие программы тоже существуют и действуют. И конечно, желаю всем счастья. Счастливого Нового года!

«Вузовские вести». 2004. № 1.

Е.М.БЕЛЫЙ
И.Б.РОМАНОВА

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Характерной чертой современной отечественной высшей школы является четко выраженная регионализация вузов. Региональную ориентацию высшего учебного заведения следует принимать во внимание при формировании его стратегии. Стратегия регионального вуза должна учитывать демографическую ситуацию в регионе, финансовые проблемы, особенности рынков труда и образовательных услуг, требования предприятий и организаций к региональным центрам обучения, меняющиеся приоритеты в экономическом развитии региона. В диалоге с вузом могут участвовать различные заинтересованные стороны — администрации региона и муниципальных образований, органы управления образованием, предприятия и организации всех форм собственности, ассоциации работодателей, учреждения науки, образования и культуры, различные некоммерческие организации.

Государственный университет с развитой идеологией предпринимательства может влиять на развитие региона в достаточно широких аспектах[1] Во-первых, его присутствие позволяет повысить уровень профессиональной мобильности и занятости в регионе. Во-вторых, университет способствует экономическому развитию региона путем разработок и обмена технологиями или нетехнической поддержкой (экономической, маркетинговой, правовой и пр.), участвует в создании и развитии технопарков, венчурных внедренческих фирм, обеспечивает профессиональное образование, способствует инвестициям в научно-исследовательские программы и проекты. В-третьих, вуз может оказать позитивное влияние на качество региональной среды — экологию, планирование землепользования, рынок жилья, организацию образования, здравоохранения и социальной защиты населения. И, наконец, региональный университет, обладая значительными информационными ресурсами, сооружениями для культурно-массовых и

БЕЛЫЙ Евгений Михайлович, директор Института экономики и бизнеса Ульяновского государственного университета, доктор технических наук, профессор.

РОМАНОВА Ирина Борисовна, заместитель директора Института экономики и бизнеса Ульяновского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент.

спортивных мероприятий, имеет значительное влияние на социальную и общественную среду, выступая в качестве центра культуры, спорта и социального просвещения в регионе.

Таким образом, региональный университет несет ответственность за уровень образованности населения региона, его интеллектуальный потенциал, качество жизни, создание корпоративного климата на всех уровнях региональной политики. Для реализации своей миссии университет должен сформулировать комплекс целей, определяющих стратегию его деятельности.

К основным стратегическим целям регионального университета, по нашему мнению, в настоящее время относятся обеспечение экономической безопасности вуза в рыночных условиях хозяйствования: сохранение и развитие научного потенциала, унаследованного от советской системы; трансформация содержания образования и структуры подготовки специалистов в соответствии с потребностями рынка труда; обеспечение высокого качества образования на основе реализации концепции тотального менеджмента качества; создание экономических механизмов взаимовыгодной интеграции сферы высшего профессионального образования с потенциальными потребителями научно-технических знаний и работодателями.

Глобальность и многоплановость стратегических целей обусловливают необходимость эффективной инновационной деятельности вуза в области образовательных продуктов и технологий, а также в сфере организации управления университетом. Нами предлагается ряд стратегических инноваций, позволяющих университету в рыночных условиях занять свою нишу в образовательном пространстве региона.

К новым элементам стратегии деятельности регионального университета следует отнести расширение спектра предлагаемых образовательных программ, научных и информационных услуг; развитие программ обучения, традиционно несвойственных высшей школе (общее образование, среднее профессиональное образование и др.); стремление к массовому, а не элитному образованию; создание систем непрерывного образования.

Важнейшим принципом политики регионального университета является обеспечение максимально возможного доступа потенциальных потребителей к образовательным услугам. В настоящее время на региональных рынках образовательных услуг существуют неразработанные сегменты, освоение которых позволило бы университету существенно увеличить собственные объемы продаж.

Политика приближения образовательных услуг к потребностям региона позволяет вовлечь в учебный процесс категории лиц, остро нуждающихся в них, но не имеющих возможности получить их традиционным способом в рамках сложившейся

образовательной системы. Это офицеры, увольняющиеся из Вооруженных сил и члены их семей; молодежь, проживающая в районах, удаленных от областных центров; лица, проходящие действительную военную службу; лица, специфика трудовой деятельности которых не позволяет им учиться в режиме традиционных образовательных технологий; имеющие медицинские ограничения для получения образования в стационарных условиях и др.

Политика продвижения образовательных услуг, с одной стороны, ориентирована на потребителя и обеспечивает его адаптацию к запросам рынка труда, дает каждому обучаемому возможность выбирать и реализовывать индивидуальную траекторию получения образования, а с другой — позволяет университету увеличить свою долю на региональном рынке и прибыль.

Стратегические цели региональных университетов обусловливают необходимость принципиальных изменений в системе управления. Наблюдаются процессы децентрализации управления, возникают дифференцированные структуры вуза, реализующие самостоятельные образовательные и научные проекты. Эти структуры могут функционировать внутри или параллельно с вузом. В результате вуз в большей степени чем ранее действует как холдинговая компания. Бюджетные функции могут быть децентрализованы и переданы руководителям структурных подразделений, проектов и программ, а за центральной администрацией сохраняются задачи обеспечения стратегического развития вуза, общего контроля и управления финансовыми потоками, а также разрешения конфликтов между структурными подразделениями, нахождения путей их паритетного взаимодействия и консенсуса при реализации общевузовских программ развития.

При децентрализованном управлении начинают действовать совершенно иные, по сравнению с традиционной моделью, принципы мотивации держателей частных бюджетов (руководителей структурных подразделений), менеджеров и специалистов, работающих на нижних уровнях. Децентрализация управления региональным университетом способна гарантировать рост уровня ответственности руководителей структурных подразделений вуза и возможность принятия ими оперативных решений; формирование стимулов оптимизации использования ресурсов; активизацию структурных подразделений вуза в конкурентном соперничестве на региональном рынке образовательных услуг; создание предпосылок оперативного реагирования на запросы потенциальных потребителей. Вместе с тем децентрализованное управление университетом не свободно от недостатков: центральная администрация университета менее эффективно может влиять на процессы, протека-

ющие в отдельных структурных подразделениях; снижается согласованность действий отдельных подразделений, возможно дублирование выполняемых работ и оказываемых услуг; реальными становятся конфликтные ситуации между подразделениями, в частности, при распределении ресурсов, позиционировании собственных образовательных продуктов на региональном рынке образовательных услуг, а также при формировании ценовых стратегий университета.

Однако при грамотных действиях центральной администрации университета децентрализованная система управления будет, по нашему мнению, обеспечивать, с одной стороны, возможности непрерывного адекватного реагирования на требования рынка, а с другой — являться гарантом сохранения целостности вуза и академических ценностей.

Высшее образование в России как специфическая отрасль всего народно-хозяйственного комплекса в период рыночных преобразований также подверглась существенным трансформациям. Эти преобразования не являются уникально российскими и должны рассматриваться как элемент общемировых изменений подходов к организации образования в условиях глобализации политики и экономики, информатизации общества.

Конкуренция на региональных рынках образовательных услуг и научно-технической продукции выдвигает перед университетом комплекс задач по становлению его как субъекта рыночных отношений, удовлетворению рыночного спроса. В новых условиях многие университеты смогли трансформироваться в крупные научно-образовательные, культурно-воспитательные и инновационно-производственные комплексы, существенно влияющие на процессы социально-экономического развития регионов.

В этой ситуации особенно четко видно противоречие между новой парадигмой регионального университета и сложившимися в нем управленческими технологиями. В связи с этим проблемными зонами современного вузовского управления являются неадаптированность структур управления вузом к изменившимся условиям; доминирование задач оперативного управления; ориентация на достижение целей и задач краткосрочного характера; отсутствие системы принятия управленческих решений на опережение, замедленная реакция на изменения внешней среды; нечеткость управленческих процедур; сосредоточенность на решении преимущественно внутренних задач, слабое взаимодействие с потребителями образовательных услуг по изучению их потребностей.

Таким образом, для регионального университета актуальным представляется развитие стратегического планирования,

основанного на фундаментальных идеях стратегического менеджмента, принципах системного проектирования и методах программно-целевого подхода. В современных условиях стратегическое планирование является единственным инструментом формального прогнозирования проблем и возможностей университета, а также формирования перспективной программы его деятельности. Современный университет представляет собой сложную многокомпонентную систему, отличающуюся вертикальной административной иерархией и горизонтальной интеграцией. Методология стратегического планирования процессов функционирования такой системы предполагает анализ и описание исходного состояния, системное проектирование желаемого состояния и формирование многоальтернативной системной деятельности по переводу университета из исходного состояния в желаемое.

Для решения кадровых, социально-экономических и научно-технических проблем реального и финансового секторов экономики региона необходим поиск новых технологий интеграции университетов и коммерческих структур. Этот процесс невозможен без совместного участия субъектов социального диалога — университетов, с одной стороны, и бизнеса — с другой. Современные модели социального партнерства предусматривают консолидацию интересов и ресурсов сторон по ряду направлений, а именно: формирование содержания профессионального образования; управление качеством профессионального образования; совместные образовательные и научные проекты; профессиональную адаптацию выпускников университетов; финансирование высшего образования; мониторинг потребности хозяйствующих субъектов в услугах высшего профессионального образования; создание корпоративных университетов как системы внутрифирменного обучения.

Следует отметить, что контуры предлагаемых инноваций достаточно размыты. Они не являются четко регламентированными и процедурно формализованными. Речь идет скорее о проблеме формирования некоторых общих направлений совершенствования деятельности региональных университетов в конкурентной среде.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Вузы России: взгляд со стороны (материалы Зальцбургского семинара) // Электронный журнал «Университетское управление», №3/4. УрГУ, 1999.

[2] См.: *Балобанов А.Е., Клюев А.К.* Стратегическое планирование развития университета // Электронный журнал «Университетское управление», № 2. УрГУ, 2002.

Поступила 28.03.2003.



В.А.КРЕТИНИН

СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ, АДАПТИРОВАННАЯ К ПОТРЕБНОСТЯМ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА

В период выхода из кризиса и начала экономического подъема значительных позитивных изменений невозможно добиться без активизации инвестиционной деятельности. В данном случае имеется в виду увеличение финансовых вложений в модернизацию отраслей экономики, отдельных предприятий, осуществление их широкомасштабной реконструкции и технического перевооружения, внедрение инноваций. Такое понимание вопроса правильное, но довольно узкое.

Аксиоматично звучит утверждение о том, что 80 % успеха зависит от инвестиций в человека, его образование, здоровье, улучшение жизненного уровня и качества жизни. В этом контексте особое место принадлежит проблеме подготовки высококвалифицированных кадров различных уровней. При кажущемся изобилии предложений на рынке труда руководители предприятий тем не менее испытывают серьезные трудности с подбором высококвалифицированных рабочих кадров: слесарей, фрезеровщиков, токарей, строителей. Не удовлетворяют производственных потребностей и профессиональные училища. Работодатели, хозяйственники жалуются на низкое качество подготовки специалистов, а ведь 80 % вакансий требуют именно начального профессионального образования (далее — НПО). К тому же многие юноши и девушки не проявляют особого желания всерьез осваивать нужные рабочие профессии, ищут более легкую и высокооплачиваемую работу, изначально надеются на высокие должности. В целом по уровню квалификации рабочих кадров Россия находится почти в середине стран мирового сообщества, но уже сегодня довольно сложно найти высококвалифицированных рабочих для за-

---

КРЕТИНИН Валерий Алексеевич, начальник экономического управления администрации Владимирской области, заслуженный экономист Российской Федерации, кандидат экономических наук.

водов, использующих высокие технологии, предприятий с современными производствами.

Причин сложившейся ситуации довольно много. Это, в частности, и массовый отток в период кризиса наиболее активной, квалифицированной части рабочих кадров из отраслей материального производства вследствие нищенской зарплаты, снижения мотивации труда. Негативно сказывается на квалификации и широкое распространение скрытой оплаты труда в регистрируемом секторе экономики (в среднем около 25 %). Усугубляет эти негативные процессы отсутствие четкой законодательной базы, которая бы регулировала трудовые отношения в современных условиях хозяйствования. Всерьез не занимаются этими вопросами и профсоюзы, хотя это их прямая и, казалось бы, главная задача.

Однако основной проблемой, на наш взгляд, является отсутствие эффективной организации системной подготовки молодых кадров — будущего страны. Сегодня в 4 тыс. профессиональных училищ и лицеев Российской Федерации обучаются более 1,6 млн чел. по 290 профессиям и 800 специальностям всех отраслей экономики.

Растет спрос на рабочие профессии. В среднем нетрудоустроенными по тем или иным причинам оказываются лишь 7—8 % окончивших учреждения НПО. В 2002 г. на бирже труда было зарегистрировано 50 тыс. из 780 тыс. выпускников. Правительство утвердило новый вариант Перечня профессий НПО, включивший все перспективные профессии, востребуемые на рынке труда. Таким образом, условия для подготовки квалифицированных кадров имеются. Однако по-прежнему проблема уровня подготовки не решается.

К сожалению, приходится констатировать разрушение системы базовых предприятий, которая выполняла функцию обратной связи между образовательными учреждениями и рынком труда. Новая система отношений с работодателями (современные механизмы социального партнерства) только начинает складываться. Спад в экономике привел к резкому сокращению ученических рабочих мест для прохождения производственной практики. Единственная возможность сформировать у учащихся определенные профессиональные навыки — материально-техническая база училищ — безнадежно устарела.

В СССР единственным заказчиком кадров было государство. Оно финансировало затраты, проверяло качество обучения, создавало рабочие места, но преобладала ориентация на вал. В условиях рынка важным параметром квалификации стали

профессиональная гибкость, мобильность, предполагающие наличие у работников двух или нескольких профессий или специализаций. Современная ориентация некоторых училищ на подготовку кадров только для определенной отрасли не оправдывает себя. Вместе с тем развитие многопрофильных и многоступенчатых учреждений тормозится устаревшей нормативно-правовой базой. Назрела необходимость реструктуризации учебных планов и образовательных программ.

Обостряет ситуацию и то, что в условиях передела форм собственности, частой смены руководства и менеджеров на предприятиях не ведется целенаправленная работа по обучению, переобучению и повышению квалификации персонала с учетом складывающейся конъюнктуры.

Начавшийся в первой половине 90-х гг. XX в. процесс децентрализации отечественной системы профессионального образования означал, что наряду с государством, ответственность за качественную подготовку специалистов должны взять на себя и региональные торгово-промышленные палаты, союзы работодателей, предприятия и фирмы. Только такое сотрудничество позволит, на наш взгляд, дать ответ на вопрос: какие рабочие кадры нужны экономике? Пока же работники профессионального образования определяют это «на глазок». Ощущается острая потребность в разработке доступных методик определения потребностей рынка труда в квалифицированных кадрах. Необходима также четко регламентированная система многоуровневого и многоканального финансирования, включающая в себя средства спонсоров, налоговые льготы, стимулирующие предпринимателей к участию в развитии НПО.

Безусловно, решение проблемы подготовки квалифицированных кадров тесно связано с реализацией экономических задач. Это прежде всего повышение оплаты труда, ликвидация задолженностей по зарплате и отпускам, «возвращение» занятых и скрытых заработков в легальную экономику. Такие шаги позволят выявить истинные масштабы безработицы в стране, реальные потребности в рабочей силе той или иной квалификации. Только при этих условиях «заработает» рынок труда, регулирующий в развитых странах распределение и перераспределение рабочих кадров по секторам экономики. Необходимо решать задачи профессиональной подготовки специалистов среднего и высшего звена с учетом региональных особенностей.

В настоящее время, по данным Департамента образования, во Владимирской области функционируют 52 учреждения на-

чального профессионального образования, 33 учреждения среднего специального профессионального образования, 4 государственных вуза и 7 их филиалов, 23 негосударственных высших учебных заведения. На основании полученных лицензий осуществляют профессиональную подготовку и переподготовку кадров 54 государственных образовательных учреждения и 23 предприятия области.

Вместе с тем, как отмечалось на заседании Экономического совета при губернаторе области, пока отсутствует четкая координация деятельности департамента образования, управления по труду, отраслевых подразделений администрации области. Нет достоверного прогноза потребности трудовых ресурсов по профессиям в соответствии с ситуацией на рынке труда. Процесс подготовки кадров не поставлен на должную договорную основу между предприятиями и учебными заведениями. Департамент образования администрации области в основном осуществляет контроль и методическую помощь в организации подготовки кадров начального профессионального образования, где обучается 20 тыс. учащихся, ежегодный выпуск составляет 7 тыс. чел. В результате в области сложилась неблагоприятная ситуация с подготовкой персонала для предприятий и организаций.

Существует разрыв между потребностью предприятий в кадрах рабочих профессий (например, станочников) и фактическим составом подготовленных специалистов. Допускается переизбыток в подготовке поваров, юристов, секретарей, операторов ЭВМ и других профессий сверх требований рынка. Пока отсутствует достоверный прогноз в потребности расходов на подготовку кадров. Недостаточно анализируется и обобщается с целью распространения положительный опыт работы учебных заведений по подготовке специалистов рабочих профессий. Остается сложной ситуация с финансированием учебных заведений, их материальной базой, методическим обеспечением, уровнем оплаты преподавательского персонала.

Для устранения имеющихся недостатков были поставлены задачи разработать методику формирования и обеспечить реализацию регионального заказа на целевую подготовку профессиональных кадров для отраслей экономики; обеспечить прогнозирование на среднесрочную и долгосрочную перспективу потребности в подготовке кадров по специальностям и профессиям, исходя из параметров, обусловленных Программой среднесрочного развития области и прогноза ее развития на долгосрочную перспективу; внедрить долгосрочные договор-

ные отношения учебных заведений с предприятиями; подготовить мероприятия по усилению профессиональной ориентации среди учащихся общеобразовательных школ; обобщить опыт подготовки массовых профессий в школах; совершенствовать практику подготовки рабочих кадров в производственных училищах и лицеях по договорам предприятий и их заявкам; изучить возможности финансирования подготовки кадров с участием предприятий; разработать мероприятия по развитию персонала на производстве.

Последовательно реализуя сформулированные цели, управление по труду, совместно с отраслевыми департаментами и управлениями администрации области, разработали методику отраслевого заказа по подготовке и повышению квалификации кадров для отраслей экономики области. Механизм организации и проведения этой работы регламентирован разработанным Положением об организации, размещении и финансировании отраслевого заказа по подготовке и повышению квалификации кадров для отраслей экономики Владимирской области и Положением по организации и проведению конкурсного отбора образовательных учреждений для профессионального обучения, переподготовки, повышению квалификации кадров.

Положение об организации, размещении и финансировании отраслевого заказа по подготовке и повышению квалификации кадров разработано в соответствии с Программой среднесрочного социально-экономического развития Владимирской области. Им определяется общий порядок организации, размещения и финансирования отраслевого заказа.

Целью формирования отраслевого заказа является координация действий органов государственной власти, местного самоуправления, предприятий и организаций, учебных заведений для реализации задач организации системы развития персонала, отвечающей требованиям предприятий и организаций, работающих в рыночных условиях; повышения профессионализма и компетенции персонала; создания условий по реализации мер, направленных на обеспечение конкурентоспособности работников на рынке труда, их профессионального роста и самореализации на основе повышения мотивации к труду; сохранения на предприятиях и в организациях рабочих мест и уменьшения числа безработных на рынке труда.

Под отраслевым заказом понимается размещение заказа на профессиональное обучение, переобучение и повышение квалификации кадров по заявкам предприятий и организаций в образовательных заведениях области независимо от отрасле-

вой принадлежности, форм собственности, имеющих соответствующие лицензии, выданные в установленном законодательством Российской Федерации порядке. Возможно размещение заказа на конкурсной основе, необходимость которого определяет межведомственная комиссия.

Отраслевой заказ формируется на основе заявок предприятий и организаций области по профессиям и специальностям; уровням квалификации (1—6 разряды, категории); территориям; профобразованию, профподготовке, переподготовке и повышению квалификации.

В начале каждого года управление по труду совместно с отраслевыми департаментами и управлениями, органами местного самоуправления Владимирской области разрабатывает среднесрочный прогноз потребности предприятий в обучении, переобучении, повышении квалификации персонала и формирует заказ на профессиональную подготовку кадров. Для организации работы по размещению отраслевого заказа при департаменте образования создается межведомственная комиссия из представителей органов государственной власти, учебных заведений, руководителей предприятий и организаций области. Отраслевой заказ, размещаемый на конкурсной основе, производится в соответствии с Положением по организации и проведению конкурсного отбора образовательных учреждений для профессионального обучения, переподготовки, повышения квалификации кадров.

В одном и том же учебном заведении по утвержденному перечню профессий могут готовиться кадры для разных предприятий и даже разных отраслей, за счет чего обеспечивается оптимальная наполняемость групп и рационализация средств на обучение.

После размещения отраслевого заказа заключаются договоры на профессиональное обучение кадров между учебными заведениями и предприятиями, в которых определяются организационные, правовые и финансовые взаимоотношения между заказчиками и исполнителями. Контроль за реализацией отраслевого заказа осуществляют департамент образования и управление по труду администрации области. Финансирование отраслевого заказа осуществляется за счет средств бюджетов, а также предприятий и организаций.

Положение по организации и проведению конкурсного отбора образовательных учреждений для профессионального обучения, переподготовки, повышения квалификации кадров определяет цель, процедуру и критерии отбора.

Целью конкурсного отбора является определение организаций, образовательных учреждений, которые при наличии соответствующей образовательной базы, педагогических кадров, программного и учебно-методического обеспечения образовательного процесса и других условий, могут обеспечить при оптимальных затратах и сроках высокое качество и эффективность профессионального обучения, повышения квалификации и переподготовки рабочих кадров и специалистов. Организация конкурсного отбора образовательных учреждений возлагается на департамент образования. В конкурсном отборе имеют право принять участие все образовательные учреждения, независимо от их отраслевой принадлежности, форм собственности, имеющие соответствующие лицензии, выданные в установленном законодательством Российской Федерации порядке. В конкурсном отборе имеют право также участвовать на общих условиях организации, в функции которых входит профессиональная подготовка, повышение квалификации и переподготовка кадров.

Для проведения конкурсного отбора Департамент образования формирует постоянный состав конкурсной комиссии из числа работников управлений и департаментов администрации области, Департамента федеральной государственной службы занятости населения (по согласованию), работодателей (по согласованию), других заинтересованных организаций. Состав конкурсной комиссии утверждается постановлением губернатора области.

Сроки проведения конкурсного отбора определяются членами конкурсной комиссии, которые через средства массовой информации или иным путем извещают о проведении конкурса и его условиях, предлагают организациям и образовательным учреждениям области участвовать в конкурсном отборе. В извещении указывается в обязательном порядке наименование органа, проводящего конкурсный отбор, его местонахождение и адрес; цель проведения конкурсного отбора; перечень профессий и специальностей, по которым будет осуществляться обучение рабочих и специалистов; условия, порядок проведения и подведение итогов конкурсного отбора; перечень материалов и сведений, представляемых организациями и образовательными учреждениями в конкурсную комиссию; информацию о последующем сотрудничестве с организациями и образовательными учреждениями, прошедшими конкурсный отбор.

Организации и образовательные учреждения, принявшие решение об участии в конкурсном отборе, направляют в адрес

конкурсной комиссии в установленные ею сроки соответствующие заявки по форме, рекомендуемой конкурсной комиссией, а также необходимые сведения и материалы, в частности: условия для производственного обучения по указанным профессиям и специальностям, наличие мастерских, полигонов, лабораторий; возможности и условия производственной практики, стажировки по указанным профессиям и специальностям в организациях, соответствующие уровню квалификационных требований, предусмотренных программами обучения; наличие в образовательном учреждении учебной, справочной литературы и пособий по указанным профессиям и специальностям; профессионально-квалификационный состав преподавателей, мастеров (инструкторов) производственного обучения, осуществляющих обучение по указанным профессиям и специальностям, наличие у них опыта работы по обучаемым профессиям; предлагаемые оптимальные сроки обучения, обеспечивающие необходимый уровень квалификации обучаемых в соответствии с требованиями работодателей.

Конкурсная комиссия путем оценочного сравнения сведений и материалов осуществляет отбор организаций и образовательных учреждений для профессионального обучения рабочих кадров и специалистов по отдельным профессиям и специальностям. Прошедшими конкурсный отбор могут быть несколько организаций и образовательных учреждений, осуществляющих профессиональное обучение по одноименным профессиям и специальностям.

Решения о результатах конкурсного отбора по каждой организации и образовательному учреждению принимаются большинством членов конкурсной комиссии, присутствующих на заседании, и заносятся в протокол. Итоги конкурсного отбора доводятся до организаций и образовательных учреждений средствами массовой информации или иным путем. Конкурсная комиссия обязана ответить на запрос организаций и образовательных учреждений, не прошедших конкурсный отбор, с обоснованием причин своего решения.

Сформированный по итогам конкурсного отбора реестр (банк) организаций и образовательных учреждений для профессионального обучения с обоснованием решения прилагается к протоколу конкурсной комиссии и является основанием для заключения с ними соответствующих договоров на профессиональное обучение.

На основании отработанной методики расширяется практика договорных отношений учебных заведений с предприятиями

и отдельными гражданами. Увеличился перечень профессий, по которым ведется обучение по хоздоговорам.

В соответствии с решением заседания Совета директоров учреждений начального профессионального образования восстанавливается система заключения договоров с предприятиями и учреждениями по подготовке рабочих кадров отдельных профессий. Примером такого содружества может служить договор между ОАО ВЗПО «Техника» и ПУ № 33 г. Владимира, по которому завод передал училищу оборудования и запасных частей на сумму 112 тыс. руб. Кроме того, сделан ремонт оборудования и ежемесячно выделяется 15 тыс. руб. на доплаты учащимся, мастерам производственного обучения и преподавателям. По договору между училищем № 33 и ОАО «Владимирский тракторный завод» для прохождения производственной практики учащимися по профессиям фрезеровщик, токарь, слесарь по ремонту оборудования завод предоставляет оборудование, инструменты, материалы.

В области определены 18 базовых учебных заведений по подготовке, переподготовке высококвалифицированных рабочих и специалистов для предприятий и организаций в г. Владимире, Муроме, Коврове, Вязниках, Александрове, Кольчугине и Юрьев-Польском.

Проводится работа по повышению качества подготовки кадров среднего управленческого звена для профильных предприятий с применением в общеобразовательных школах обучения по интегрированным учебным планам со средними профессиональными учебными заведениями. Так, техникум экономики и права Владимирской потребкооперации осуществляет на основе договора с ПУ № 34 (г. Меленки), ПУ № 31 (г. Петушки), ПУ № 47 (г. Гусь-Хрустальный) подготовку граждан по специальностям: экономика, бухгалтерский учет и контроль, технология продуктов общественного питания, товароведение. Департаментом образования сделана попытка базовой подготовки высококвалифицированных рабочих для металлообрабатывающего производства. Так, лицей № 7 г. Владимира взаимодействует с Учебно-производственным комплексом № 1 по подготовке токарей. Однако этот эксперимент осуществляется с большими проблемами.

По сравнению с 2000 г. несколько улучшилось финансирование учебных заведений начального профессионального образования (с 28—30 % до 60 % от потребности), что позволило полностью погасить задолженность по стипендиям, выплатить компенсацию за методическую литературу, питание учащихся и др.

В целях модернизации системы профессионального образования области в соответствии с требованиями основных отраслей промышленности, культуры, сферы услуг и отработки различных механизмов интеграции начального и среднего, среднего и высшего профессионального образования, обеспечения его многоуровневости Законом Владимирской области «О целевой программе „Развитие профессионального образования Владимирской области на 2003—2007 гг.“» от 2 сентября 2002 г. № 91-ОЗ утверждена целевая программа «Развитие профессионального образования Владимирской области на 2003—2007 годы». Ее реализация в полном объеме будет способствовать построению единой непрерывной системы подготовки специалистов университетского типа, охватывающей все уровни обучения: школы, гимназии, колледжи, лицеи, академии, институты и университеты области, включая подготовку кадров высшей квалификации — кандидатов и докторов наук.

Поступила 22.09.2003.



Н.Б.ПУГАЧЕВА

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ШКОЛЫ И ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ РЕГИОНА

В Законе Российской Федерации «Об образовании» есть статьи, регулирующие нормы отношений общеобразовательных учреждений с органами управления образованием. Согласно этому закону, к компетенции органов управления образованием в обязательном порядке относятся разработка и реализация целевых федеральных и международных программ в области образования; разработка государственных образовательных стандартов и установление эквивалентности (нострификации) документов об образовании; государственная аккредитация образовательных учреждений, содействие их общественной аккредитации; установление порядка аттестации педагогических работников образовательных учреждений различных типов, видов и требований к образовательным цензам педагогических работников; формирование структуры системы образования; разработка перечней профессий и специальностей, по которым ведутся профессиональная подготовка и профессиональное образование; прямое финансирование деятельности учрежденных ими образовательных учреждений; создание государственных фондов стабилизации и развития системы образования; разработка государственных нормативов финансирования образовательных учреждений, а также материально-технической обеспеченности и оснащенности образовательного процесса; прогнозирование развития сети образовательных учреждений, подготовка предложений по выделению из федерального бюджета целевых субвенций на нужды развития образования в регионах; контроль исполнения законодательства Российской Федерации в области образования, государственных образовательных стандартов, бюджетной и финансовой дисциплины в системе образования.

ПУГАЧЕВА Наталья Борисовна, доцент кафедры истории и политологии Удмуртского государственного университета, кандидат педагогических наук.

Органам управления образованием подконтрольны подведомственные им образовательные учреждения. В случае нарушения образовательным учреждением законодательства Российской Федерации в области образования и (или) своего устава государственные органы управления образованием вправе своим предписанием приостановить в этой части деятельность образовательного учреждения до решения суда.

Из вышеизложенного видно, что положения закона допускают разное толкование. По этой причине во взаимоотношениях образовательных учреждений с органами управления образованием имеются позитивная и негативная тенденции. Негативная заключается, во-первых, в жестком диктате со стороны органов управления образованием, при котором руководителям образовательных учреждений остается только ждать вышестоящих указаний, распределения денег и т.п. Во-вторых, органы управления образованием отстранились от влияния на жизнедеятельность общеобразовательных учреждений и ограничили свои функции распределением средств, ссылаясь при этом на действующий закон об образовании, в котором образовательным учреждениям предоставлена полная самостоятельность. Руководители образовательных учреждений не могут в полном объеме заниматься инновационной деятельностью, так как для решения возникающих проблем необходимо активное участие органов управления образованием. В-третьих, руководители общеобразовательных учреждений по разным причинам сами не стремятся к сотрудничеству с органами управления образованием. В любом случае это, на наш взгляд, отрицательно сказывается на развитии образовательных учреждений. Четвертый аспект негативной тенденции заключается в том, что часть руководителей образовательных учреждений строит свои отношения с органами управления по принципу «чего изволите?» и бездумно берется за освоение любых предложенных новшеств.

Таким образом, во взаимоотношениях общеобразовательных учреждений с органами управления образованием много проблем. В связи с этим в настоящее время идет поиск места и роли органов образования в развитии школ. В ходе опроса 93 руководителя образовательных школ г. Ижевска мы выяснили, что во взаимодействии с органами управления образованием прежде всего их не удовлетворяет профессиональное общение со специалистами органов управления; отсутствие системы повышения квалификации; недостаток информации об инновационных процессах в образовании; отсутствие возможно-

сти улучшить бытовые условия с помощью ресурсов, имеющихся у органов управления. Все это, по их мнению, обусловлено недостатками самого процесса взаимодействия общеобразовательных учреждений с органами управления образованием.

Система общеобразовательных учреждений, совместно с органами управления, находится в определенной самоизоляции. Из-за этого руководители общеобразовательных учреждений, как и специалисты органов управления, не владеют знаниями по инновационному менеджменту, пиар-технологиям, фандрейзингу и другим социально-экономическим новшествам. В свою очередь, недостатки процесса взаимодействия с органами управления образованием, по мнению большинства руководителей общеобразовательных учреждений, являются следствием того, что существующая система образования не адекватна требованиям общества. Образование не рассматривается как самоценность.

Позитивная тенденция, сложившаяся во взаимоотношениях общеобразовательных учреждений с органами управления образованием, заключается в эффективном сотрудничестве по созданию региональной образовательной системы. Территориальная образовательная система представляет собой совокупность связанных между собой образовательных и инновационных процессов (происходящих как в общеобразовательных учреждениях, так и вне их) и деятельности по управлению этими процессами, осуществляемой общеобразовательными учреждениями, органами образования и другими институтами на той или иной территории[1]. Таким образом, ядром территориальной образовательной системы является специально организованная, целостная система общеобразовательных учреждений, классов и групп разных направлений, профилей, специализаций, обеспечивающая образовательные потребности и учитывающая возможности всех детей, проживающих на данной территории. Сеть, созданная совместными усилиями органов управления образованием и общеобразовательных учреждений на основе требований социального заказа и всесторонней диагностики здоровья, способностей и возможностей, потребностей детей.

Способы создания территориальной системы образования могут быть различными. Во-первых, медико-психолого-педагогическая диагностика каждого ребенка, в которой участвуют педагоги, психологи, нейрофизиологи, медики разных специальностей, социальные работники, специалисты по диагностике одаренности и др. На основании полученных результатов

определяется структура территориальной системы образования. Во-вторых, социально-психологические исследования культурно-образовательных потребностей этнических групп; выявление социально-профессиональной ориентации и предпочтений старшеклассников; изменения состояния здоровья и психологического самочувствия учащихся в процессе обучения; изучение инноваций в системе образования и выявление отношения к ним педагогов, учащихся, их родителей.

Каждая территориальная образовательная система характеризуется рядом параметров: составом образовательных услуг (она должна обеспечивать их необходимое развитие); качеством реализации этих услуг (они должны соответствовать высокому уровню современных образовательных технологий, что обеспечивается системой аттестации образовательных учреждений и лицензирования); доступностью образовательных услуг (имеется в виду не только объем платы за некоторые из них, но и расстояние до учреждения, подвоз детей, удобное время, учитывая сменность занятий в школе и другое).

Эффективное развитие региональной образовательной системы предполагает наличие в органах управления образованием специалиста, в компетенцию которого входило бы создание диагностической службы, координационная работа с директорами образовательных учреждений по развитию инновационной деятельности. Необходимо создание совета руководителей общеобразовательных учреждений, который помогал бы разрешать спорные вопросы, распределять материально-финансовые ресурсы, экспертного совета для рецензирования инновационных проектов, экспертизы документов, предназначенных для лицензирования, аттестации, аккредитации школы. В состав совета могут входить ученые; опытные, творчески работающие руководители общеобразовательных учреждений, учителя; представители органов местного самоуправления. Более эффективному взаимодействию школы с органами управления образованием будет способствовать создание информационной системы по подготовке и изданию информационно-аналитических справочников, проспектов, буклетов; осуществлению взаимосвязи со средствами массовой коммуникации. Большое значение имеет формирование инфраструктуры по поддержке инновационных процессов: маркетинг образовательных услуг; маневр финансовых средств; договора с поставщиками оборудования, продуктов питания, печатной продукции; типографские работы; пиар-технологии; комплексное обеспечение инновационной деятельности; создание системы

внебюджетных фондов по поддержке различных аспектов инновационной деятельности и прочее. Необходимо на регулярной основе проводить научно-методические мероприятия: конференции, организационно-деятельностные игры, социально-психологические тренинги и пр.

Таким образом, эффективное сотрудничество общеобразовательных учреждений и органов управления образованием составляет неотъемлемую часть комплексного обеспечения инновационных процессов в системе образования.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] См.: Управление развитием школы / Под ред. М.М.Поташина. М., 1992. С. 390.

Поступила 06.03.2003.



В.Р.СТЕПАНОВ

ФОРМЫ ИНТЕГРАЦИИ НАУЧНОГО И ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ НТР

Развитие научно-технического прогресса и его переход во второй половине XX в. в стадию научно-технической революции (далее — НТР) активизировали мобилизацию интеллектуального потенциала во всех отраслях и уровнях мировой и отечественной экономики. В центре и на местах, в промежуточных звеньях управления шел интенсивный поиск ресурсов усиления творческих возможностей производительных сил, форм их выявления и использования в повышении эффективности производства. Эти процессы носили глобальный характер и в различных разновидностях проявились как в странах с плановой, так и с рыночной экономикой.

Первые формы концентрации усилий ученых, инженеров и высококвалифицированных рабочих, получившие название «фабрики мысли», начали создаваться в США для решения конкретных производительных задач, от выполнения которых зависели сроки и качество изготовления наукоемкой продукции. Первый центр «Рэнд корпорейшн» был создан в 1946 г. для научного консультирования и преодоления технологических проблем в аэрокосмической отрасли[1] В дальнейшем с учетом того, что в условиях НТР, в отличие от предыдущих революций в науке и технике, на первый план выдвигается наука. В развитых странах, прежде всего, в США получили распространение новые формы кооперации научного труда: инновационные центры, научные и исследовательские парки, исследовательские инкубаторы. Главная функция этих структур заключалась в передаче наукоемких технологий из академических учреждений в промышленность. В 50-х гг. XX в. в США насчитывалось около 150 формирований, и у крупных корпораций вырос интерес к их научному потенциалу, так как затраты на деятельность одного ученого в их структуре были в 2 раза меньше, а новшеств на одного занятого приходилось в

СТЕПАНОВ Владимир Ростиславович, докторант кафедры отечественной истории XX в. Чувашского государственного университета.

4 раза больше, чем в крупных фирмах. В 60-80-е гг. XX в. эта тенденция сохранилась, и почти половина основных промышленных нововведений в США была осуществлена небольшими внедренческими фирмами[2].

В СССР научно-техническое развитие находилось под определяющим воздействием административных органов. Прежде всего следует отметить как положительное качество плановый характер концентрации усилий научных работников, материальных и кадровых ресурсов, директивно устанавливавших сроки выполнения тех или иных этапов в осуществлении сложных технических и технологических задач. С другой стороны, жесткая заданность препятствовала развитию параллельных исследований и разработок, возникавших в ходе осуществления магистральной научной задачи. В результате отечественные «фабрики мысли» развивались по пути формирования наукоградов: НИИ и КБ создавали свои научно-производственные базы на периферии, рядом с лабораторными корпусами строились экспериментальные, производственные и жилые кварталы. Под термином «наукограды» понимаются моноориентированные городские поселения профессионалов высшей квалификации, создаваемые при крупных научно-исследовательско-производственных комплексах для решения важнейших задач науки и техники (прежде всего в оборонной промышленности)[3]. В 1946 г. был построен подмосковный Обнинск, ставший центром ядерной проблематики, в 1947 г. началась биография подмосковной Дубны[4], в 1950 г. — Железногорска (Красноярск — 26)[5]. Многие из более чем 70 советских наукоградов появились гораздо раньше, чем знаменитая и разрекламированная Силиконовая долина (США) или Японский техноцентр Цукуба[6].

Формы концентрации усилий ученых, инженеров и производственников были нацелены на решение задач военно-промышленного комплекса (далее — ВПК). Вторая половина XX в. характеризовалась двумя взаимосвязанными глобальными процессами — развертыванием НТР и постоянно углублявшейся в условиях «холодной войны» гонки вооружений. При этом ВПК выступил в качестве «локомотива» научно-технического прогресса, так как военно-техническая составляющая была приоритетной сферой для государств и ученых, корпораций и научных школ. Отечественные наукограды, НИИ и КБ, финансируемые государством и американские «фабрики мысли», формально имевшие статус свободных фирм, но существовавшие за счет бюджетных, исключительно военных заказов, находились практически в одинаковых условиях. Этим определялось

финансирование и выделение ресурсов. Таким образом ВПК обусловил в НТР динамику, которая позволила в кратчайшие сроки добиться впечатляющих результатов.

НТР формирует мотивы к повышению эффективности производства на всех уровнях, вплоть до рабочего места. Формы осуществления целевой установки в условиях плановой и рыночной экономик имеют более существенные отличия. Так, в США и других развитых странах практиковалось открытие фондов, чаще всего венчурных (рисковых), и выделение из их активов грантов на поддержку прикладных исследований в университетах и корпорациях. Фонд создавался, как правило, с преимущественным финансированием из бюджета штата при участии частных инвесторов и фирм. Субсидии первого типа (до 50 тыс. дол.) выдавались сроком на один год. В случае перспективности полученных результатов выделялась субсидия второго типа в объеме 250 тыс. дол. на продолжение исследований в течение двух лет[7].

Использовались и иные варианты концентрации интеллектуального потенциала на интересных для инвесторов направлениях, если у предприятия, подотрасли или отрасли появлялась какая-либо техническая проблема. Объявлялся конкурс, и различными внедренческими фирмами, агентствами, творческими группами, объединившимися для осуществления задачи, предлагались варианты технического решения, из которых заказчик выбирал оптимальный. При этом и другие технологические предложения не оставались без применения. Реализовались и иные варианты: творческая группа, получив более выгодное предложение не от фирмы-заказчика, а от другой, продавала ей изобретение, поскольку собственником идеи являлся изобретатель, запатентовавший свою инновацию, а не фирма, ее заказавшая[8]. В случаях, если заказчик частично оплатил предварительные изыскания, возникала иная форма ответственности между ним и исполнителем. Однако это уже область права — действенного регулятора инновационного процесса в условиях рыночной экономики.

Для плановой экономики данные формы интеграции творческого потенциала были невозможны изначально. Из традиционных видов организации науки как сферы деятельности — академической, отраслевой, вузовской — две первые, будучи планово-финансируемыми, регулируемыми и контролируемыми, не могли стать сферой свободных, неформально возникающих объединений. Учреждения этих отраслей науки регулярно отчитывались об объемах и характере выполненных работ,

полученных результатах перед вышестоящими финансирующими ведомствами, а не перед рынком. Другое дело — вузовская наука, которая развивалась вне планов и программ, как результат индивидуальной поисково-исследовательской деятельности преподавателей-ученых, лабораторий, кафедр. В вузовской науке могли складываться формально не зарегистрированные научные школы и направления, нередко приносившие более ощутимый экономический эффект, нежели многочисленные, но малоэффективные отраслевые НИИ. Оптимальным вариантом организации научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок в условиях плановой экономики стал симбиоз вузовской и отраслевой науки, когда имелись для этого возможности в результате целенаправленной деятельности руководителей. Например, деятельность ведущих вузов автономных республик Волго-Вятского экономического района по организации прикладной науки. Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева был создан в 1957 г., а в 1958 г. начал действовать Государственный научно-исследовательский институт источников света, преобразованный впоследствии в отраслевой Всесоюзный научно-исследовательский, проектно-конструкторский и технологический институт источников света им. А.Н.Лодыгина, ставший центром электроламповой промышленности страны. В первой половине 90-х гг. XX в. на базе университета было открыто 5 НИИ, 3 из них — Постановлением Госкомитета РСФСР по делам науки и высшей школы, 1 — решением ученого совета университета по предложению Российской академии архитектуры и строительных наук и Министерства архитектуры, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Мордовии, 1 — Постановлением Совета Министров — Правительства МССР и решением университета[9]. Целенаправленная работа по организационному обеспечению развития научных учреждений и укреплению их связи с производством приносила ощутимые результаты. Объем НИР, выполняемых учеными университета и НИИ по договорам с предприятиями, ежегодно увеличивался и по итогам 1969 г. превысил 3 млн руб.

Сотрудники электротехнического факультета университета совместно с учеными ВНИИИС им. А.Н.Лодыгина усовершенствовали молинесцентные лампы, что увеличило срок их службы с 7,1 до 10 тыс. ч[10] В республике возникли научные объединения и школы, проводившие исследования по различным областям знания. Так, только за 1976—1979 гг. было выполнено свыше 800—900 НИОКР[11]

Ряд сотрудников научных учреждений по совместительству преподавали в университете и внесли значительный вклад в развитие НИОКР в республике не только как ученые отраслевого НИИ, но и как преподаватели вуза. Проводя занятия со студентами, общаясь с коллегами-преподавателями технических факультетов на семинарах, конференциях, выставках, сотрудники НИИ привносили в научную жизнь вуза атмосферу «большой» науки, что сказывалось на характере организации НИР в Мордовском госуниверситете, преподаватели которого активно сотрудничали с предприятиями республики и других регионов, искали заказчиков на свои технические идеи и готовые разработки.

Несколько иная ситуация возникла в республике Марий Эл, где в силу объективных причин не было отраслевых НИИ, кроме филиала Всесоюзного НИИ бумаги. Тем не менее, развитие прикладной вузовской науки осуществлялось в тесной связи с производством, а упомянутый филиал Всесоюзного НИИ в сотрудничестве с коллективом Марбумкомбината впервые в стране доказал возможность использования до 25 % лиственных пород древесины вместо хвойной при производстве электроизоляционных кабельных бумаг, что дало значительный экономический эффект[12] В 90-е гг. научные исследования учеными Марийского государственного университета велись по 4 программам Министерства образования РФ, 2 целевым федеральным и 1 государственной программе, а также по 2 программам Миннауки России. Причем объем финансирования НИР за счет хоздоговоров в 1,5 раза превышал аналогичный показатель из средств Минобразования России. Показателен пример кафедры органической и биологической химии Марийского университета. В Йошкар-Оле, где не было подразделений АН СССР (РАН), отраслевых химических институтов кафедра начала искать собственную практику организации исследований, которые проводились в тесном контакте с лабораториями Института органической химии им Н.Д.Зелинского АН СССР (сегодня ИОХ РАН) и во взаимодействии с другими научными коллективами, работающими по этой тематике. Нашла партнеров в лице производственников и кафедра общей химии, теперь по договору сотрудничающая с Московским экспериментальным заводом качественных сплавов. Заказы на научные разработки таких промышленных предприятий Республики Марий Эл, как НПО «Кермет», «Метма», заводов ММЗ, ЗПП выполняла кафедра общей физики[13].

По сходной модели складывались взаимоотношения организованного в 1961 г. Чебоксарского электротехнического научно-исследовательского института (впоследствии Всесоюзной научно-исследовательский институт релестроения) и открытого в том же году Волжского филиала Московского энергетического института (с 1967 г. — Чувашский государственный университет им. И.Н.Ульянова). За 1961—1980 гг. сотрудниками ВНИИР было сделано 542 изобретения, защищены 1 докторская и 25 кандидатских диссертаций[14].

Приведенные формы сотрудничества вузовской науки и производства отчасти напоминают западный вариант инновационного взаимодействия, но на иной правовой и финансовой основе: все расчеты с заказчиками как по финансированию, так и по подведению итогов, осуществлялись университетским Научно-исследовательским сектором (НИС), который перераспределял полученные средства, выделяя часть из них на развитие научно-учебной базы. Подобное зависимое положение затрудняло инициативу ученых-преподавателей, особенно в создании творческих объединений, так как все коллективные формы, НИСовские бригады создавались под конкретный заказ и свободные перемещения исследователей между творческими группами были невозможны, как и создание новых групп без открытия новых заказов.

С целью приближения передовых научных знаний к производству, а также выявления нужд и технических проблем промышленных предприятий с начала 80-х гг. XX в. Чувашский государственный университет начал открывать в научно-исследовательских учреждениях и предприятиях филиалы кафедр. Первый филиал в Чебоксарах был открыт в 1981 г. кафедрой электроизоляционной и кабельной техники на заводе «Чувашкабель», наладившей с предприятием, а также производственным объединением «Промприбор» и приборостроительным заводом прямые связи по подготовке специалистов на договорной основе. В 1983 г. был открыт филиал кафедры электротермии на Чебоксарском тракторном заводе. Всего к январю 1987 г. в университете действовало 11 производственных филиалов кафедр (7 — на заводе промтракторов, 1 — заводе «Чувашкабель», 2 — на приборостроительном заводе, 1 — во ВНИИР)[15].

Эффективной формой концентрации интеллектуального потенциала на отдельных участках промышленного производства стало целевое сотрудничество ученых-преподавателей вузов с предприятиями по реализации конкретных научных программ. Так, 16 крупных заводов и фабрик Татарской АССР в первой

половине 70-х гг. имели хозяйственные договоры с Казанским авиационным институтом, где разрабатывались самые современные технологии. В то же время Казанский завод оргсинтеза сотрудничал с НИИ Казани, Москвы, Ленинграда и других городов. Прочные научные связи сложились у Чувашского госуниверситета более чем с 20 предприятиями Чебоксар, Москвы, Казани, Одессы, и в 1967—1975 гг. по их заказам было выполнено НИР на сумму около 10 млн руб.[16] В 1981 г. на химическом факультете была открыта научно-исследовательская лаборатория, которая по предложению Министерства химической промышленности СССР приняла участие во внедрении на предприятиях Чувашии новой технологии[17] В целях более эффективного продвижения новых технологических идей и готовых разработок на промышленные предприятия в техническом институте Чувашского государственного университета были созданы малые научно-производственные подразделения (НПП) при кафедрах. Этот процесс начался в 70-е гг. XX в., когда были заложены материальные основы и сформировался кадровый состав более поздних НПП «Модус», ОНИЛОК, «Диском», «Техносфера» и др.[18]

Участие вузов в техническом совершенствовании производственной базы предприятий благотворно сказывалось на качестве подготовки студентов, многие из которых были вовлечены в эти процессы. Так, в 1979 г. 936 студентов Чувашского государственного университета участвовали в разработке хоздоговорных тем по предложениям заводов, научно-исследовательских и проектных организаций, 34 темы были внедрены в производство с эффектом почти 1,5 млн руб. Студенты стали соавторами 50 работ, 5 авторских свидетельств, 12 заявок на изобретения, 4 рацпредложений. В 1980—1981 гг. все студенты старших курсов технических факультетов были вовлечены в выполнение госбюджетных и договорных тем, причем 20 % фонда зарплаты по хоздоговорным НИР расходовалось на оплату труда студентов. На факультете электрификации и автоматизации промышленности в 1979—1981 гг. более 75 % дипломных работ были выполнены по заказам предприятий. Всего за 1981—1983 гг. студенческое конструкторское бюро выполнило работ на 263 тыс. руб., студентами было опубликовано 16 статей и сделано 12 докладов на научных конференциях разного уровня. В 1987 г. было создано 8 студенческих научно-производственных отрядов на факультетах электрификации и автоматизации промышленности, машиностроительном и экономическом. В состав каждого из них входило от 5 до 15 студентов[19]

Плановая экономика предоставляет качественно иные, чем рыночная, системы стимулов, мотиваций и возможностей участия в интенсификации НТП. Выше были рассмотрены формы участия в этом процессе вузовской и отраслевой науки, причем в большей степени — первой, как более гибкой и в меньшей степени связанной регламентацией деятельности. Следует отметить, что резервы эффективности НТП заключались и в самой производственной сфере, в первую очередь — трудовых коллективах, в которых с 60-х гг. XX в. широкое развитие получили групповые формы научно-технического творчества. Так, на йошкар-олинском заводе электроприборов неформально возникшая группа инженеров-конструкторов и рабочих-рационализаторов под руководством Ю.Бабикова решила сложнейшую техническую проблему — автоматизацию производства выпрямителей. Созданный группой автомат был рекомендован к массовому внедрению Государственным комитетом по делам изобретений и открытий при Совмине СССР. Аналогичный случай произошел в Козьмодемьянской сплавной конторе, где творческая группа инженеров создала универсальный навесной сплотный агрегат, заменивший рабочих с баграми. Это были прообразы ставших впоследствии массовыми общественных конструкторских бюро (ОКБ). Так, по Марийской АССР уже к середине 1962 г. действовало 63 таких объединения[20]

Как свидетельство объединения творческих сил и мобилизации интеллектуального потенциала возникли общественные патентные бюро (ОПБ) и советы новаторов предприятий. Одно из первых ОКБ появилось в Татарии в 1959 г. на моторостроительном заводе. Руководство предприятия, видя реальную отдачу от объединения творческих сил, приняло решение о создании 9 ОКБ в цехах с охватом 190 чел. Вскоре появились ОКБ на заводе «Теплоконтроль», компрессорном, ЭВМ и других машиностроительных предприятиях. К концу 1960 г. в промышленности Татарии действовало более 300 ОКБ, объединяющих 2,5 тыс. чел., а на 1 января 1966 г. их стало около 600 с участием 8 576 производственников. В Удмуртии ОКБ впервые было создано в 1960 г. на Ижевском машиностроительном заводе, а к концу года действовало 20 аналогичных объединений. В Башкирии инициатива создания ОКБ принадлежала предприятиям нефтеперерабатывающей промышленности. Спустя 2 года после появления первого бюро в отрасли республики работало свыше 100 таких общественных КБ, всего к концу 10-й пятилетки в 6 автономных республиках Волго-Уралья их насчитывалось 1 129[21]

Действенной формой консолидированных усилий изобретателей и рационализаторов стали советы новаторов. Возникнув

в начале 60-х гг. XX в. в Ленинграде[22], этот позитивный опыт быстро распространился по стране и к началу девятой пятилетки их насчитывалось более 9 тыс. с числом участников более 102,5 тыс. чел. В автономных республиках Волго-Уралья первый совет новаторов возник на литейном участке Саранского экскаваторного завода. Эффективно работал совет новаторов на Марийском заводе торгового машиностроения. В 1980 г. их было 307, а в 1985 г. — 315[23]

К числу наиболее эффективных форм объединения усилий ученых, инженеров и рабочих следует отнести творческие бригады (ТКБ) и сквозные творческие объединения, которые применяются в тех подразделениях, где сконцентрирована основная производственная деятельность, наиболее совершенное высокопроизводительное оборудование, или в подразделениях, сосредоточивших основной интеллектуальный потенциал предприятия.

Разновидностью ТКБ стали комплексные творческие молодежные коллективы (КТМК), действовавшие в рамках массового движения научно-технического творчества молодежи (НТТМ). Так, в 1985 г. на Чебоксарском заводе промтракторов насчитывалось 32 КТМК, объединивших 169 молодых производственников. Их деятельность основывалась на творческом содружестве молодых специалистов-инженеров и рабочих и была направлена на внедрение прогрессивной технологии и инструментов, экономию сырья и топливно-энергетических ресурсов. Причем, если эффективность предложений молодых рационализаторов в целом по заводу была невысока, то члены КТМК выгодно отличались в этом плане: эффект от их внедренных предложений был значительно выше, чем в целом по заводу[24].

Сравнивая формы мобилизации интеллектуального потенциала при плановой и рыночной экономике, необходимо подчеркнуть, что они имеют разную природу. Если в условиях рыночной экономики ведущим критерием эффективности является соответствие спроса и предложения, целесообразность, окупаемость, а в конечном счете — экономический интерес заказчика и исполнителя, то все вышеприведенные формы интеграции науки и производства в условиях плановой экономики изначально имели характер добровольной инициативы, причем инициативы снизу, чаще всего — от станка, кульмана, вузовской аудитории. Участники рассмотренных форм проявления творческой активности не имели экономических интересов в классическом понимании этого термина. Их мотивы складывались в совершенно иной плоскости. Тем не менее, результаты интеграции интеллектуального потенциала науки с возможностями современного производства были настолько высоки, что не уступали достижениям научно-технического

комплекса развитых стран, а по многим направлениям прогресса превосходили их.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Иванова З.П.* Научно-техническая революция в США. М., 1971. С. 45.
[2] См.: *Семенова Н.Н.* Наука в системе общественного производства. Новосибирск, 1989. С. 103.
[3] См.: *Павлов А.П., Варганов А.В.* Инновационная модель развития наукоградов России // Регионология. 2003, № 1/2. С. 201.
[4] См.: *Лельчук В.С.* Научно-техническая революция и промышленное развитие СССР. М., 1987. С. 85.
[5] См.: *Птичкин С.* Спецгород без колючей проволоки // Рос. газ. 1997. 28 марта.
[6] См.: *Лаверов Н.* Наукограды вытянут Россию из кризиса // Комсомольская правда. 2000. 30 сент.
[7] См.: Политика местной администрации США в области науки: Научно-политический обзор. М., 1989. С. 37.
[8] См.: *Степанов В.Р.* Модели управления развитием НТП: варианты и результаты // Государственное и муниципальное управление: история, теория и практика. Сб. науч. ст. и сообщений. Казань, 2002. С. 210.
[9] См.: Все о Мордовии. Саранск, 1998. С. 461, 499—504.
[10] См.: Социалистическая индустриализация и развитие рабочего класса Мордовии (1926—1970 гг.). Документы и материалы. Саранск, 1997. С. 328.
[11] См.: *Адушкин Н.Е.* Рабочий класс Мордовии: страницы биографии и тенденции современного развития. Саранск, 1981. С. 118.
[12] См.: *Морозов В.А.* Партийное руководство индустриальным развитием. На материале партийных организаций Волго-Вятского экономического района. 1966—1980 гг. Йошкар-Ола, 1987. С. 121; *Сануков К.Н.* Братство людей труда. Экономическое сотрудничество советских народов в условиях развитого социализма. Йошкар-Ола, 1983. С. 64—65.
[13] См.: Марийский государственный университет: 1972—2002 гг. Йошкар-Ола, 2002. С. 25, 28, 96, 112, 176.
[14] См.: *Радиченко А.Н., Сергеев Т.С.* Формирование и развитие технологической интеллигенции Чувашской АССР в 1920—1991 гг. Чебоксары, 2002. С. 112.
[15] См.: Ульяновец. 1985. 8 февр.
[16] См.: *Степанов В.Р.* Сближение характера труда рабочих и технической интеллигенции — результат углубления НТП (на материалах Чувашской АССР) // Союз рабочих, крестьян и интеллигенции автономных республик РСФСР в условиях социализма: Межвузовский сборник научных трудов. Чебоксары, 1987. С. 72.
[17] См.: *Григорьев В.С.* Партийное руководство интеграцией вузовской науки в производство Чувашской АССР (1981—1985 гг.) // Вопросы истории Чувашской областной организации КПСС. Чебоксары, 1989. С. 43.
[18] См.: *Радиченко А.Н., Сергеев Т.С.* Указ. соч. С. 110—111.
[19] См.: Ульяновец. 1980. 11 янв.; 1981. 11 дек.; 1984. 7 дек.
[20] См.: Очерки истории Марийской организации КПСС. Йошкар-Ола, 1968. С. 430.
[21] См.: *Горник Г.Л.* Забота парторганизаций Поволжья и Приуралья об укреплении творческого содружества рабочих, ИТР и ученых (60—80-е годы) // Союз рабочих, крестьян и интеллигенции автономных республик РСФСР в условиях социализма. С. 32.
[22] См.: *Леонов В.И.* Районные советы содействия техническому прогрессу // Ленинградцы в борьбе за технический прогресс. Л., 1970. С. 24—38.
[23] См.: *Горник Л.Г.* Указ. соч. С. 33.
[24] См.: *Корнаковский И.Л.* Движение рационализаторов и изобретателей в условиях реализации НТП // Союз рабочих, крестьян и интеллигенции автономных республик РСФСР в условиях социализма. С. 59.

Поступила 24.10.2003.



О.А.РАГИМОВА

СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ 7—8-ЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА г. САРАТОВА

Трансформация российского общества за последние 10—13 лет существенно повлияла на здоровье молодого поколения, в том числе и школьников. Формирование новых социальных структур тесно связано с ростом и развитием нового поколения. Младший школьный возраст важен для развития детей, становления личности ребенка, его социализации. В данном исследовании школьники первого класса наблюдались в динамике трендовых исследований последних лет. Акцент при изучении был сделан на качественную характеристику структур — социальное здоровье, где самым важным показателем для этого возраста стала социальная адаптация детей к школе.

В процессе социализации младших школьников на первый план выступает их социальная адаптация: как дети войдут в новый ритм, будут осваивать новую деятельность, нормы и ценности общества. Проблема школьной адаптации тесно связана с понятием здоровья школьника и определяется качественными особенностями его состояния, так как критерием состояния здоровья является умение человека приспосабливаться к временной среде[1]. Адаптивность складывается из врожденных и приобретенных свойств. На приобретенный компонент значительно влияет социум. Социальная среда выступает как основа воспроизведения, сохранения и возвращения здоровья. В научной литературе принято считать, что в результате развития ребенка и его интеракции в определенную социальную среду происходит взаимодействие биологических и социальных факторов[2], причем с возрастом отмечается возрастание роли социума в развитии личности.

РАГИМОВА Ольга Александровна, заведующая кафедрой физиологических и клинических основ детства педагогического института Саратовского государственного университета, кандидат медицинских наук, доцент.

Социальное здоровье и социальная адаптация рассматриваются нами с учетом двух социологических парадигм: теории социальных институтов и социального неравенства. Это позволяет взглянуть на составляющие социальной структуры в процессе весьма быстрой перестройки социума и отметить важные закономерности и тенденции в формировании социальных общностей первоклассников в нижних слоях российского общества.

В современной социологии недостаточно, на наш взгляд, уделяется внимания влиянию динамических стратификационных процессов на формирующиеся новые социальные градации, их социальное здоровье в трансформирующемся обществе.

Теория социальной стратификации играет важную роль в понимании иерархически упорядоченного неравенства социальных слоев, групп, общностей, конкретных людей. Одно из центральных мест в этой структуре принадлежит социальной мобильности. Система образования традиционно рассматривается как один из наиболее массовых ее каналов — переход людей из одних общественных групп в другие. Воздействие школы на социальную мобильность молодого поколения в СССР было прослежено в 70-е гг. XX в. по показателям социального состава учащихся на разных ступенях общего образования. Исследования Ф.Ф.Филиппова[3] показали, что происходило полное совпадение представительства основных социальных групп в контингенте учащихся с их удельным весом в занятом населении соответствующего региона, была выявлена связь успеваемости школьников с их социальным происхождением. Более высокой успеваемостью отличались, как правило, выходцы из семей интеллигенции, менее — дети работников физического труда и сельские школьники.

В современном обществе основой социального расслоения являются экономические факторы. Есть мнение, что с 1998 г. в России профессиональное расслоение в основном совпало с экономическим[4]. В трансформирующейся России статистические интерпретации общественного расслоения в основном строятся на дифференцированной экономической оценке, и в первую очередь, на анализе доходов. Исследования Статистического комитета СНГ, Института социологии РАН, Всероссийского центра исследований общественного мнения выявляют обогащение наиболее обеспеченных, ежегодный рост децильных коэффициентов, падение жизненного уровня большинства населения в 90-х гг. XX в. В конце XX — начале XXI в. продолжалось увеличение групп населения, относящихся к

нижним и базовым слоям российского общества, и по данным Т.С.Заславской[5], в начале XXI в. уже более 2/3 населения России имеют доход около или ниже прожиточного минимума.

Сложность демографической ситуации в стране определяется долговременными тенденциями демографических процессов: снижением рождаемости и продолжительности жизни. Нестабильная социально-экономическая обстановка, спад производства, дороговизна товаров и услуг, инфляция, безработица отрицательно влияют на состояние здоровья, питание, материальное положение семей. Л.М.Шипицына отмечает, что в России 12 млн детей живут за чертой бедности[6].

Анализ доклада Саратовской областной Думы о положении детей в саратовской области показывает, что социально-демографические показатели области отразили общие тенденции ухудшения социального здоровья в России в конце XX в., и вполне сопоставимы с российскими показателями социального здоровья детей, которое является одним из основных индикаторов социального здоровья общества в целом[7] В связи с этим целью нашего исследования было изучение динамики социального здоровья и адаптации первоклассников, влияния стратификационных процессов и института образования на социальное здоровье.

Исследование проводилось в несколько этапов. В 1996/97 учебном году (I группа), 1999—2000 (II группа), 2000—2001 (III группа) и 2002—2003 (IV группа). Объектами исследования были дети-первоклассники, их родители и учителя одной из школ Заводского района г. Саратова. Объем выборочной совокупности составил 393 младших школьника 7—8 летнего возраста. Наблюдение, осуществляемое в течение 7 лет, позволило создать модель влияния социально-экономических, стратификационных и образовательных изменений на социальную адаптацию детей к школе и их социальное здоровье.

В 1996/97 учебном году наблюдались четыре гимназических (1«А», 1«Б», 1«В», 1«Г») и два общеобразовательных класса (1«Д», 1«Е») — I группа. В 1999/2000 — три гимназических класса (1«А», 1«Б», 1«В») и один общеобразовательный (1«Г») — II группа. В 2000/2001 учебном году (III группа) — четыре гимназических класса (1«А», 1«Б», 1«В», 1«Д») и один общеобразовательный (1«Г»). В 2002/03 учебном году (IV группа) все четыре класса (1«А», 1«Б», 1«В», 1«Г») были гимназическими.

Учитывался социальный состав семей и уровень дохода на 1 чел. Средний доход соотносился с прожиточным минимумом

в регионе. Уровень социальной адаптации детей оценивался к концу III четверти посредством интервью детей по специальной анкете с учетом комфортности ребенка в школе, его невротических проявлений, успеваемости, проблемности, принятия детей группой. Следует отметить, что дети гимназических классов лучше учились, а их родители в основном имели высшее или среднее специальное образование. В I, II и IV группах распределение детей по классам осуществлялось с учетом уровня образования родителей. Самый высокий уровень отмечен в 1«А», затем 1«Б» и т.д., т.е. количество родителей с высшим образованием в параллелях уменьшалось, тогда как со средним специальным и средним образованием увеличивалось и достигало максимума в общеобразовательных классах. В III группе эта закономерность сохранилась, но появился 1«Д» (гимназический класс), ученики которого имели более образованных родителей, чем 1«Г» — общеобразовательного.

За время наблюдения и изучения социального здоровья детей произошли существенные изменения в институте образования. В 1996/97 и 1999/2000 учебных годах младшие школьники занимались по программе начальной школы 1—3 базисного плана, а в 2000/2001 и 2002/2003 гг. по программе 1—4, и следовательно, на первоклассников уменьшилась образовательная нагрузка в III и IV группах.

Изучение доходов родителей и расчет их на одного человека в семье к прожиточному минимуму показал, что семьи Заводского района г. Саратова в большинстве имели доход на 1 чел. около прожиточного минимума и ниже. У родителей практически не было дополнительных источников доходов и в течение года этот показатель почти не менялся. В 1996/97 учебном году социальный состав и доход родителей гимназических классов 1«А», 1«В» и 1«Г» на одного человека в среднем составил 92,9 % к прожиточному минимуму и существенно не отличался между классами. В 1999/2000 учебном году он уменьшился почти в 2 раза и составил 53,6 %. Доход в этой группе (II) чуть колеблется между параллелями классов, самым большим он оказался в 1«А». Практически отсутствовала разница (2 %) между средними показателями дохода в семьях детей гимназических и общеобразовательных классов. В 2000/2001 учебном году доход в III группе не менялся (54,3 % к прожиточному минимуму), но увеличилась разница между доходами родителей детей гимназических и обычных классов (23,2 %), чего не было во II группе, усиливая социальную поляризацию. В 2002/2003 учебном году средний доход не-

сколько увеличился по сравнению с III группой и составил 67,3 % к прожиточному минимуму. Причем он колебался, составляя в 1«А» классе — 65,1 %, 1«Б» — 51,6, 1«В» — 73,6, 1«Г» — 80 %. Роль профессий и образования родителей в этот период сохраняет значимость при распределении детей по параллелям на гимназические и обычные классы.

В сложившихся социально-экономических условиях изменилось здоровье детей. Социальная адаптация детей I группы снижалась по параллелям и самой низкой была в обычных классах. Отмечались особенности ее структуры. Детей с высокой социальной адаптацией (3 балла) было соответственно 32 %, 24, 19,1 и 14,3 % в гимназических классах и 15 % — в обычных, а детей с низкими значениями (дезадаптацией) в гимназических классах почти не было, тогда как в общеобразовательных и насчитывалось 15 %.

К 1999/2000 учебному году существенно увеличилось количество дезадаптированных детей во всех параллелях, особенно в гимназических классах. На первое место по числу детей с низкой социальной адаптацией вышел 1«А» (35 %); на второе — 1«Б» (30,8 %), затем — 1«В» (22 %), в общеобразовательном классе — 1«Г» (26,7 %). Иными словами, уменьшение доходов на человека в семье до половины прожиточного минимума ведет к увеличению количества детей с низкой социальной адаптацией, особенно в гимназических классах с высокой образовательной нагрузкой (она на 20 % больше, чем в обычных). В следующем учебном году образовательная нагрузка на первоклассников уменьшилась в связи с переходом на программу базисного плана 1—4 начальной школы, и хотя социально-экономические условия остались почти прежними и даже несколько ухудшились, показатели социальной адаптации как в гимназических, так и в обычных классах улучшились. Особенно это заметно в гимназических классах. Если в предыдущем году детей с низкой социальной адаптацией в гимназических классах было 29,7 %, то в 2000/2001 учебном году их стало 10,9 %, т.е. их количество уменьшилось почти в 3 раза, а первоклассников с высокой адаптацией стало 18,2 %, против 12,5 %. При уменьшении учебной нагрузки количество детей, лучше адаптирующихся к школе, резко возрастает. В группе детей, обучающихся в общеобразовательных классах, но находящихся в ухудшающихся социально-экономических условиях, количество детей с низкой социальной адаптацией уменьшилось: было 36,7 %, а стало 16,6 %. Количество школьников с высокими показателями несколько

уменьшилось в отличие от гимназических классов: было 10 %, стало при уменьшении образовательной нагрузки 8,6 %, что, возможно, связано с дальнейшим снижением в этой группе доходов на 1 чел. в семье. В данном процессе наличие высшего образования у родителей также может влиять на социальное здоровье, и на наш взгляд, приводит к лучшему использованию имеющихся средств для развития и воспитания ребенка, что и позволило, несмотря на большую нагрузку, иметь несколько лучшие показатели социальной адаптации в гимназических, чем в общеобразовательных классах, а при уменьшении образовательной нагрузки существенно улучшить показатели социальной адаптации в гимназических классах.

В 2002/2003 учебном году по параллелям детей с высокими показателями социальной адаптации было в 1«А» 14,8 %, 1«Б» — 20, 1«В» — 0, 1«Г» — 4,3 %, а с низкой соответственно 7,8 %, 25, 23,8 и 29,4 %. При сравнении этой группы детей с 2000/2001 учебным годом (соответственно с гимназическими классами) видно, что ухудшаются показатели социальной адаптации. Это проявляется в уменьшении группы детей с высокими показателями до 9,65 %, что даже меньше, чем в 1999/2000 учебном году (12,5 %). Увеличивается группа детей с низкими показателями (21,5 %), что также близко к значению 1«Б» в 1999/2000 учебном году.

Таким образом, переход на базисный учебный план 1—4 несколько смягчает ухудшение социального здоровья первоклассников, о чем свидетельствуют полученные данные.

В IV группе детей среди всех гимназических классов наилучшие показатели социальной адаптации в 1«А» классе, несмотря на то, что средний доход на 1 чел. здесь чуть ниже показателей группы в целом — 65,1% (67,3 %). Это, на наш взгляд, подтверждает роль образования родителей в социальном здоровье детей младшего школьного возраста.

Анализ полученных данных позволяет утверждать, что некоторые стратификационные процессы, например, нисходящая мобильность по экономическим факторам, а также увеличение образовательной нагрузки приводят к тому, что дети 7—8-летнего возраста хуже адаптируются к начальной школе. Растет группа детей с низкими показателями (1 балл) социальной адаптации, увеличивается количество детей с отклонениями в поведении. Социально-экономические условия жизни проявляются через призму стратификационных изменений и перемещения значительной части детей этого возраста, проживающей в Заводском районе г. Саратова, в более бедные слои общества.

Достаточно стабильным признаком остается образование родителей в делении детей по классам на гимназические и общеобразовательные параллели. Этот механизм, совместно с профессиональным делением, отмечался еще в 70-е гг. XX в. и, на наш взгляд, подчеркивает значимость образования в стратификационной системе трансформирующегося общества.

Сам институт образования оказывает влияние на социальное здоровье детей 7—8-летнего возраста. Так, уменьшение образовательной нагрузки несколько смягчает проблему социальной адаптации, в первую очередь снижая количество дезадаптированных детей в нижних слоях российского общества. Анализ данных позволяет также утверждать, что качественная характеристика социальных структур общества зависит как от социально-экономических условий жизни, их социальной мобильности, так и от величины образовательной нагрузки. Последняя позволяет использовать вариативность обучающих программ в группах риска для улучшения социального здоровья детей. Улучшение условий жизни, увеличение дохода, наличие высшего образования родителей позволяют укреплять качественные характеристики здоровья школьников, создавая более жизнеспособное поколение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Гарбузов В.И.* Человек — жизнь — здоровье. СПб., 1995. С. 79.

[2] См.: *Смелзер Н.* Социология / Пер. с англ. М., 1994. С. 96—97.

[3] См.: *Филиппов Ф.Ф.* Школа и социальное развитие общества. М., 1990. С. 129—130.

[4] См.: *Гришаев С.В.* Динамика социальной структуры Красноярского региона // Социс. 2001. № 2. С. 117—120.

[5] См.: *Заславская Т.И.* Социоструктурный аспект трансформации российского общества //Социс. 2001. № 3. С. 9—10.

[6] См.: *Шипицына Л.М.* Старое и новое: социальная защита в России. СПб.. 1997. С. 10.

[7] См.: О положении детей в Саратовской области (доклад). Саратов, 1998. С. 4—14.

Поступила 17.06.2003.



Я.Г.НИКОЛАЕВА

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕПОЛНЫХ ГОРОДСКИХ СЕМЕЙ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В последнее время все чаще говорят о кризисе семьи и семейных отношений. В результате такого кризиса в обществе изменяется соотношение различных типов семей, происходит увеличение доли неполных семей, которые даже при оптимальных условиях воспитания не обеспечивают полноценной социализации личности детей. Более того, семья как социальный институт перестает выполнять свои основные функции, особенно репродуктивную и воспитательную. Кроме того, жизнь одинокой матери существенно отличается от жизни замужней женщины. Вместе с тем социологическое изучение современной семьи пока остается скорее исключением, чем правилом.

С целью изучения особенностей жизнедеятельности неполных семей нами было проведено исследование тех из них, где главой являлась мать, в трех городах Чувашии. В выборку попали школы г. Чебоксары (№ 39, 46, 48, 59, 61), г. Новочебоксарска (№ 9, 14) и средняя школа № 1 в г. Козловка, а также матери, состоящие на учете в Центре социальной реабилитации несовершеннолетних (ЦСРН) Московского района г.Чебоксары. За основу анкетного опроса была взята методика, предложенная Т.Ю.Гущиной[1]. Объем выборочной совокупности составил 434 чел. В ее структуре — семьи, имеющие одного, двух, трех, четырех, шесть и восемь детей школьного возраста. Обращает на себя внимание большое количество женщин, воспитывающих детей в одиночку с самого рождения, что позволяет говорить о значительном проценте внебрачных рождений. Эти семьи являются в подавляющем большинстве однодетными. Крайне затруднительно однозначно классифицировать семьи по причине образования, так как в разные периоды жизненного пути женщина могла быть и

НИКОЛАЕВА Янина Геннадьевна, преподаватель кафедры иностранных языков Чувашского государственного университета, кандидат педагогических наук.

матерью-одиночкой, и разведенной, поэтому имеет смысл разделить эту когорту на «распавшиеся отношения» и «вдовство». Таким образом, по причинам образования семей и количеству детей в них структура выборки выглядит следующим образом (табл.).

Таблица

Структура выборки по причинам образования семьи и количеству детей, %

Однодетные		Двухдетные		Трехдетные		Четырехдетные	
56		29		11		2	
Распад семьи	Вдовство	Распад семьи	Вдовство	Распад семьи	Вдовство	Распад семьи	Вдовство
93	7	71	29	81	19	67	33

Распад семьи не всегда означает развод, так как часть матерей жили в незарегистрированном браке. Следует отметить, что матери, сознательно решившие иметь ребенка вне брака («для себя»), в исследовании представлены в подавляющем большинстве среди матерей, имеющих одного ребенка.

Параметры случайной выборки дают основания утверждать, что большинство неполных семей образовались в результате распада семьи, развода. В соответствии с законодательством матери и отцы после развода имеют равные права и обязанности в отношении детей, но при бракоразводном процессе чаще всего предпочтение отдается матери. Более того, в России не практикуются различные формы совместной опеки над ребенком после развода: частичное проживание с матерью или с отцом; принятие важных решений, касающихся ребенка, с участием отца и т.д. «Развод супругов обычно означает и развод детей с отцом, что можно квалифицировать как отсутствие культуры „родительства после развода“»[2].

Материальное обеспечение семьи является важной составляющей общественной социализации ребенка. Большинство матерей тратят на детей больше половины совокупного дохода семьи, в то время как затраты отца по закону составляют на одного ребенка не более 25 % заработной платы, двоих — не более 33 %, троих и более — 50 %. Женщины, как правило, стремятся иметь дополнительный заработок, который пополняет бюджет семьи, в то время как разведенный отец часто предпочитает не делить его с бывшей семьей. Ситуация с материальным обеспечением детей отцами плачевна. Так, только 43 % опрошенных получают финансовую помощь, из них 92 % женщин охарактеризовали ее как недостаточную, а 57 % этой помощи не получают вообще.

Большинство детей и подростков в неполных семьях выполняют несложную работу по дому: уборка, вынос мусора, покупка продуктов и т.д. Исполнение или неисполнение обязанностей по дому не имеет выраженного гендерного признака: среди тех, кто не выполняет работу по дому, или делает это постоянно, есть как мальчики, так и девочки. При этом матери, имеющие одного ребенка, менее всех удовлетворены количеством проводимого с ним времени. В целом доля женщин, считающих, что проводят с детьми достаточно времени, составляет 31 % от общего количества опрошенных. Таким образом, доля неудовлетворенных составляет 69 %. Обычно матери проводят с детьми вечера после работы и выходные дни. Многие из них ссылаются на нехватку времени, выражая озабоченность по поводу ограниченных возможностей реализации воспитания в полном объеме.

Скудность бюджета неполной семьи диктует ограничения в проведении досуга. Семья не может платить за секции и кружки, есть трудности в приобретении инвентаря для различных видов отдыха, отсутствует возможность посещения кино, театров, других спортивно-массовых и зрелищных мероприятий так часто, как этого хотелось бы. Создавшееся положение вынуждает членов неполных семей выбирать времяпрепровождение, не требующее особых финансовых затрат. Обращает на себя внимание низкая физическая активность ребенка при общении с матерью. Такое общение, как правило, не требует постоянного напряжения с ее стороны: поездка в дом отдыха, кулинария, поход в гости, настольные игры. В основном (44 %) свое свободное время дети и подростки проводят читая книги и посещая библиотеки, общаясь с друзьями и гуляя по улицам (38 %), 37 % смотрят телевизор и работают с компьютером, 28 % посещают кружки, секции и курсы, 20 % отметили рисование, настольные игры, шитье и решение кроссвордов. Как единичные случаи можно отметить прослушивание музыки, серьезный спортивный интерес, коллекционирование и т.д. Столь высокие показатели свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что свое свободное время ребенок проводит более разнообразно, чем с матерью.

В неполных семьях вопрос о помощнике в воспитании ребенка стоит очень актуально. Оказалось, что основной помощницей является бабушка детей со стороны матери. В многодетных семьях часто старшие дети выступают в роли помощников и воспитателей. Упоминания об отце, как о помощнике в воспитании, были единичны. Встречались также ответы: сно-

ха, зять, подруги, крестные, бабушка по папиной линии, родственники умершего мужа. Были и более неопределенные формулировки: «*родственники*», «*многие наши родственники почтенные люди, и их жизнь является примером для ребенка*», «*друг семьи*». Таким образом, помощь в воспитании детей оказывают в основном ближайшие родственники матери. По мнению И.Ф.Дементьевой, ближайшие родственники матери оказывают наибольшую безвозмездную экономическую помощь неполной семье, что является одним из основных способов приспособления семей одиноких матерей к экономическим трудностям[3].

Отечественное семейное право несовершенно. По закону отец после развода имеет право встречаться с детьми 1—2 раза в неделю. Однако не все мужчины пользуются этим правом. Из анализа результатов опроса следует, что по различным причинам многие дети подолгу не видят отца и забота о ребенке и его воспитание полностью перекладываются на мать. В некоторых семьях матери вообще не говорят с детьми об отце и не догадываются об истинных чувствах ребенка. В общем 62 % детей совсем не общаются с отцом, причем в 68 % таких случаев нежелание общаться исходит со стороны отца.

Опрос выявил, что если у женщины взгляды на воспитание не совпадают со взглядами бывшего супруга, то она предпочитает не иметь с ним никаких дел. Вот как написала об этом одна из матерей: «*не все взгляды совпадали, так как он придерживался больше такой методики, как наказание, а я стараюсь объяснить; сейчас не взаимодействуем*». Иногда взаимодействие исчерпывается эпизодическими беседами с ребенком. Помощь отца в воспитании не является системной, и не оказывает существенного влияния. Каковы бы ни были причины отсутствия взаимодействия, но столь низкий процент отцов (34 %), проявляющих внимание к своим детям, является, на наш взгляд, признаком недостатка адаптационных возможностей неполных семей.

В неполных семьях, при отсутствии мужского авторитета и примера, особенно остро стоят вопросы дисциплины, чаще возникают проблемные ситуации. В связи с этим отвечая на вопрос «Где матери ищут ответы на трудные вопросы, связанные с воспитанием ребенка?» большинство опрошенных (42 %) отметили, что используют опыт своих родителей, также значительна доля матерей (36 %), доверяющих средствам массовой информации. Хорошо, если родительская семья матери ребенка была благополучной, а если она была, к примеру,

неполной, то женщина часто подсознательно воспроизводит свой негативный опыт уже по отношению к собственным детям. Советы учителей предпочитают 25 %, на собственный опыт и интуицию опираются 24 %, на опыт друзей и подруг — 19 %.

Говоря об имеющихся и желаемых положительных, а также отрицательных качествах своих детей, матери отмечают такие, как жалость к ней, сочувствие, осознание трудностей, испытываемых матерью. Это является особенно показательным для неполной семьи. Жалость и понимание в полной и неполной семье, на наш взгляд, отличаются. В полных семьях вина за неудовлетворенность матери существующим положением дел в семье, как правило, приписывается отцу, а в неполных семьях винить некого. Одинокая мать не может обеспечить достойного уровня жизни семьи как морального, так и материального. Отсюда возможны конфликтность и нервозность у детей, сочетающиеся с жалостью. Эти качества в дальнейшем могут стать чертами характера ребенка. Следует отметить, что влияние атмосферы неполной семьи на последующую взрослую жизнь индивида, еще недостаточно изучено.

Неоднозначно отношение матерей к таким качествам, как послушание и упрямство. Они отмечают, что их дети упрямы в семье и в то же время нерешительны вне ее. Матери хотят иметь послушных детей, но раздражаются их слабохарактерностью. Возможно, это происходит из-за того, что дети не уверены в себе, подсознательно боятся окружающего мира, но у них имеется потребность в самоутверждении, и семья, отношения с матерью — простейший способ ее удовлетворения. Иногда мать наличие одного и того же качества рассматривает как положительное и отрицательное одновременно, или же соединяет в своем ребенке диаметрально противоположные качества, что свидетельствует о непонимании в семье и противоречивости поведения ребенка в различных ситуациях. В целом набор качеств и желаемых, и наличествующих достаточно широк.

К женщине, воспитывающей ребенка одной, предъявляются более высокие требования в психологическом плане, ведь она является примером для своих детей. В связи с этим был задан вопрос: «Не хотели бы Вы что-либо изменить в себе (в характере, привычках)?». Почти половина матерей не склонна что-либо менять в себе, возможно, именно в этом и кроется причина их одиночества, ведь традиционное понимание роли женщины в семье требует гибкости в отношениях, а значит, готовности уступать, не всегда давая волю чувствам, эмоциям.

Нежелание матери меняться может иметь как положительную, так и отрицательную сторону. У нее отсутствует внутренний конфликт, она полностью принимает себя, что является важнейшим принципом воспитания. С другой стороны, как можно требовать изменения характера ребенка, если мать сама не в состоянии измениться? Многие из тех, кто что-то хотел изменить в характере, отмечали, что сами хотели бы стать более крепкими духом, уверенными в себе.

Недостаток мужского влияния на ребенка ощущают 59 % опрошенных матерей. Следует отметить, что эта проблема стоит наиболее остро для категории одно- и двухдетных семей, которые являются самыми распространенными. В многодетных семьях повзрослевшие дети выступают в роли воспитателей. Попытки восполнить нехватку мужского влияния могут быть различными: *«стараюсь больше уделять ребенку времени»*, *«общение с братом, зятем, соседями-мужчинами»*, *«стараюсь, чтобы сын больше общался с отчимом, дедом, дядей»*, *«пытаюсь восполнить его, уделяя больше внимания его воспитанию»*, *«пустила в квартиру студента»*. Ответы некоторых матерей не дают четкого представления, что же все-таки они предпринимают: *«стараюсь, чтоб ребенок не чувствовал, что он живет в неполноценной семье»*, *«недостает мужского воспитания в плане расширения кругозора ребенка»*, *«каникулы в деревне»*. Встречались и пессимистически настроенные: *«восполнить это невозможно»*, *«никак»*. Исключительно редко восполнить этот недостаток пытаются общением ребенка с собственным отцом.

Часть матерей (37 %) утверждает, что не ощущают недостатка мужского влияния, но отсутствие такого чувства у матери не означает, что его нет у ребенка. Некоторые женщины демонстрируют самодостаточность: *«нехватка мужского влияния не ощущается, ребенок вполне счастлив в семье со мной и бабушкой»*, *«до сих пор ощущается пагубное влияние отца-пьяницы»*.

Женщин, ощущающих недостаток мужского влияния на ребенка, можно разделить на две категории: пытающихся заменить отца самостоятельно и стремящихся вовлечь других людей в воспитательный процесс, к которому привлекаются родственники и знакомые, чаще всего дед со стороны матери, ее братья, крестные отцы, мужья сестер и подруг. Важно отметить, что отвечая на вопросы анкеты, женщины крайне редко упоминают о мужчине-друге, который помогал бы ей материально и в воспитании ребенка. Судя по характеру от-

ветов, это связано с тем, что у большинства женщин его просто нет. На наш взгляд, женщина не в состоянии заменить мужчину, как бы она не пыталась быть жестче. Ребенку нужна понимающая и любящая мать. Целесообразнее было бы, по нашему мнению, искать мужские примеры на стороне.

Отвечая на вопрос: «Как Вы думаете, испытывает ли Ваш ребенок определенные трудности из-за того, что воспитывается в неполной семье? Какие?» большинство матерей (61 %) считает, что трудности есть. Иногда нехватка средств выливается в моральные страдания: *«до недавних пор дочь испытывала нападки со стороны одноклассников из-за одежды, которая намного хуже, чем у обеспеченных детей»*. Некоторые матери чувствуют дискомфорт своих детей: *«не хватает общения с отцом; каждому ребенку хочется, чтобы у него были и папа, и мама»*, *«одна мама не может дать все за двоих»*, *«думаю, что отца не хватает, сын очень любил отца»*. В целом же, на фоне общих семейных неурядиц, на моральных страданиях ребенка не слишком акцентируют внимание. Бывает, что женщина, обиженная на мужа, пытается передать эту ненависть детям: *«Нет, ребенок не испытывает никаких трудностей, если бы с нами жил бывший супруг, то мои дети испортились бы, я оградила их от этого: развелась с ним, он живет в другом городе и нам не мешает»*. Необходимо в данном случае иметь в виду, что это мнение одиноких матерей, оно может не совпадать с мнением их детей. Можно предположить, что подавляющее большинство детей, даже если они об этом молчат, испытывают определенные моральные страдания, не говоря уже о материальных, так как в качестве основной трудности в воспитании детей женщины назвали нехватку денег (на нее указали 35 % опрошенных). Затем следуют психологические и моральные трудности (переходный возраст, проблемы взаимопонимания, отсутствие мужского примера и влияния) — 33 %.

Трудно переоценить значение взаимодействия педагогов школы с неполной семьей школьника. В основном это взаимодействие осуществляется по вопросам учебы детей — 73 %. Поговорить о поведении ребенка, каких-то конфликтных ситуациях, возникающих с учителями и со сверстниками, приходят 17 % родителей. Никогда не обращаются к классному руководителю 13 % заполнивших анкету. Причиной такого явления может быть и безразличие самих родителей и учителей. Одна мама при объяснении своего нежелания взаимодействовать с классным руководителем написала: *«предпочитаю не*

общаться, учителя любят тех родителей, кто делает им подарки. Я бедна и отношение ко мне и моему ребенку соответствующее».

Одной из форм общения с классным руководителем большинство родителей отметили родительское собрание как формальный повод для встречи (74 %). Однако эти собрания родители посещают нерегулярно. Далее следуют массовые мероприятия (20 %) и записи в дневнике (17 %). Некоторых матерей учителя вызывают в школу (10 %). Такие формы индивидуального общения, как личные беседы, разговоры по телефону используют 12 % опрошенных.

Взаимоотношениями с классным руководителем, учителями большинство опрошенных (63 %) довольны, но личность самого учителя не устраивает 14 % респондентов. Причины недовольства могут быть различны, например: *«учителям трудно понять, что одной воспитывать тяжело», «учителя предпочитают полные семьи», «классная руководительница давала единственный совет: держать в ежовых рукавицах и пользоваться ремнем».* Но, несмотря на то, что часть отзывов была негативной, в целом ситуацию можно охарактеризовать словами одной из матерей так: *«если возникают трудности, то достичь взаимопонимания можно»,* и большинство родителей все же видят в учителях помощников.

Как уже отмечалось, в современной России существуют единичные исследования жизнедеятельности неполной семьи. Одним из таких является исследование И.Ф.Дементьевой. В рамках воспитательной деятельности матерям не удается осуществлять полноценный контроль за детьми и влиять на их поведение. По собственным оценкам таких женщин, эффективному воспитанию мешает ряд объективных причин. Во-первых, разрушается привычная триада в семье «отец + мать + дети»; во-вторых, мать испытывает чувство вины перед ребенком за развод; в-третьих, ребенок считает мать виновной в потере отца. Наконец, четвертая и главная причина — чрезмерная занятость матери на работе, не позволяющая уделять детям достаточно внимания. Исследования И.Ф.Дементьевой подтверждают феномен массового социального одиночества детей из неполных семей, их невысокую способность строить конструктивное межличностное взаимодействие[4]

Многие женщины говорят о материальных затруднениях, считая, что это основная трудность, скорее всего так оно и есть, но даже помощь в разрешении финансовых проблем не решит психологических. За рубежом проблемой бедности в

неполных семьях заинтересовались давно, что отражено в социологических исследованиях. Этот вопрос является темой отдельных исследований в социальной феминологии и породил целое направление исследований — феминизация бедности. Поскольку матери, воспитывающие ребенка в одиночку, считают именно материальный аспект главным, целесообразно привести результаты ряда зарубежных исследований по данной проблематике.

В международной энциклопедии социологии утверждается, что в США увеличивается количество бедных за счет женщин и детей[5] С определенной долей уверенности это можно сказать и в отношении России. Проведенное нами исследование подтверждает, что больше половины женщин, воспитывающих детей в одиночку, испытывают значительные материальные затруднения. Несколько экономических и социальных факторов вызвали это увеличение. Во-первых, изменение традиционной структуры семьи. Постоянно повышается количество неполных семей, а они, как правило, испытывают нехватку материальных средств. Во-вторых, двойственность рынка труда. Согласно отчету американского Департамента по труду, три из каждых четырех женщин работают в низкооплачиваемых сферах труда, но даже если женщины и мужчины имеют одинаковый род занятий, последние все равно получают больше. Дискриминация женщин при приеме на работу и оплате труда, к сожалению, является международной практикой, и Россия в этом отношении не исключение. В-третьих, сокращение социальных программ помощи семьям, находящимся ниже уровня бедности, значительную часть которых составляют неполные семьи. В-четвертых, обязанности женщины по дому, особенно уход за ребенком, не оплачиваются[6].

Исследование неполных семей в Чувашии подтвердило большую часть вышеизложенных положений. Причем полученные нами сведения согласуются с данными исследования, проведенного среди одиноких матерей Л.Г.Луняковой.

Социальная помощь неполным семьям в России весьма ограничена. По результатам анализа работы центров социальной помощи несовершеннолетним Чувашии, неполные семьи уравнены по причинам их образования. Иными словами, если ранее матери-одиночки имели существенное преимущество перед разведенными и овдовевшими матерями, то теперь этот разрыв сглажен. Объем социальной помощи из-за стремительно увеличившегося количества неполных семей значительно

уменьшился, и если в начале 90-х гг. XX в. быть матерью-одиночкой было выгодно, и женщины сознательно не регистрировали брак, надеясь на помощь государства, то сейчас многие из них не только оставлены мужчинами и государством, но и не могут рассчитывать даже на алименты.

В современном мире многие страны вовлечены в общемировой процесс интеграции по многим направлениям. В связи с этим напрашивается закономерный вопрос о том, насколько применимы исследования зарубежных социологов к российским условиям. Часто зарубежные исследования анализируют страны со схожими, или различными культурными традициями, уровнями социально-экономического развития. Россия как объект исследований все чаще стала попадать в такие проекты. Масштабное исследование было проведено учеными, занимающимися вопросами социальной политики. Они сделали вывод, что феминизация бедности, связанная с обнищанием неполных семей, имеет место тогда, когда оказываются недостаточными усилия по снижению уровня бедности путем регулирования трудового рынка и социальной поддержки. Подобная ситуация наблюдается не только в США. Среди семи изученных стран (США, Канада, Япония, Франция, Швеция, Россия, Польша) только в Японии не увеличивается количество разводов и одинокого материнства[7]

Феминизация бедности, несомненно, связана с увеличивающимся числом неполных семей, возглавляемых женщинами. Обнищание этих семей связано с двумя факторами. Первый, когда матери, родившие первого ребенка, не достигли 20-ти летнего возраста и не закончили обучение. Низкий образовательный уровень ограничивает их шансы найти высокооплачиваемую работу. Второй фактор связан с тем, что ребенок в полной семье получает финансовую поддержку от обоих родителей. Ребенок же, проживающий с одинокой матерью, часто вообще не получает финансовой поддержки от отца, не проживающего с ними[8]

Если дети не получили достаточного представления о гендерных ролях, а в неполных семьях так зачастую и происходит, то у них нарушается гендерная детерминация. В последующем они могут недостаточно уверенно чувствовать себя в роли супругов и родителей, что может привести к значительным трудностям в семейной жизни. Им трудно справиться с профессиональными обязанностями по причине отсутствия требуемых личностных качеств, их карьерный рост замедляется или вообще отсутствует. Вместо того, чтобы помогать мате-

рям, дети, не справившись с жизненными трудностями, ждут от них помощи, в том числе и материальной.

Таким образом, нарушение жизнедеятельности неполных городских семей Чувашии носит длительный и системный характер. Школа в определенной степени утратила роль главного помощника в воспитании детей из неполных семей. Все чаще женщины вынуждены в одиночку решать сложные педагогические и материальные проблемы. Задача физического выживания семьи все больше отодвигает морально-нравственные проблемы на второй план, что в значительной степени снижает воспитательный потенциал неполной семьи. Воспитательные воздействия имеют гендерные различия. Деформация жизнедеятельности неполной семьи, имеющая место в Чувашии, является частью глобального процесса проблемного функционирования неполной семьи, наличествующего во многих развитых странах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Гущина Т.Ю.* Формирование готовности будущего учителя к взаимодействию с неполной семьей школьника. Дис...канд. пед. наук. Белгород, 1997. С. 191.

[2] *Гурко Т.А.* Вариативность представлений в сфере родительства // Социс. 2000. № 11. С. 56—68.

[3] См.: *Лунякова Л.Г.* О современном уровне жизни одиноких матерей // Социс. 2001. № 8. С. 86—95.

[4] См.: *Дементьева И.Ф.* Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // Социс. № 11. 2001. С. 108—113.

[5] International Encyclopedia of Sociology Vol. 2 / Ed.F.N.Magill, London, Chicago. 1995. P. 1005.

[6] См.: *Ruth Sidel.* Women and Child Last: The plight of poor women in affluent America. New York: Viking Press. 1986. P. 124.

[7] *Goldberg Gertrude Schaffner and Eleanor Kremen*, eds. The feminization of poverty: only in America? New York: Garland, 1990.

[8] International Encyclopedia of Sociology Vol. 1. / Ed.F.N.Magill, London, Chicago. 1995. P. 518.

Поступила 21.05.2003.



О.А.БОГАТОВА

МЕХАНИЗМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ[1]

В современном мире актуальной в теоретическом и практическом плане остается проблема «интегрированного многообразия» — гармонизации межнациональных отношений, интеграции различных этнических групп в полиэтническое общество с целью сохранения их культурной самобытности и поддержания внутренней целостности полиэтнических сообществ. В.А.Тишков отметил: «Важно отслеживать процессы и механизмы мирного сотрудничества отдельных людей, коллективов и местно-региональных сообществ в условиях многоэтничности и многоконфессиональности. Опыт мирных взаимодействий не менее важен, чем ссоры представителей элиты или действия этнических и религиозных радикалов»[2].

Рассматривая институциональные формы взаимодействия представителей различных этнических общностей внутри региональной территориальной общности (Республика Мордовия), мы основываемся на данных, полученных в ходе массового этносоциологического опроса по проекту «Механизмы гармонизации межэтнических отношений в региональном социуме (на примере Республики Мордовия)». В 2003 г. НИИ регионологии при Мордовском государственном университете было проведено два полевых исследования: массовый опрос населения «Механизмы гармонизации межэтнических отношений в полиэтническом регионе (на примере Республики Мордовия)» и опрос по анкете Института социально-политических исследований РАН, включавшей ряд вопросов, посвященных этнической проблематике. Оба опроса проводились по квотно-территориальной выборке с учетом возраста, пола, этнической принадлежности респондентов и места их проживания. Объем выборочной совокупности составил в двух опросах 500 чел.

Исследование по проекту «Механизмы гармонизации межэтнических отношений в региональном социуме (на примере

БОГАТОВА Ольга Анатольевна, докторант кафедры социологии Мордовского государственного университета.

Республики Мордовия)» проводилось в июне 2003 г. (анкета исследования называлась «Национальное развитие и межнациональное сотрудничество в Республике Мордовия (состояние и перспективы)».

Цель исследования заключалась в изучении межэтнических отношений Мордовии и выявлении основных социальных факторов, определяющих их характер, а также способов их гармонизации. К задачам исследования относились изучение этнической идентичности представителей различных национальностей (соотношение этнической и гражданской идентичности, моноэтническая и биэтническая (полиэтническая) идентичность, позитивная и негативная этническая идентичность, этнический индифферентизм, гиперэтничность); изучение этнических стереотипов, этноконтактных установок и экспектаций в Мордовии; выявление факторов, формирующих этническую границу в условиях урбанизации и интенсивных межэтнических контактов (языковых, культурных, конфессиональных, политических); анализ и оценка состояния межэтнических отношений в Мордовии и тенденций их развития; выявление основных сфер проявления межнациональных противоречий, а также основных факторов, препятствующих гармонизации межнациональных отношений в Мордовии; определение содержания мероприятий, реализация которых отвечает цели гармонизации межнациональных отношений в национальной республике; выявление этнических процессов, преобладающих на территории республики.

На степень интеграции этнической группы в полиэтническое сообщество и развитие межэтнического сотрудничества в условиях социальных изменений влияют как структурные (демографическая и территориальная структура населения, социальное неравенство, состояние социально-политических институтов, призванных обеспечивать интеграцию групповых интересов), так и сложившиеся этноконтактные установки, традиции межэтнического взаимодействия. В этом плане вполне обоснованным нам представляется мнение Р.Г.Абдулатипова, считающего одним из главных факторов социального регулирования межэтнических отношений культуру межэтнического общения, определяемую им как «совокупность положительных идеологических, морально-психологических установок, социально-нравственных ценностей, норм и требований, регламентирующих поведение личности и группы в сфере межнациональных отношений»[3]. Культура межэтнического общения, как и ее международный аналог — культура мира, слу-

жащая налаживанию диалога между странами и цивилизациями, ориентирует на диалог, сотрудничество, толерантность[4], означающую способность принять партнера по взаимодействию таким, каков он есть.

В ходе опроса, как и в предыдущие годы, большинство опрошенных, независимо от национальности, оценило межэтнические отношения в республике положительно (табл. 1).

Таблица 1

Как бы Вы оценили межнациональные отношения в Мордовии?, %

Варианты ответов	Национальность				Среднее по массиву
	Русские	Мордва	Татары	Другая	
Межнациональные отношения стабильные, добрососедские	72,7	84,0	72,0	75,0	76,4
Имеется межнациональная напряженность, возможны конфликты	6,9	4,9	20,0	12,5	7,0
Имеются в наличии межнациональные конфликты	3,9	2,5	4,0	0,0	3,4
Затрудняюсь ответить	15,8	8,6	4,0	12,5	12,6

Часть респондентов по-прежнему отмечает латентную межэтническую напряженность. Вместе с тем такой субъективный показатель межэтнической напряженности, как проявление неприязни в отношении представителей этнической группы респондента, отмечают около половины опрошенных, в то время как вариант «никогда» — 41,7 %. При этом 4,6 % отметили, что встречались с таким отношением часто, а 44,7 % — редко (табл. 2).

Таблица 2

Приходилось ли Вам сталкиваться в повседневной жизни с неприязненным отношением к людям Вашей национальности? (%)

Варианты ответов	Национальность				Среднее по массиву
	Русские	Мордва	Татары	Другая	
Часто	3,0	6,1	12,0	12,5	4,6
Редко	41,4	48,8	60,0	37,5	44,7
Никогда	44,7	40,9	20,0	12,5	41,7
Затрудняюсь ответить	10,9	4,3	8,0	37,5	9,0

Сравнительный анализ ответов на эти вопросы показывает, что если в оценке характера межэтнических отношений не имеется существенных расхождений между русскими и морд-

вой, с одной стороны, и татарами — с другой, то в ответах на вопрос о проявлениях неприязненного отношения прослеживается несомненная связь с этнической принадлежностью респондентов. Чем меньше размер этнической группы, тем чаще ее представители встречаются с проявлениями этнической неприязни и тем интенсивнее, по их оценкам, эти проявления: неприязнь со стороны других этнических групп ощущают часто или редко около 45 % русских, 55 % мордвы и более 70 % татар.

Таким образом, анализ результатов исследования показывает, что в Мордовии имеется определенный конфликтный потенциал. В повседневной жизни сталкивались с неприязненным отношением к представителям своей национальности около 50 % опрошенных, поэтому первостепенную важность приобретает своевременное выявление причин межнациональных противоречий и факторов, способствующих гармонизации межэтнических отношений.

Опрос позволил конкретизировать сферы проявления противоречий в межэтнических отношениях в республике и заключить, что проявления межэтнической конкуренции наблюдаются на бытовом уровне (42,9 % опрошенных), в межрелигиозных отношениях (23,9 %), органах власти (13,6 %).

Полученные данные позволяют выделить несколько потенциальных конфликтогенных факторов, которые, по мнению населения республики, могут привести к возникновению межэтнических противоречий: экономический кризис (23,0 % опрошенных), неуважение к языку, культуре людей других национальностей в межнациональном поведении (21,6 %), назначение на руководящие должности по национальному признаку (15,5 %), национализм некоторых общественных организаций (13,6 %). Таким образом, потенциальными источниками конфликтов опрошенные считают дефицит материально-экономических ресурсов, усугубляемый экономическим кризисом, несоблюдение культурных или гражданских прав представителями различных национальностей.

Среди причин межнациональных противоречий русские отмечают состояние экономики республики (22,5 %), мордва — неуважение к языку, культуре людей других национальностей (28,7 %), татары — назначение на руководящие должности по национальному признаку (34,4 % экономический фактор по частоте второй среди упомянутых респондентами-татарами). На втором месте по частоте упоминаний у русских неуважение к языку, культуре людей других национальностей (17,6 %), на третьем месте назначение на руководящие

должности по национальному признаку (15,9 %). У мордвы — национализм некоторых общественных организаций (16,8 %), у татар — неуважение к языку, культуре людей других национальностей (18,7 %). Таким образом, выявлена зависимость между этнической принадлежностью респондентов и их мнением относительно причин межэтнических противоречий. Ответы на этот вопрос указывают на проблемы, с которыми относительно часто сталкиваются представители данных этнических групп, и если респондентов мордовской национальности в большей степени беспокоит культурно-языковая проблематика, то татар — этническое представительство в органах власти.

В опросе значительная часть представителей мордовской национальности отметила, что считает недостаточной степень использования языков своей национальности в сфере образования (46,9 %), управления (40,6 %), на телевидении и радио (34,2 %) и в прессе (32,1 %); среди опрошенных татар считают, что их родной язык используется недостаточно в сфере образования 65,4 %, управления — 60,1 %, в прессе — 56 %, в теле- и радиопередачах — 73,1 %. В Мордовии, как известно, выходит (причем нерегулярно) только одна газета на татарском языке и одна радиопередача, телепередачи на татарском языке не ведутся. Развитию мордовского образования и средств массовой информации в республике уделяется значительно большее внимание, однако часть населения, как показал опрос, считает ситуацию неудовлетворительной.

В числе факторов, влияющих на характер межэтнических отношений, важное место принадлежит социально-психологическим аспектам — фрустрации, связанной с межэтническими отношениями, индикаторами которой являются, в частности, оценка межэтнических отношений, опыт негативного межэтнического общения, дискриминации по этническому признаку, и этноконтактным установкам. Как отмечает Л.М.Дробижева, в современной отечественной социологии социальная установка, или аттитюда, понимается «как социально обусловленное отношение к какому-то объекту или явлению, как осознание, оценка, готовность действовать»[5]. При этом она выделяет два типа этнических установок: «*Этнические установки* — это установки, которые имеют место тогда, когда человек, действуя в любой сфере, — профессиональной, политической, культуры и др. — осознает, оценивает и поступает как личность, включенная в этническую группу. *Межэтнические установки* — это установки на взаимодействие (отрицательное или положительное со всеми нюансами) с другими этническими общностями в любой сфере жизнедеятельности и в любом

виде — от личностного общения с людьми иной национальности до восприятия явлений, элементов истории, культуры, типов социально-экономического развития или еще шире — иных цивилизационных форм»[6]. Этноконтактные установки находят выражение в таких социально-психологических образованиях, как этнические стереотипы, предубеждения, предрассудки.

Результаты опросов показывают, что уровень этнической предубежденности в республике невысок. Вместе с тем часть населения испытывает неприязнь к представителям некоторых этнических групп. Так, на вопрос «Есть ли национальности, к представителям которых Вы испытываете неприязнь?» положительно ответили 14,4 % опрошенных, 72,0 % — «нет», 13,6 % затруднились ответить.

В качестве наиболее часто упоминаемых объектов этнической неприязни в опросе населения Мордовии — представители народов Кавказа, включая чеченцев, мигранты из Закавказья и Средней Азии, а также татары, мордва, евреи и цыгане. Наиболее актуальную проблему, по-видимому, представляет «кавказофобия», следствием которой можно считать неприязнь к мусульманам и азиатам вообще, что в данном случае является реакцией на теракты и ситуацию в Чечне. Среди основных этнических групп Мордовии относительно часто упоминаются татары, которые многими воспринимаются как экономически преуспевающее меньшинство (12 раз упомянуты русскими, 8 — мордвой) и мордва (3 раза — русскими, 5 — татарами, 1 раз — мордвином-эрзей (мордва-мокша)). При этом процент упоминания каждой этнической группы ничтожен (так, к татарам декларировали свою неприязнь 4 % опрошенных, мордве — 1,8 %). Неприязни по отношению к русским в данном опросе, как и в более ранних опросах населения Мордовии, не зафиксировано.

В ходе опроса была сделана попытка выяснить мнения населения о приоритетных направлениях национальной (этнокультурной) политики в настоящее время и о содержании мероприятий, призванных способствовать гармонизации межэтнических отношений в республике.

Анализ ответов на вопрос о мероприятиях, которые могли бы способствовать гармонизации межэтнических отношений в республике (табл. 3) показывает, что у значительной части опрошенных отсутствуют четкие представления об их содержании (38,6 %, в том числе 43,9 % русских, 32,0 % мордвы и 21,2 % татар затруднились ответить на этот вопрос). Объяснить это обстоятельство можно тем, что многие не воспри-

нимают этнические проблемы в качестве актуальных. Некоторые из опрошенных заявили, что межнациональные отношения в республике «уже гармонизированы». Из табл. 3 видно, что распределение мнений остальной части респондентов не во всем совпадает с мнениями экспертов.

В числе мероприятий, наиболее часто упоминаемых, были обеспечение справедливого представительства различных национальных групп населения в органах власти (28,8 %, в том числе 27,2 % русских, 31,4 % мордвы и 36,4 % татар), содействие деятельности национально-культурных объединений (28,8 %, в том числе 26,1 % русских, 32,5 % мордвы и 42,4 % татар), оперативное принятие мер экономического и социального характера для устранения наиболее острых причин возникновения межнациональной напряженности (23,0 %, в том числе 23,0 % русских, 21,9 % мордвы и 21,2 % татар).

Таблица 3

Распределение мнений респондентов о содержании мероприятий, которые могли бы способствовать гармонизации межнациональных отношений в Мордовии в зависимости от этнической принадлежности, %

Варианты ответов	Этнические группы			Всего
	Русские	Мордва	Татары	
1	2	3	4	5
Расширение сферы применения мордовских языков как государственных (в сфере управления, образования и т.д.)	10,8	17,2	3,0	12,3
Обеспечение справедливого представительства различных национальных групп населения в органах власти	27,2	31,4	36,4	28,8
Содействие деятельности национально-культурных объединений	26,1	32,5	42,4	28,8
Оперативное принятие мер экономического и социального характера для устранения наиболее острых причин возникновения межнациональной напряженности	23,0	21,9	21,2	23,0
Увеличение количества теле- и радиопередач на мордовских языках	5,9	9,5	3,0	6,8
Увеличение количества теле- и радиопередач на татарском языке	2,4	0,0	33,3	3,2
Создание условий для изучения мордовских языков в школах, вузах, других учебных и воспитательных учреждениях	9,4	18,9	0,0	12,1

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5
Создание условий для изучения татарского языка в школах, вузах, других учебных и воспитательных учреждениях	1,7	1,8	27,3	3,2
Затрудняюсь ответить	43,9	32,0	21,2	38,6
Другое	1,4	0,6	6,1	1,3

Здесь вновь прослеживается зависимость ответов респондентов от их этнической принадлежности. Так, у русских и мордвы на третьем месте по количеству упоминаний находится оперативное принятие мер экономического и социального характера для устранения наиболее острых причин возникновения межнациональной напряженности, у татар — увеличение количества теле- и радиопередач на татарском языке. Частое упоминание представителями всех этнических групп обеспечения справедливого этнического представительства в органах власти объясняется, по-видимому, тем, что этнический состав органов власти в Мордовии, как и в других республиках, является объектом постоянного внимания и обсуждения со стороны населения.

Одним из приоритетных направлений национальной политики опрошенные признают сотрудничество органов власти с этнокультурными организациями. При этом опрос показал, как и в 90-е гг., низкую степень осведомленности населения о деятельности таких организаций. В ходе опроса выяснилась любопытная закономерность: доля респондентов, считающих, что то или иное общественное объединение способствует гармонизации межэтнических отношений, в несколько раз превышает количество тех, кто вообще что-либо знает о его деятельности. Чаще упоминаются «Межрегиональное общественное движение мордовского (мокшанского и эрзянского) народа» (22,2 %) и фан-клуб «Торама» (который, очевидно, отождествляется населением с одноименным ансамблем) — 29,1 %, а также Консультативный комитет финно-угорских народов (18,0 %) и общество татарской культуры «Якташлар» (16,5 %). Доля респондентов, знающих о деятельности других организаций, еще меньше.

Стоит отметить, что среди представителей отдельных этнических групп осведомленность о деятельности этнокультурных организаций, ставящих своими задачами этнокультурное развитие и защиту интересов именно этих групп, на 10—25 %

выше по сравнению с другими национальностями и оценка их деятельности, соответственно, носит более позитивный характер. Так, о деятельности Межрегионального движения мордовского народа знают 16,7 % опрошенных русских, 34,0 — мордвы и 16,7 % татар; оценивают ее положительно 55,4 % русских, 69,7 мордвы и 41,2 % татар. Знают о деятельности Консультативного комитета финно-угорских народов 15,7 % опрошенных русских, 23,5 — мордвы и 13,0 % татар, а одобряют ее 40,4 % русских, 54,1 — мордвы и 31,3 % татар. О деятельности общества татарской культуры «Якташлар» знают 13,1 % опрошенных русских, 13,7 — мордвы и 70,8 % татар; одобряют ее 21,1 % русских, 29,6 — мордвы и 82,4 % татар. Таким образом, ответы респондентов свидетельствуют о том, что существенная их часть доверяет тем или иным организациям, вообще ничего о них не зная.

Среди других мероприятий на четвертом месте по частоте упоминаний у мордвы и татар находится создание условий для изучения мордовского и татарского языков в образовательных учреждениях (18,9 % мордвы и 27,3 % татар). То же самое можно сказать и о расширении сферы применения мордовских языков как государственных, которое признают условием, способствующим гармонизации межнациональных отношений в республике, 12,3 % респондентов, в том числе 10,8 % русских, 17,2 — мордвы и 3,0 % татар.

Анализ результатов опроса показал, что одним из важнейших институциональных механизмов гармонизации межэтнических отношений в республике является развитие этнокультурного образования. На вопрос о предпочитаемом языке обучения детей и внуков были получены следующие ответы (табл. 4).

Таблица 4

Предпочитаемый язык обучения детей (внуков), %

Язык	В начальных кл. (1—4)	В 5—9 кл.	В 10—11 кл.
Мокшанский	5,1	0,7	0,5
Эрзянский	6,2	2,1	1,4
Русский, с преподаванием одного из мордовских языков как предмета	25,8	26,8	22,1
Русский, с преподаванием татарского языка как предмета	3,5	3,9	3,1
Только русский	52,6	52,2	54,8
Татарский	1,5	0,9	1,2
Один из западно-европейских языков	4,8	13,4	15,1
Один из восточных языков	0,4	0,0	1,9

Как видно из табл. 4, большинство респондентов предпочитает обучать своих детей и внуков в русской школе. Однако ответы на этот вопрос сильно дифференцированы в зависимости от национальности респондентов и в меньшей степени от уровня обучения (табл. 5).

Таблица 5

Предпочитаемый язык обучения детей и внуков в зависимости от этнической принадлежности, %

Язык	Этнические группы						
	Мордва-мокша	Мордва-эрзя	Мордва*	Мордва, всего	Русские	Татары	Другие
В качестве основного языка обучения в начальных кл. (1—4)							
Мокшанский	16,4	4,2	12,5	9,3	2,6	8,3	0,0
Эрзянский	3,6	25,0	8,3	14,7	2,2	0,0	0,0
Русский, с преподаванием одного из мордовских языков как предмета	43,6	43,1	25,0	40,0	19,9	4,2	25,0
Русский, с преподаванием татарского языка как предмета	0,0	0,0	0,0	0,0	1,8	45,8	0,0
Только русский	36,4	25,0	54,2	34,7	65,1	20,8	62,5
Татарский	0,0	0,0	0,0	0,0	0,7	16,7	12,5
Один из западно-европейских языков	0,0	2,8	0,0	1,3	7,0	4,2	0,0
Один из восточных языков	0,0	0,0	0,0	0,0	0,7	0,0	0,0
В качестве основного языка обучения в 5—9 кл.							
Мокшанский	1,9	0,0	8,3	2,1	0,0	0,0	0,0
Эрзянский	0,0	2,9	4,2	2,1	2,3	0,0	0,0
Русский, с преподаванием одного из мордовских языков как предмета	50,9	56,5	16,7	48,3	17,2	0,0	14,3
Русский, с преподаванием татарского языка как предмета	0,0	2,9	0,0	1,4	1,5	55,0	0,0
Только русский	43,4	34,8	50,0	40,0	59,8	35,0	71,4
Татарский	0,0	0,0	0,0	0,0	1,1	0,0	14,3
Один из западно-европейских языков	3,8	2,9	20,8	6,2	18,0	10,0	0,0
Один из восточных языков	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
В качестве основного языка обучения в 10—11 кл.							
Мокшанский	0,0	0,0	4,2	0,7	0,4	0,0	0,0
Эрзянский	2,0	0,0	4,2	1,4	1,6	0,0	0,0
Русский, с преподаванием одного из мордовских языков как предмета	33,3	52,2	20,8	41,1	13,3	4,5	14,3
Русский, с преподаванием татарского языка как предмета	0,0	0,0	0,0	0,0	1,2	45,5	0,0
Только русский	51,0	38,8	50,0	44,7	62,0	36,4	51,7
Татарский	2,0	0,0	0,0	0,7	1,2	0,0	14,3
Один из западно-европейских языков	9,8	9,0	12,5	9,2	18,8	9,1	14,3
Один из восточных языков	2,0	0,0	8,3	2,1	1,6	4,5	0,0

* Без указания субэтнической принадлежности.

Как видно из табл. 5, если респонденты-русские отдают на всех ступенях обучения предпочтения родному языку, и лишь 15—20 % хотели бы, чтобы их дети изучали в средней школе мордовские или татарский язык в качестве предмета, то 40—50 % мордвы и татар предпочитают на различных ступенях обучения вариант «русский язык с преподаванием родного языка как предмета», что соответствует национальной школе второго уровня. При этом приоритет отдается все же русскому языку: даже в 1—4 кл. предпочитают изучать мокшанский или эрзянский язык в качестве основного языка обучения (национальная школа первого уровня) всего 24 % опрошенных мордовской национальности, татарский — 16,7 % татар; в 5—9 кл. эта доля падает до 4,2 %, в старших — до 2,1 %. а доля респондентов мордовской национальности. предпочитающих обучать своих детей только на русском языке. возрастает на 10 % в зависимости от ступени обучения: с 34.7 % в начальной школе до 44,7 % в 10—11 классах, татарской — с 20,8 % в начальной школе до 36,4 % в 10—11 классах.

Индикатором мнения населения республики о том, какими должны быть основные принципы этнокультурной политики могут служить ответы на вопрос о содержании государственной идеологии (национальной идеи). Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, есть ли необходимость создания в России общегосударственной идеологии (национальной идеи)?» показали, что около половины опрошенных (41,3 %, в том числе 39,2 % русских, 44,7 % мордвы и 45,8 % татар) считают, что общенациональная идея нужна; 21,7 %, в том числе 19,9 русских, 24,8 мордвы и 20,8 татар не видят в этом необходимости и 37,0 % опрошенных затруднились ответить. При этом на открытый вопрос о предполагаемом содержании национальной идеи ответ дали только около 20 %. Мнение остальных, возможно, выразил респондент, написавший на полях анкеты: «Это зависит от руководства». Мнения о содержании национальной идеи представителей различных национальностей можно сгруппировать следующим образом.

1. Патриотизм, национальная гордость (русские ответили: «Россия — сверхдержава», «могучая Россия, единая Россия, от каждого зависит положение страны», «у России особая миссия», «гордость за Россию», «стремление к выходу на мировой уровень. Хочу, чтобы Россию уважали»; мордва — «в любви к России общество должно сделать все для того, чтобы Россия была великой», «любовь к России», «РФ — это сильное государство», «воспитание чувства самоуважения и нацио-

нальной гордости», «выбор будущего России — свой самобытный путь развития, не похожий ни на Запад, ни на Восток»; татары — «в России одна национальность — россиянин», «чувство единства и ответственности россиян за судьбу своей страны» и т.п., всего 29 ответов).

2. Сотрудничество народов России и их равноправие («уважение традиций и обычаев всех народов», «единство народов», «равенство, дружба народов», «все национальности будут равны, мордва не будет привилегированной нацией», «она должна объединять все национальности РФ и не допускать возвышения одной над остальными», «народы России должны находиться в постоянной дружбе, сотрудничестве, взаимопомощи» (русские); «сплочение народов России», «дружественное, даже братское отношение к представителям других национальностей», «участие всех наций в возрождении России» (мордва); «равенство всех национальностей, развитие культурных традиций», «объединение национальных интересов в единое целое», «чтобы все нации изучали в школе свой родной язык, каждый изучал свою религию. Это необходимо для воспитания подрастающего поколения», «все нации должны между собой дружить» (татары), всего 28 ответов).

3. Необходимость повышения уровня жизни, экономического благосостояния населения («искоренить вредные привычки, поднять уровень жизни», «благополучие людей», «духовное и экономическое возрождение. Любовь к «отеческим гробам», забота о будущем поколении, улучшение экологической ситуации», «выход на нормальный уровень жизни для всех слоев населения» (русские); «повышение экономического благосостояния народа», «общая экономическая политика и глобализация капитала», «обеспечение граждан всем необходимым для жизни — т.е. экономическое и духовное благосостояние» (мордва), всего 13 ответов).

4. Духовность, ориентация на «постматериалистические» ценности, развитие культуры («повышение уровня морали и нравственности», «развитие культуры и духовности» (русские); «высокая духовность всех слоев общества, в первую очередь, богатых, руководителей всех рангов», «русская космическая философия», «государство души», «народ, отечество, душа», «повышение духовности» (мордва), всего 10 ответов).

5. Приводится набор тех или иных ценностей или идеологем («мир во всем мире», «семья, школа, армия», «здоровый образ жизни» (русские); «равенство и братство, как было», «созидание, примирение, порядок», «равенство, порядок», «совесть,

благородство и достоинство страны и каждого гражданина» (мордва), всего 12 ответов).

6. Необходимость сплочения граждан страны («только сближение, единение и т.п.», «выработка единой идеологии», «равноправие и единение людей» (русские); «мир, дружба, взаимоподдержка», «единство» (мордва), всего 8 ответов).

Нетрудно заметить, что идея «дружбы народов» в ее советском понимании по-прежнему пользуется в республике поддержкой населения. Из ответов также видно, что значительная часть опрошенных не забывает об этнических проблемах. Вместе с тем все большую популярность приобретают идеи гражданского патриотизма, объединения усилий представителей всех национальностей ради решения социально-экономических и других проблем, стоящих пред страной.

Подводя итоги, можно отметить, что в настоящее время этническая (национальная) политика в регионах России строится на основе принципов культурного плюрализма (мультикультурализма) и обеспечения равенства прав жителей региона независимо от этнической принадлежности. Опыт Мордовии показывает, что именно формула многокультурности, единства во многообразии в наибольшей степени отвечает цели гармонизации межэтнических отношений.

Таким образом, результаты опросов свидетельствуют о необходимости проведения сбалансированной этнической политики, учитывающей сложившуюся ситуацию и интересы всех этнических групп региона, основанной на научном программном методе регулирования межэтнических отношений. К числу приоритетных направлений этнической политики в Мордовии эксперты относят поддержку деятельности этнокультурных организаций и развитие этнокультурного образования. Именно партнерство с этническими организациями составляет одно из важнейших направлений национальной политики в республике.

Совместное проживание различных этнических групп на территории республики создает предпосылки как для развития контактов между представителями различных национальностей, межэтнического сотрудничества, так и для межэтнической конкуренции. В целом стабильный, добрососедский характер межэтнических отношений в регионе не исключает проблем и противоречий в межэтнических отношениях, к основным сферам проявления которых в Мордовии относятся межличностное общение, религиозная жизнь, управление. Результаты опросов показали, что проблемы в отношениях между людьми различных национальностей проявляются на

бытовом уровне, политизация этничности выражена слабо. Этнические проблемы, характерные для Мордовии, связаны с культурными отличиями, возможностями сохранения этнокультурной специфики различных этнических групп при одновременной их интеграции в полиэтническом социуме, выбором оптимальных способов государственной поддержки языка и культуры этих групп.

Большинство опрошенных жителей Мордовии имеет позитивный опыт межэтнического общения, однако это не исключает проявлений этнической неприязни в сознании и поведении. При этом количественные показатели, характеризующие распространенность неприязненного отношения к той или иной этнической группе, обратно пропорциональны ее численности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ 03—03—00492 а/в).

[2] *Тишков В.А.* Перспективы этноконфессионального мониторинга // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюл. № 31. 16—31 марта 2002 г. С. 6.

[3] *Абдулатипов Р.Г.* Основы национальных и федеративных отношений. М., 2001. С. 224—225.

[4] Там же. С. 224.

[5] *Арутюнян Ю.В.* / Ю.В.Арутюнян, Л.М.Дробижева, А.А.Сусоколов. Этносоциология: Учеб. пособ. для вузов. М., 1999. С. 189.

[6] Там же.

Поступила 15.10.2003.



И.М.ВЕЛЬМ

РОЛЬ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

Каждый народ занимает определенную природную нишу, что сказывается на особенностях его национального менталитета. «Душа народа, — писал И.А.Ильин, — находится в живой и таинственной взаимосвязи с его природными условиями и потому не может быть достаточно объяснена и понята без этой взаимосвязи»[1] Природно-климатический и социально-исторический факторы формирования менталитета включают в себя природно-географический аспект (местоположение этноса), особенности климата и почв, отношения с соседями.

Анализируя этническую культуру как закономерный, обусловленный разнообразными факторами процесс, обладающий в то же время и собственными, имманентными особенностями, необходима рефлексия общего основания, развивающего социокультурные процессы и явления на всем протяжении развития этноса. Таковым в каждой этнической культуре является совокупность наиболее значимых условий внеисторического характера, к которым относятся геополитическое положение, ландшафт, биосфера, фундаментальные свойства этноса и его ближайшего этнического окружения, представление о духовном и поведенческом своеобразии народа и его культуры, национальном характере его представителей и национальной исторической судьбе, национальном «образе мира».

Историей было уготовано удмуртам жить между лесом и степью, татарами и русскими, исламом и христианством. Существуя в таком окружении, вполне естественно стремление этноса сохранить свою целостность, однако отношение к действительности у народов проявляется по-разному. В этнографической и исторической науке существует мнение, что, к примеру, русские и татары более активны и мобильны в ос-

ВЕЛЬМ Иван Матвеевич, доцент кафедры социального управления Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук.

воении мира, нежели их соседи — удмурты, которые более гармоничны в отношениях с природой, поэтому и более пассивны[2] Естественно, эта особенность в течение развития удмуртского этноса изменялась в соответствии с социально-экономическими и политическими условиями существования.

Схема раннего периода ассимиляции восточных финнов распространима и на удмуртов. По летописям видно, что ко времени прихода на среднюю Вятку новгородцев в конце XII в., местное население имело здесь свои городища, но, очевидно, не было организовано в военном плане, что позволило небольшим отрядам ушкуйников, выполнявшим военно-разведывательную операцию, разгромить их укрепления и утвердить военно-политическое господство, что, видимо, привело к появлению там князей (или их предтеч батыров, не имевших пока профессиональных военных дружин). Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что ни социальной иерархии, ни развитой административно-политической структуры удмурты до первых серьезных военных столкновений не имели в силу их невостребованности. Межэтнические контакты и интересы этнической безопасности обусловили необходимость более ускоренного социально-политического развития, классового расслоения и сопротивления полной ассимиляции. Еще Н.Я.Данилевский отмечал, что переход из этнографического состояния в государственное, или культурное, обусловливается толчком или рядом толчков внешних событий, возбуждающих и поддерживающих деятельность народа в известном направлении[3].

Исторические судьбы у разных народов весьма различны, отличается и восприятие окружающего мира. «Каждой культуре присущ уже вполне индивидуальный способ видения и познания мира-как-природы, или — что одно и то же — у каждой есть своя собственная, своеобразная природа...»[4].

Общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, принципиально невозможна, поскольку все этносы имеют разные вмещающие ландшафты, прошлое, настоящее во времени и пространстве. Культура каждого этноса своеобразна и именно эта мозаичность человечества как вида придает ему пластичность, благодаря которой вид Homo sapiens выжил на планете Земля[5]. В повседневной деятельности и труде человек приспосабливается к обычной для него природной среде, вырабатывая при этом определенные стереотипы поведения, привычки и навыки, а также закрепляющие их психологические установки, эмоциональные реакции, задающие контуры национального характера. Наконец, в определенной связи с услови-

ями деятельности людей находятся нормы и идеалы их культуры, предпочтения и отрицательные реакции, совокупность которых обозначается понятием «менталитет». Географический ландшафт воздействует на организм принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. «Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т.д. — все это накладывает особый отпечаток на организмы»[6].

Человечество в отличие от прочих видов млекопитающих разнообразно, ибо человек не имеет природного ареала, а распространен, начиная с верхнего палеолита, по всей суше планеты. Адаптивные способности человека на порядок выше, чем у животных. Значит в разных географических регионах и в разные эпохи люди и природные комплексы (ландшафты и геобиоценозы) взаимодействуют по-разному.

Этнос и природная среда составляют единую экологическую систему. Этнос, функционируя долгое время в той или иной природной среде, по крайней мере на начальных этапах развития, вынужден приспосабливаться к ней, формируя специфические способы ее освоения. Эти факторы определяют своеобразный склад характера представителей этноса, ряд психологических предрасположенностей и эмоциональных проявлений, которые оказывают влияние на формирование ценностей, стереотипов мышления и поведения этноса.

Удмуртский народ издревле занимает бассейн рек Камы и Вятки — зону преимущественного распространения северных хвойных лесов, многочисленных рек, речушек и родников. Здесь достаточно суровый континентальный климат с холодной зимой и непродолжительным весенне-летним периодом, несбалансированными осадками. Лес являлся концептом «натурфилософии» удмуртов, определившим основные культурные характеристики этнического ландшафта и экологическое поведение людей в нем. Это поведение во многом характеризовалось личностным отношением к пространству, которое проявлялось в эмоционально-моторном освоении территории, генетически восходящем к традициям культуры охотников и собирателей.

Человек, живущий в лесу, должен был стать частью природы, чтобы добиться получения в ней постоянных результатов, а это значит действовать соответственно устоявшемуся природному ритму. Эти обстоятельства обусловили формирование зависимости удмуртов от природного лесного окружения, что послужило фоном для развития таких черт характера, как неторопливость, доходящая до медлительности, методич-

ность в выполнении работ, сдержанность в проявлении чувств. Деятельность в лесу оказала определенное влияние и на формирование эмоционального склада. Исследователи отмечают предрасположенность удмуртов к пассивному флегматичному типу темперамента. Один из дореволюционных исследователей удмуртов писал: «В психическом складе Вотяка две черты представляют собой несомненный результат влияния окружающей обстановки — сдержанность в проявлении впечатлений, которая ведет за собой молчаливость, и безграничная способность терпеть — «покорность судьбе до конца». Молчат угрюмые леса, окружающие со всех сторон Вотяка, молчит и он, заряжаясь состоянием среды»[7].

Большую роль играла необходимость тонко чувствовать, воспринимать и соотносить различные факты действительности. В лесном массиве, представляющем собой во многом закрытое, замкнутое пространство, удмурт должен был воспринимать явления в комплексе, находить между ними сходства, чтобы по различным приметам ориентироваться, определять возможность получения того или иного результата.

Живая связь с природной средой лежит в основе ментальности язычника-удмурта и определяет его отношение к миру. Захватывающе грандиозными должны были казаться ритуалы, совершаемые некогда первобытными охотниками сначала в пещерных гротах, затем у подножия мощных скальных выступов, под бескрайним ночным небом. Тогда события человеческой жизни были так же грандиозны, как и события жизни природы.

Пространство в представлениях удмуртов не являлось универсальной ментальной категорией, а воспринималось как совокупность уникальных пространств (полей, рек, холмов, рощ и т.д.) и отдельных природных объектов, обладавших различным семиотическим статусом. Значительность и знаковость того или иного территориального объекта определялась местоположением самого определителя, закреплялась в коллективном сознании его социума и менялась в зависимости от выбора конкретной технологии практического и духовного освоения среды. «Первоначальное восприятие пространства было скорее ощущением, а не представлением — это качественно неравномерное пространство»[8].

Существование в течение длительного времени комбинированной системы земледелия, сочетавшей в себе достоинства трехполья, подсеки и перелога, что связано с природными условиями края, приводило к необходимости кооперации уси-

лий родственных коллективов. Это обстоятельство среди прочих обусловило склонность удмуртов к общественной, общинной жизни, что оказало влияние на формирование предрасположенности к корпоративному поведению и осознанию себя в единстве со своим социальным окружением. Традиционная агрокультура складывалась в постоянном приспособлении к климатическим и почвенным условиям края и развивалась преимущественно экстенсивным путем. У удмуртского этноса значительно дольше, чем у других народов края, сохранялись древние формы обработки земли. Этому способствовало наличие незанятых, пригодных для сельскохозяйственного освоения территорий и натуральность хозяйства, где не возникало проблемы излишков продукции. Находясь в постоянной зависимости от природы, удмурты привыкли довольствоваться малым, возникла определенная психологическая установка на неприхотливость, имущественное и социальное равенство.

Важнейшей чертой картины мира, сложившейся у чепецких удмуртов на основе исторического опыта, является ощущение глубокой враждебности всего этносоциального окружения. На первом месте по результатам и силе отрицательного воздействия на удмуртский мир находились, в представлении удмуртов, служители местного аппарата власти (воеводы, подъячие, приставы, рассыльщики и т.д.). Во взаимоотношениях с более сильными соседями удмурты оказывались часто стороной, подвергающейся обидам и несправедливостям. Это обстоятельство, вероятно, в числе прочих способствовало формированию комплекса национальной неполноценности и национального нигилизма, когда «я — удмурт» произносится с немалой долей извинения.

Отсутствие политического объединения во многом объясняется слабой социальной дифференциацией в удмуртских общинах, неразвитостью традиций лидерства, хозяйственно-экономической разрозненностью общин, ставшей результатом раздельного переселения групп удмуртов. Немалую роль сыграло и то, что сложившаяся ко времени присоединения удмуртов к России социальная структура этноса была усечена за счет почти полной ликвидации патриархально-феодальной элиты. Внутренней реакцией на эти обстоятельства стали психологический надлом, ощущение своей беспомощности и бессилия, своеобразное оцепенение. «Мы, отяки, бедные и беспомощные разоренные людишки»[9] — начинают, как правило, удмурты челобитные. И это отнюдь не гипербола, а достаточно точное выражение внутреннего мироощущения удмурта.

Удмурты, стремясь защитить от разрушения свою этническую культуру, ограничивали опыт общения с внешним миром через уход в себя, свой социальный микромир, что оказало влияние на развитие таких черт характера и психологического склада личности как робость, безынициативность, боязнь конфликтов. Враждебным внешним обстоятельствам, победить которые удмуртский мир не в силах, противопоставлялись «смирение и простота». Удмурты стремились неукоснительно выполнять требования властей, вовремя, без недоимок платить подати и терпеливо сносить поборы и разорения воевод и их помощников, отлично зная, что они не имеют под собой никаких законных оснований. Позже А.И.Герцен показал эту черту удмуртской ментальности с выразительной силой художественного обобщения. Удмурт, которому он высказал свое удивление по поводу бедности удмуртской деревни, доверительно сообщил ему: «Что, бачка, делать? Мы бедны, деньги бережем на черная дня. Черная дня, когда исправник да поп приедут»[10] Реакция удмуртского мира на это агрессивное, враждебное внешнее окружение — усиление, укрепление коллективности, корпоративности.

В книге немецкого философа В.Шубарта развивается мысль о существовании четырех типов «исторического человека» (человека как субъекта истории) и четырех типов культуры. Эти типы сменяют друг друга и в зависимости от своего доминирования создают гармоничного, героического, аскетического и мессианского человека. Они отличаются друг от друга той жизненной установкой, которую люди принимают по отношению ко Вселенной. Гармоничный человек воспринимает Вселенную как космос, одушевленный внутренней гармонией и не подлежащий человеческому управлению или упорядочению, а долженствующий быть лишь созерцаемым и любимым. Героический человек видит в мире хаос, который он должен упорядочить своей преобразующей силой. Здесь все в движении. Аскетический человек переносит бытие как заблуждение, от которого он пытается скрыться в мистической сути вещей. Он покидает этот мир без надежды и желания улучшить его. Мессианский человек чувствует себя призванным создать на земле более возвышенный, божественный порядок, образ которого он скрыто носит в себе[11] По его мнению, эти архетипы можно определить ключевыми положениями: согласие с миром, бегство от мира и освящение мира. Гармоничный человек живет в мире и со всем миром, связанный с ним в одно целое, аскетический отвращается от мира, героический и мес-

сианский вступают с ним в противоборство. Гармоничный и аскетичный человек — статичны, два других — динамичны. Картины мира у гармоничного и мессианского человека сходны между собой. Однако то, что первый воспринимает как данность, другой видит лишь как дальнюю цель. Характеризуя этнопсихологические особенности удмуртского этноса, мы с полным основанием можем отнести его к гармоническому типу «исторического человека».

Следует отметить, что наряду с эоническими архетипами земля и климат соучаствуют в формировании человека. Они накладывают на его лик те черты, по которым и различаются народы и расы. В молитвах местным богам отдается должное как раз этим силам. Из духа земли вырастает душа народа. Этот дух определяет его родовые национальные качества. Силы почвы фундаментальнее и прочнее сил крови. Почвенные силы меняются лишь в ходе миллионов лет, и если подойти к ним с короткой меркой человеческой истории, то они покажутся постоянными, в то время как силы крови, как все живое, подвержены законам старения[12]

Влияние особенностей природной среды явственно обнаруживается также в чувственно-эмоциональном компоненте этнического менталитета удмуртов. «Кровь и земля — два различных элемента, которые в понятийном плане не имеют между собой ничего общего. Принципом крови руководятся кровные кланы, союзы людей одной крови, независимо от того, где они проживают. Принцип земли обусловливает территориальное единство людей, обитающих на данном пространстве вне зависимости от их крови. Дух ландшафта обусловливает различия в пространстве, дух эпохи — различия во времени»[13].

Существование человека в аграрно-традиционалистских обществах всегда опосредовано коллективом: семьей, общиной, родом, племенем. Беспрекословное подчинение членов семьи воле главы — безусловное, не подлежащее обсуждению и не вызывающее сомнений правило существования удмуртского мира. Необходимой ценностью, иметь которую следовало каждому члену общины, была семья. Это вполне объяснимо, так как она была первичной хозяйственной ячейкой, в рамках которой воспроизводилась жизнь и производились материальные и духовные блага.

Установка на гармонию отношений с миром и обществом, по-видимому, была характерна для всех уральских народов. Например, в Калевале мотив образования мира и людей схо-

ден с удмуртским: здесь тоже все происходит без конфликта, возникает из природы[14] В связи с этим В.В.Напольских, анализируя и сравнивая прауральский и праиндоевропейский мифы о возникновении мира, считает характерной для прауральской традиции установку на гармонию в мире, а девиз ментальности выражает через формулу «живу в согласии»[15]

Удмурт, живший в традиционном обществе, являлся составляющей иерархии крестьянских сообществ: семьи, деревенской общины, волостной общины, которая в свою очередь входила в состав какого-либо стана. Объяснение противоречию между стремлением к корпоративности и нежеланием занять в этой корпорации руководящее положение старосты, целовальника и т.д. следует искать в исходной посылке. Установка на высокую ценность коллектива, необходимость его сохранения во что бы то ни стало, воспитываемое с младенчества желание слиться с коллективом, ничем не выделяться из него отнюдь не способствовали становлению яркой личности, с сильным характером, способной вести за собой одних и подавлять других[16].

В период с XIII по XVI в. гармония с миром осуществлялась через взаимовыгодное сосуществование на одной территории. Когда сопротивление давлению булгар и русских стало невозможным, народ был вынужден оградить себя рамками общины, стать, с одной стороны, скрытным и подозрительным, с другой — терпеливым, покорным вплоть до самоунижения. В определенной степени это привело к ущербности правосознания, потере веры в нравственную и практическую ценность права.

Коллективизм вырабатывался как культурная норма, требующая подчинения мыслей, воли и действий индивида требованиям социальной среды. Эта норма складывалась в условиях общинной жизни патриархального быта. Она, с одной стороны, способствовала организации крестьянского труда и всего уклада деревенской жизни (решение вопросов «всем миром»), а с другой — получала одобрение со стороны власть имущих, поскольку облегчала управление людьми.

Из десятилетия в десятилетие, из века в век в сознании удмурта складывался стереотип: единство, общность, корпорация — высшая ценность, одно из главных условий выживания в экстремальных условиях, в которых оказался удмуртский мир. Выделение личности из корпоративной среды: семьи, общины, мира воспринималось удмуртами настороженно и враждебно. Причина этого явления заключается в том, что

«коштаны, ябедники, наговорщики и горланы» могли позволить себе не считаться с регламентирующими нормами обычного права. Они активно использовались в корыстных интересах представителями феодально-бюрократического аппарата власти.

Гиперболичны были вера и преданность удмуртов царю-батюшке. В условиях тяжелого налогового бремени оставался единственный, не раз уже апробированный способ выживания — апелляция к верховной власти, царю, великому князю. Из содержания челобитных, напоминающих мольбы-куриськоны к верховному божеству Инмару, следует, что в системе социальных представлений удмуртов царь играл роль, адекватную роли Инмара. Разница заключалась в том, что в куриськонах, обращенных к божеству, удмурты выдвигали и обосновывали позитивный идеал, должный воплотиться волею Инмара[17] В челобитных, направленных к царю, удмуртский мир просил об избавлении от самых негативных явлений, грозящих существованию народа. Разница заключалась также в том, что перед Инмаром — добрым божеством, удмурты чувствовали себя детьми, над которыми должна простираться его забота, самые сокровенные желания которых он постарается выполнить. Перед царем удмурты выступали сиротами, бедными и беспомощными, беззащитными, разоренными и бредущими врознь людишками, и милость царя могла последовать лишь в самом крайнем случае, когда положение становилось невыносимым.

Необходимо отметить, что для удмуртов время — не абстракция, а живая связь поколений, благодаря которой на земле сохраняются удмуртские «род и племя». Забота о сохранении «рода и племени» развивает и экологическое сознание. Жизнедеятельность крестьянина, ведущего по преимуществу натуральное хозяйство, напрямую связана с природным ландшафтом. Нарушение сложившегося баланса между угодьями наносит непоправимый урон хозяйству. И не удивительно, что предметом особой заботы удмуртов были охотничьи угодья.

Прослеживая процесс колонизации, М.Г.Худяков показывает как складывался под ее влиянием национальный менталитет удмуртов. «Коренное вотское население с грустью смотрело, как количество земель уменьшается, леса вырубаются, реки мелеют, пушные звери исчезают, урожаи становятся редкими... Удмурты сосредоточенно молчат и терпеливо смотрят на это чуждое им, полное неукротимой силы движение». Все это, по его мнению, стесняло свободу удмурта, и он углублялся в себя, свой внутренний мир. «Пути к активному

проявлению своей деятельности были для вотяков закрыты, и поневоле их характер становился пассивным, созерцательным»[18].

Следует подчеркнуть, что самоизоляция несла комплекс негативных последствий. Если этнос действует как закрытая система, то он подвержен энтропии, внутреннему распаду, не имеет достаточных импульсов для развития и самоорганизации. Установка на изоляционизм обеспечивала трансляцию из поколения в поколение устоявшихся ценностей аграрно-традиционалистского общества, но механизмы его движения вперед, саморазвития отсутствовали или действовали весьма слабо. Таким образом, психологически установки на изоляционизм не способствовали не только развитию этноса, но и становлению личности, способной действовать и выживать в условиях неудмуртского окружения. Исподволь формировался и генетически закреплялся преобладающий тип интроверта, проявляющего изобретательность, ум, смекалку, и вообще достаточно уютно чувствующего себя в корпоративной среде, но теряющего эти качества в иноэтническом окружении.

Социальным институтом, оказавшим глубокое воздействие на генезис этнического менталитета удмуртского этноса, выступает община. Более полутора веков в отечественной социально-философской литературе не прекращается спор о происхождении общины, ее возможностях в построении более справедливого общественного устройства на коллективистских началах. При этом оценки общины всегда были и остаются диаметрально противоположными. Здесь нет необходимости давать характеристику этим оценкам, а следует лишь отметить, что община прививает человеку специфическое понимание смысла жизни, связанное со служением «миру». Осуществляя строжайший контроль, она сдерживает остроту проявления в менталитете своеволия, страсти к разгульной жизни и одновременно поощряет честность, бескорыстность, скромность, совестливость, уважительное отношение к старшим и власти.

Экстремальность природно-климатических условий, эксцессы тюркской и русской колонизации, насильственная христианизация, чрезмерность фискального тягла, ложившегося тяжелым бременем на крестьянство, детерминировали поиски оптимальной социально-экономической организации, соответствующей ментальным качествам удмуртов. На вызовы природы и истории удмуртский народ ответил образованием общины. Удмуртские крестьяне твердо следовали общинному укладу, который соответствовал их представлениям о свободе личности. Община культивировала ценности, ставшие неотъем-

лемой частью этнического менталитета удмуртского этноса. Она основана на принципе солидарной ответственности друг за друга. Еще И.В.Киреевский, рассматривая общественное устройство прошлой России, находит многие отличия от Запада: прежде всего, образование в обществе маленьких общинных миров. В этих мирах были малоизвестны частная самобытность (основа западного развития) и общественное самовластие: «Человек принадлежит миру, мир ему. Поземельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества. Лицо участвовало во столько раз в праве владения, во сколько входило в состав общества»[19]

Индустриальное общество изменило ритм жизни, разрушило национальные и религиозные перегородки. Бурное развитие промышленности и транспорта вызвало необратимые изменения в окружающей среде. Железные дороги, металлургия, стекольная промышленность требовали огромного количества сырья, топлива, а следовательно, и леса, который в течение многих веков был объектом поклонения удмуртов. Уничтожение леса вызывало постоянное чувство тревоги, лишало уверенности в завтрашнем дне, так как менялась среда обитания. Исчезали объекты охоты, мелели и забивались топляком реки, гибла рыба. Ликвидация традиционных занятий, объектов поклонения не могла не вызывать ожидания перемен к худшему. При оценке результатов трансформации традиционной культуры удмуртского этноса в первую очередь следует отметить их всеобъемлющий и всепроникающий в рамках этой культуры характер. Это обстоятельство делает весьма затруднительным полный и глубокий анализ процессов модернизации удмуртского общества. Однако, на примере некоторых, отчасти рассмотренных выше параметров, имеется возможность рассмотреть наиболее значимые последствия советской «геополитизации» удмуртского этноса.

По мнению финского исследователя С.Лаллука, у удмуртов, как и у других, проживающих в России восточно-финских народов, ускоряется процесс утраты территориальности[20], сокращения сельскохозяйственных угодий, милитаризации экономики, ухудшается экологическая ситуация. Эти и другие факторы дают высокий показатель уровня самоубийств в республике. Количество суицидов среди представителей финно-угорских народов значительно превышает критический уровень — 20 случаев на 100 тыс. чел. населения. По данным Министерства здравоохранения Удмуртской Республики, динамика суицида в регионе выглядит малооптимистичной. В

1985 г. количество самоубийств на 100 тыс. чел. составляло 63, в 1990 г. — 40, 1991 г. — 37, а с 1992 г. неуклонно повышалось до 48, достигнув в 1995 г. отметки 77, причем в сельской местности этот показатель превысил 100. По материалам А.И.Лазебник и Г.А.Башкировой, это почти вдвое выше общероссийских показателей. В общей структуре смертности трудоспособного населения республики от несчастных случаев суицид достигает 25,5 %, что составляет наибольший удельный вес среди российских регионов[21] Более того, среди удмуртов количество самоубийств значительно превышает аналогичный показатель других этносов, проживающих в республике.

Природа самоубийств дает основания специалистам оценивать их как стабильный культуральный удмуртский обычай, осложненный в последние годы общим социально-психологическим стрессом[22]. Насколько обоснована эта точка зрения? Не правы ли некоторые представители этнической элиты, утверждающие о длительной дискриминации удмуртов и катастрофических последствиях разрушения привычного природно-социального окружения? Еще Э.Дюркгейм заметил, что «контингент добровольных смертей определяется моральной организацией общества, и у каждого народа существует известная коллективная сила определенной интенсивности, толкающая человека на самоубийство»[23]. Именно эта коллективная наклонность к суициду и может, на наш взгляд, являться культуральным основанием совершения этого акта отдельным индивидом. Важным компонентом таких установок на самоуничтожение являются общие, характерные для коллективного сознания народа воззрения на природу смерти, поскольку утрата смысла жизни еще не является достаточным основанием суицидального поведения. Сама смерть должна иметь определенный смысл, чтобы представления о ней стали целью деятельности человека. Зафиксированная этнографически и культурологически у удмуртов вера в реинкарнацию, слабо рефлексированные представления о потустороннем мире являются очевидным выражением идеи цикличности человеческой жизни. Сценарий жизненного пути каждого индивида предполагал прохождение ряда необходимых этапов, и в их числе смерть была лишь очередной ступенью к новому социальному статусу.

Безусловно, имеются и определенные психологические предпосылки суицидального поведения. Исторически обусловленный ментальный тип удмуртов оказывается близким к сенситивному складу личности (с низкой и заниженной степенью

самооценки, неуверенной, восприимчивой к искренности и теплоте отношений, теряющей активность в стрессовой ситуации, зависимой и т.д.), склонному к суицидальному поведению.

Зарождавшаяся удмуртская национальная интеллигенция пыталась на родном языке донести до крестьян суть происходящих процессов. Народной, крестьянской массе приходилось с трудом осваивать новый лексикон, инородные, даже не русские, термины. Процесс этот шел сложно и болезненно. Стремление снять острое душевное противоречие, сохранить древнюю веру предков и «впустить в душу» православное христианство реализовались в синкретизме, двоеверии, «прививании» на древо языческой религии православных символов, в придании христианским святым черт привычных языческих богов. В этих условиях происходят количественные изменения в психологии этноса. Появляются носители национального самосознания из среды формирующейся национальной интеллигенции. Значительные усилия их были направлены на качественное развитие своего народа.

Доминирование русской культуры, особенно в профессиональной сфере, во времена императорской и советской России привело к заметному, а порой и невосполнимому сокращению «производства» и «потреблению» национальной культуры удмуртского народа. В связи с этим в последней четверти XX в. накопился значительный ностальгический заряд по удмуртской этничности, истощающейся под влиянием урбанизации, технологизации и модернизации.

За советский период отечественной истории в условиях культурной и языковой унификации были созданы условия маргинализации народов. Эти процессы коснулись преимущественно населения городов и новостроек страны. Образование маргинальных групп было обусловлено системой образования, воспитания, а также межэтническими браками. Однако представители удмуртской интеллектуальной элиты, во многом утратив свою национальную культуру, сохранили этническое самосознание.

В последние годы становится все очевиднее, что экономические и политические изменения, происходящие в российском обществе, должны сопровождаться адекватными изменениями духовного мира, традиционного менталитета.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры // Собр. соч. М., 1996. Т. 6. Кн. 2. С. 377.

[2] *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* Этнография удмуртов. Ижевск, 1994. С. 170.

[3] См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. СПб., 1995. С. 111.

[4] *Шпенглер О.* Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 289.

[5] *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 39.

[6] Там же. С. 37.

[7] *Смирнов И.Н.* Культура и быт вотяков Сапульского уезда. Казань, 1890. С. 200.

[8] *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930. С. 189.

[9] Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв. Ижевск, 1958. С. 120, 124, 130.

[10] *Герцен А.И.* Вотяки и черемисы // Труды научного общества по изучению Вотского края. Вып. 3. Ижевск, 1927. С. 141.

[11] См.: *Шубарт В.* Европа и душа Востока. Пер.с нем. М., 1997. Вып. 3. С. 10.

[12] Там же. С. 16.

[13] Там же. С. 17.

[14] См.: Калевала: Карело-финский народный эпос. Петрозаводск, 1985. С. 37—41.

[15] *Напольских В.В.* Размышления о возможности определения уральского и индоевропейского психологических стереотипов и их предварительное сравнение // Вестник Удм. гос. ун-та. 1992. № 5. С. 15.

[16] См.: *Гришкина М.В.* Удмурты. Этюды из истории. Ижевск, 1996, С. 61.

[17] См.: *Владыкин В.Е.* Социально-утопическая система удмуртов: опыт анализа заклинательных текстов-куриськонов // Вестник Удм. гос. ун-та. 1992. № 5. С. 105.

[18] *Шкляев А.Г., Краснова Т.А.* История удмуртского народа в неопубикованных рукописях М.Г.Худякова // Вестник Удм. гос. ун-та. 1996. С. 9—10.

[19] *Киреевский И.В.* В ответ А.С.Хомякову // Русская идея. М., 1992. С. 69.

[20] *Лаллука С.* Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997. С. 28—29.

[21] Культуральные и этнические проблемы психического здоровья. Ижевск, 1997. С. 113.

[22] Этнос-личность: толерантность (к постановке проблемы): Матер. «круглого стола». Ижевск, 1998. С. 42.

[23] См.: *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994. С. 287.

Поступила 26.05.2003.



И.Е.ИЛЬИН

ТОЛЕРАНТНОСТЬ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ ЧУВАШИИ

Социально-экономические перемены, происходящие в Российской Федерации, отдельных ее субъектах, существенно затронули сферу межнациональных отношений. Анализ межнациональных отношений предусматривает учет всего спектра социальных процессов, характерных конкретным социально-этническим общностям. Такой подход позволяет выявить объективную картину складывающейся этносоциальной ситуации при принятии органами государственной власти быстрых и адекватных решений.

Социально-экономическое развитие регионов России неоднородно. Природно-климатические, экономические, социальные характеристики обусловили специфику общественного разделения труда регионов и предполагают их специализацию. Анализ многонационального населения Урало-Поволжского региона, в том числе и Чувашской Республики, учитывает не только временной, но и пространственный аспект развития территории, что актуализирует проведение региональных социологических исследований.

Среди этнологов и социологов по вопросу о том, что такое межэтническая толерантность пока нет единого мнения. Одним из распространенных является понимание толерантности как индифферентности к этническим различиям. В связи с этим мы разделяем точку зрения Ю.В.Арутюняна, Л.М.Дробижевой и А.А.Сусоколова, утверждающих, что люди из среды недоминирующих групп часто воспринимают саму постановку проблемы о толерантности как способ стимулировать «терпение», «терпеливость», а индифферентность в межнациональном общении — как стремление забыть о потребностях народов или даже как ассимиляторские тенденции. Вот почему понимание толерантности имеет не только научное, но и практическое, идеологическое и политическое значение[1]

ИЛЬИН Иван Егорович, заведующий отделом социологии и межнациональных отношений Чувашского государственного института гуманитарных наук, кандидат философских наук, доцент.

Они рассматривают толерантность не как позицию самоограничения и намеренного невмешательства, согласия на взаимную терпимость, а принятие других такими, какие они есть, готовность взаимодействовать с ними. Исследования показывают, что людей толерантных, готовых к общению, намного больше индифферентных.

Межэтническая толерантность проявляется в поступках, но формируется в сфере сознания и тесно связана с этнической идентичностью. Все виды гиперидентичности повышают уровень интолерантности в межэтнических установках. На этом основании считать этнонациональное самосознание опасным, стремиться не напоминать о нем было бы ошибкой, усиливающей сложность межэтнических отношений. Не этническое самосознание вообще, а его гиперболизация (эгоцентризм, этноэгоизм и т.п.) отрицательно влияют на толерантность. Перерастание этнического самосознания в гиперидентичность и рост интолерантных установок связаны не только с процессами в психологической среде, но и в социальной, экономической, политической сферах. Они в значительной степени определяются стечением всех этих обстоятельств[2].

Чувашская Республика традиционно отличалась добрососедскими отношениями между народами (чувашами, русскими, татарами, мордвой, мари и т.д.), проживающими на ее территории. Важную роль в сохранении этнополитической стабильности, межэтнического согласия призвана сыграть республиканская программа «Формирование установок толерантного сознания в Чувашской Республике (2002—2005 гг.)», утвержденная кабинетом министров Чувашии 19 февраля 2002 г. Целью программы является формирование установок толерантного сознания, определяющих устойчивость поведения в обществе отдельных личностей и социальных групп как основы гражданского согласия. На первом этапе реализации программы (2002—2003 гг.) предполагается экспериментальное внедрение механизмов формирования толерантного сознания и поведения, профилактика экстремизма в республике. В 2004—2005 гг. планируется активное применение этих механизмов. Ожидаемые результаты программы видятся во внедрении в систему образования учебных программ формирования установок толерантного сознания и поведения, создании условий для соблюдения принципов толерантности в обществе, создании организационных форм и механизмов профилактики социальной напряженности в семье, социальных группах, улучшении нравственно-психологического климата в трудовых, учебных коллективах и семьях.

В рамках программы предполагается проведение ряда мероприятий, например, проведение научных исследований по проблемам развития культур и сохранения самобытности этносов Чувашии, этнических стереотипов, уровня толерантности и межконфессиональных отношений[3].

Анализ материалов социологических исследований, проведенных нами в 1992—2002 гг., свидетельствует о снижении интереса общественного мнения к этнической проблематике и межнациональной напряженности в Чувашской Республике. Так, если в 1992 г. 40,0 % опрошенных ответили, что межнациональные отношения в республике очень хорошие и в целом хорошие, то в 1997 г. таковых было 69,9 %. В 2002 г. 54,3 % респондентов (53,4 % чувашей, 54,6 русских, 62,0 мордвы, 53,3 % татар) отметили стабильное состояние межнациональных отношений в Чувашии.

В 2002 г. Чувашским государственным институтом гуманитарных наук и Министерством культуры по делам национальностей Чувашской Республики было проведено социологическое исследование «Современное состояние этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике» в четырех сельских районах (Канашский, Комсомольский, Порецкий, Ядринский). В качестве метода сбора информации использовалось стандартизированное интервью. Объем выборочной совокупности составил 528 чел., в том числе 326 — чуваши, 104 — русские, 52 — мордва и 46 — татары. Социально-демографическая структура выборки была следующей: 249 мужчин и 279 женщин, в возрасте до 30 лет — 114 чел., 31—45 лет — 197, 46—60 лет — 142, старше 60 лет — 75 чел. По уровню образования: 24,0 % — высшее, 36,2 — среднее специальное (включая ПТУ), 29,3 — общее среднее, 8,9 — неполное среднее, 1,6 % — начальное.

Исследование показало, что в условиях рыночных отношений проблема этничности и межнациональных конфликтов не занимает ведущего места. На первый план выходят проблемы социально-экономического характера. Так, в 2002 г. среди сельского населения Чувашии лишь 7,1 % опрошенных (6,2 % чувашей, 9,8 % русских, 6,5 % татар и 7,7 % мордвы) выделили межнациональные конфликты как наболевшую проблему. Оценивая изменения в социально-экономической сфере Чувашской Республики за последнее десятилетие, 37,0 % опрошенных (35,5 % чувашей, 39,2 % русских, 41,3 % татар и 36,5 % мордвы) отметили перемены к лучшему. В то же время, выделяя причины межнациональной напряженности, 42,7 % респондентов (43,7 % чувашей, 59,8 % русских,

45,7 % татар и 38,5 % мордвы) на первое место поставили снижение уровня жизни людей.

Более половины (54,3 %) опрошенных (53,4 % чувашей, 54,6 русских, 53,3 % татар и 62,0 % мордвы) отметили хорошее состояние межнациональных отношений в республике. Однако часть населения испытывает некоторую напряженность, психологический дискомфорт. Так, 4,4 % опрошенных (3,9 % чувашей и 9,1 % русских) оценили современное состояние межнациональных отношений как неважное, требующее более серьезного внимания со стороны властей разного уровня. Отвечая на вопрос: «Как изменились межнациональные отношения в Чувашии за последние три-пять лет?», 28,8 % опрошенных (30,4 % чувашей, 15,8 % русских, 37,0 % татар и 38,5 % мордвы) отметили их улучшение, 46,2 % (42,5 % чувашей, 57,4 % русских, 47,8 % татар и 46,2 % мордвы) указали, что они не изменились, а 5,8 % опрошенных (3,8 % чувашей, 16,8 % русских и 2,2 % татар) озабочены их ухудшением. В сознании определенной части сельских жителей утвердились некоторые стереотипы, например, «рост национального самосознания — это национализм», «ущемляются права русскоязычного населения», «чувашам не дают развивать свой родной язык» и т.д. Эти стереотипы являются порождением последних лет, поддерживаются определенными представителями национальных объединений, движений, препятствуют стабилизации межнациональных отношений в Чувашии.

К числу важных аспектов развития межнациональных отношений сельчане отнесли вопросы многоязычия, сфер применения чувашского и русского языков, уважения к обычаям и обрядам народов. Так, 34,9 % опрошенных (38,7 % чувашей, 24,5 % русских, 28,2 % татар и 38,5 % мордвы) ответили, что им приходилось в повседневной жизни сталкиваться с проявлениями неуважительного отношения к людям своей национальности, традициям, обычаям, языку своего народа людей других национальностей. Вместе с тем 32,4 % опрошенных (24,7 % чувашей, 53,9 % русских, 34,8 % татар и 34,6 % мордвы) выбрали вариант «нет, не приходилось».

При социологическом измерении какого-либо явления или процесса следует помнить, что массовое сознание и общественное мнение крайне неустойчивы. Часто одно суждение противоречит другому. Так, 64,3 % опрошенных (61,3 % чувашей, 64,7 % русских, 80,0 % татар и 76,9 % мордвы) в случае проявления элементов межнациональных конфликтов высказали намерение всеми силами способствовать тому, чтобы конфликты не обострялись, а проблемы решались спокой-

но. Однако почти треть не будет вмешиваться в споры и конфликты, предпочитая оставаться сторонними «зрителями». Так думают 29,2 % опрошенных (31,4 % чувашей, 32,4 % русских, 17,5 % татар и 21,2 % мордвы), а 3,5 % респондентов (4,4 % чувашей и 2,9 % русских) выразили готовность активно участвовать в конфликтах.

Абсолютное большинство опрошенных выступило за мирное решение возникающих конфликтных ситуаций. Например, 28,6 % респондентов (30,8 % чувашей и 25,5 % русских) подчеркнули необходимость своевременного разрешения всех проблем, возникающих в межнациональных отношениях, 33,6 % опрошенных (29,2 % чувашей, 38,2 % русских, 37,8 % татар и 48,1 % мордвы) отметили необходимость постоянного внимания к решению национально-культурных проблем всех национальностей, а 39,2 % сельских жителей (40,6 % чувашей, 40,2 % русских, 35,6 % татар и 32,7 % мордвы) желают укрепления дружбы народов.

Отвечая на вопрос: «Что мешает сохранению доброжелательных отношений друг к другу лиц разных национальностей?», наибольшее количество ответивших назвали национальное высокомерие — 28,4 % (31,4 % чувашей и 23,5 % русских), политические игры в верхах — 22,4 % (21,7 % чувашей и 27,5 % русских), а 26,3 % респондентов (28,3 % чувашей, 23,5 % русских, 15,2 % татар и 28,8 % мордвы) отметили незнание языков других народов.

Таким образом, анализ результатов опроса позволяет в целом сделать вывод о стабильном состоянии межнациональных отношений в Чувашской Республике. Вместе с тем определенная часть населения проявила беспокойство относительно дальнейшего развития межнациональных отношений в республике. Проблемы, связанные с межнациональными отношениями, требуют к себе пристального внимания со стороны ученых-обществоведов и органов государственной власти всех уровней с целью их дальнейшего улучшения и прогнозирования основных тенденций развития в Чувашии, что требует проведения социологических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. М., 1998. С. 207.

[2] Там же. С. 208.

[3] См.: Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюл. № 30. 2002. 1 марта. С. 38—39.

Поступила 30.05.2003.



А.Ю.ТИХОНОВА

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Культурологические процессы реализуются в конкретных территориальных условиях. Наиболее яркой характеристикой любого региона является карта. Она служит существенным источником знаний по истории, этнографии, демографии, экономике региона. Благодаря картам, картосхемам, кардиограммам, картограммам лучше воспринимаются, запоминаются не только особенности размещения тех или иных объектов на территории региона, но и количественные показатели, характеризующие уровни развития отдельных частей региона. Не зря карту называют «образной моделью территории»: на ней с помощью условных знаков образно отображаются характерные для конкретной территории объекты, явления в их взаимосвязи[1].

Безусловно, язык карт — это особый язык, которому присущи такие качества, как лаконичность, строгость, точность и наглядность. В условиях информационного «взрыва», диктующего необходимость писать кратко, но полно и ясно, язык карт может быть признан как один из наиболее экономных, дающий цельную и научную характеристику территории. Картографическое сопровождение исторического описания значительно повышает его ценность.

Весьма эффективно, на наш взгляд, разноплановое использование карт при изучении региона, в том числе его культурных процессов. С одной стороны, они могут предоставить дополнительную информацию об особенностях того или иного региона, в том числе и его культуры. С другой — возможно создание новых карт для иллюстрации процессов в сфере культуры той или иной территории.

В большинстве исследований карта, как необходимый источник знаний, чаще применяется для характеристики демо-

---

ТИХОНОВА Анна Юрьевна, старший преподаватель кафедры регионоведения Ульяновского государственного университета, кандидат педагогических наук.

графических, экономических особенностей региона. Привлечение же карты для описания культурных процессов представляется в характеристике истории культуры недостаточным, так как специальные карты по истории культуры регионов единичны. Анализ опубликованных материалов показывает, что при исследовании местности на значение карты как образа территории, обращали внимание еще в XII в. Именно тогда появились первые рукописные карты с изображением конкретной местности и ее характеристиками. Так, например, в 1672 г. была составлена сводная карта размещения народностей Сибири и в прилегающих районах Европейской России и Средней Азии. На карте показывалась преобладающая доля коренного народа на той или иной полиэтнической территории[2]. На основании этих данных можно говорить о взаимовлиянии этнокультур соседствующих народов. Сравнивая сведения XVII в. и современные источники, можно проследить процесс взаимопроникновения культурных традиций нескольких этносов.

Географические особенности территории накладывают отпечаток на развитие культурных процессов. Исследователям культуры может быть интересен «Атлас Российского государства», подготовленный к изданию географом И.К.Кириевским в середине XVIII в. (в эти годы только Франция имела атлас своей страны подобный этому). Первые же печатные карты были созданы в 40-е гг. XIX в. На них отражалось своеобразие России в целом и ее отдельных губерний. Например, особенностью карты промышленности Европейской России (СПб., 1842 г.) является то, что среди других объектов на ней было показано местонахождение промыслов, ярмарок, водяных и сухопутных сообщений, что может служить основой для изучения культурных связей различных территорий. В 1851 г. вышел первым изданием большой «Хозяйственно-статистический атлас Европейской России», в котором среди различных сельскохозяйственных сведений нашли отражение данные о размещении учебных заведений. Позднее, в сорока трех выпусках «Списка населенных мест Европейской России 1861—1885 гг.» были опубликованы карты губерний с указанием на них ярмарок, церквей, монастырей. В 1909 г. Б.Б.Веселовский в работе «История земства за сорок лет» привел один пример карты с указанием нахождения на территории Российской империи различных учебных заведений[3]. Анализ архивных документов свидетельствует о стремлении исследователей прошлого наглядно отразить результаты изучения своего края.

Однако это были только первые попытки привлечения карт для характеристики отдельных культурных процессов территории.

О роли научной картографии в изучении социальных проблем свидетельствуют материалы государственных архивов различных регионов страны. Архивные документы показывают, что карты создавались не только по поручению вышестоящих организаций (например, Центрального статистического комитета), но и по инициативе губернских администраций. Так, в 1867 г. секретарь Самарского статистического комитета И.А.Торопыгин составил карту уездов губернии с указанием населенных пунктов и наличия в них школ[4]. В 1870 г. секретарь Симбирского губернского статистического комитета В.А.Ауновский составил инородческую карту Симбирской губернии[5]. В 1896 г. Симбирская ученая архивная комиссия собирала в губернии сведения о местонахождении памятников старины для археологической карты. В деле на 59 листах имеются данные по уездам о нахождении в них каменных и медных изделий, старинных монет, оружия и вооружения, человеческих костей отдельно и вместе с каменными, бронзовыми, железными и другими предметами, о местонахождении пещер, ям, городищ, остатков крепостей, курганов, камней и столбов с письменами, бывших монастырей и храмов[6]. Данные примеры составления карт для характеристики своего края не являются единичными.

В каждом областном архиве имеются фонды с картографическими материалами. Так, в Государственном архиве Ульяновской области по инициативе В.А.Гуркина рассекречен фонд № 933, содержащий 256 единиц хранения картографических материалов конца XIX — начала XX в. Среди них есть карты, казалось не посвященные культуре региона, но характеризующие культурную жизнь Симбирской губернии. Так, карта базаров и их доходности Симбирской губернии (масштаб 1 : 840 000) может свидетельствовать о доступности ярмарочной развлекательной культуры населению губернии. Геометрическая карта Симбирской губернии с нанесением селений служилых татар и корабельных лесов 1818 г. (масштаб 1 : 168 000) может быть использована для изучения этнокультуры нерусских народов Среднего Поволжья[7].

Таким образом, имеющиеся в архивных и других источниках разнотематические карты обладают богатыми потенциальными возможностями при анализе региональной культуры, хотя авторы карт не ставили перед собой такой цели.

В конце XX — начале XXI в. с увеличением потребности людей в овладении культурными ценностями наблюдается возросший интерес к изучению истории культуры, следовательно, использование картографического метода становится более плодотворным. Наиболее ярким примером, на наш взгляд, является работа М.Юхма, в которой имеется карта политических, культурных и торговых связей Волжской Булгарии XI — начала XII в.[8], иллюстрированный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, где опубликована карта-схема расположения археологических, исторических и культурных памятников на территории Ульяновской области[9]. Эти работы доказательно свидетельствуют о широких возможностях картографического метода при анализе и описании культурных явлений конкретной местности.

На значение изучения культуры территории с точки зрения ее географического расположения и существования специфических для нее исторических условий указывают в своих работах Н.М.Давыдова, А.Г.Дружинин, Ю.М.Лотман, Н.Е.Тихонова. Так, А.Г.Дружинин доказал необходимость анализа культуры как явления территориального. В качестве синтетического культурного индикатора им предлагается категория «геокультурная обстановка», а предметом геокультурологического исследования — особые культурно-географические закономерности. Важнейшими из них А.Г.Дружинин считает культурный регионализм, геокультурную поляризацию и геокультурную инновацию[10]. К сожалению, карты для демонстрации описанных данных автор не использовал.

О важности карты в исследовании особенностей региона неоднократно говорили в своих работах К.А.Селищев и В.П.Максаковский. Карта рассматривается ими как средство познания окружающей действительности (природы и общества), как пространственная образно-знаковая модель, к которой применимы общие правила и принципы моделирования[11] Однако они не обращают внимания на необходимость использования картографического метода для изучения культуры региона, хотя В.П.Максаковским и было введено понятие «географическая культура»[12]. Основными составляющими географической культуры ученый определил географическую картину мира, географическое мышление, методы географии и язык географии.

При комплексном анализе любого явления, в том числе и истории региональной культуры, усиливается необходимость картографического метода исследования. Используя различные сведения о развитии культуры на разных территориях в раз-

ные исторические периоды, можно наглядно и целостно рассмотреть особенности культурных явлений с нескольких позиций на основе составления картографических иллюстраций. Например, наши ученые совместно с Ульяновской лабораторией социально-политических проблем НТП на основании методики, предложенной Ю.А.Волковым[13], обработали статистические сведения по характеристике уровня образования Поволжских губерний второй половины XIX в. На основе комплексного анализа итогов Первой Всеобщей переписи населения в России были составлены карты-схемы, наглядно демонстрирующие положение дел в образовании губерний. Даже без текстового сопровождения из картографических иллюстраций видно, что при схожих исторических, географических, экономических условиях уровень образования в поволжских губерниях того времени был различен.

На представленных в статье картах-схемах отражен уровень развития начального, среднего и высшего образования Поволжского региона в 1897 г. Цифрами на картах-схемах обозначены губернии: 1 — Нижегородская, 2 — Казанская, 3 — Пензенская, 4 — Симбирская, 5 — Саратовская, 6 — Самарская.

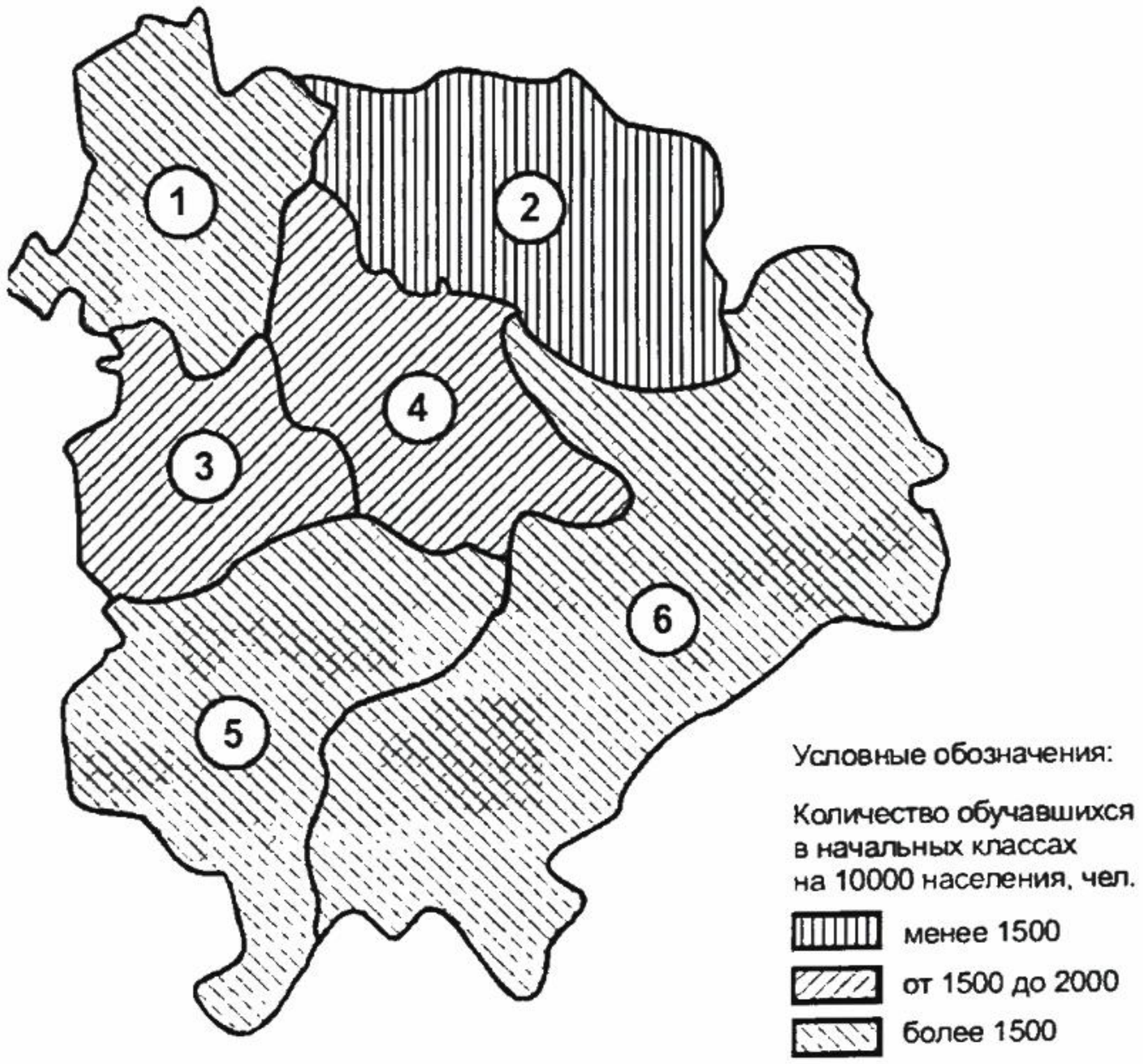


Рис. 1. Уровень начального образования в Поволжском районе России в конце XIX в.

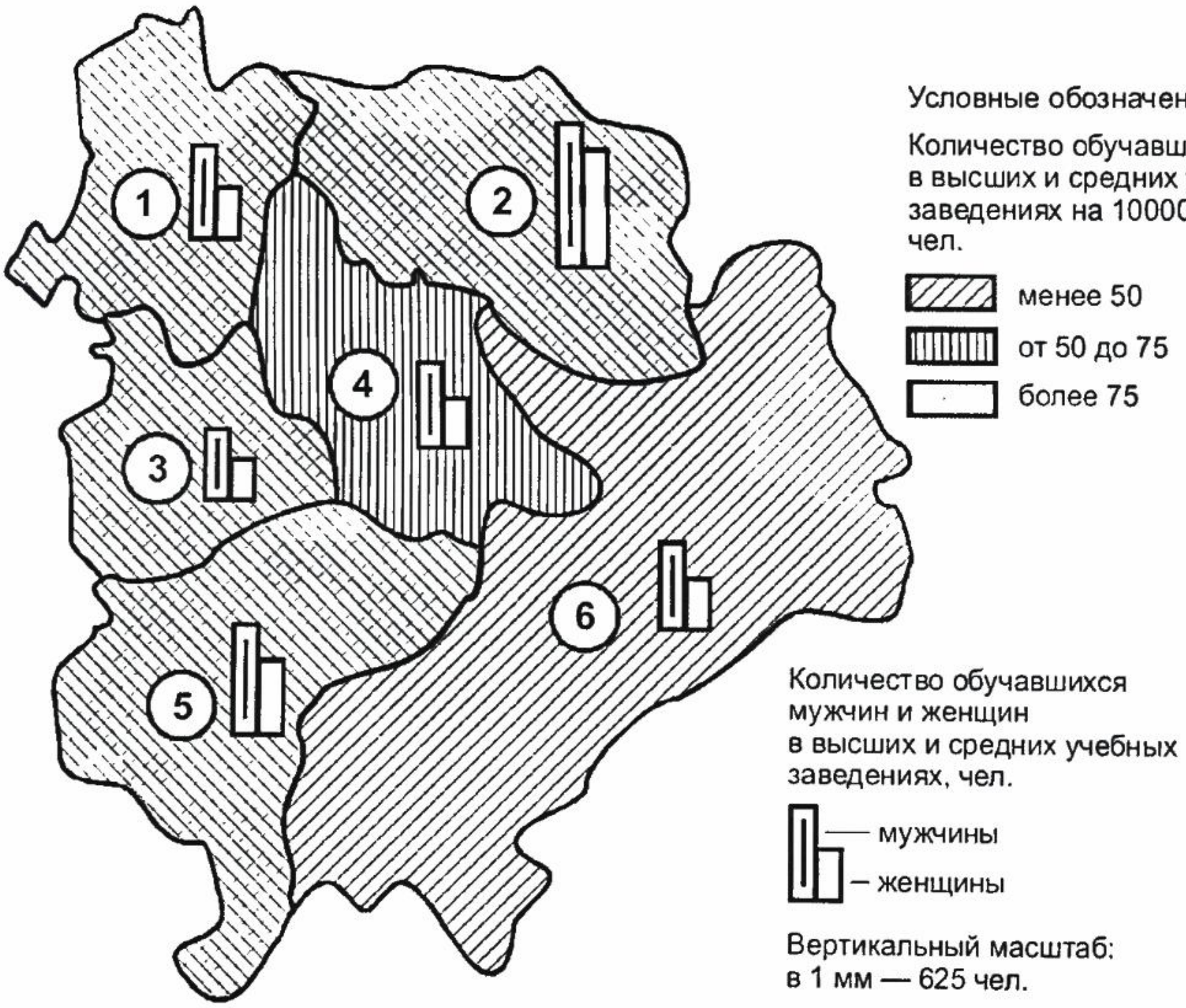


Рис 2. Уровень среднего и высшего образования в Поволжском районе России в конце XIX в.

На рис. 1 и 2 видно, что количество детей, обучавшихся в начальных школах Нижегородской, Саратовской и Самарской губерниях было больше (более 2 тыс. на 10 тыс. населения), а в Пензенской и Симбирской — меньше (менее 1,5 тыс. на 10 тыс. населения). В то же время по количеству обучающихся в средних и высших учебных заведениях впереди были Казанская, Нижегородская, Симбирская и Саратовская губернии. Меньше всего учащихся в средних учебных учреждениях и вузах (менее 50 чел. на 10 тыс. жителей) было в Самарской области. Такие различия убедительно подтверждают необходимость исторического мониторинга бывших территориальных, в частности, образовательных систем как составных компонентов региональной культуры, а также исторической квалиметрии современного пространства субъектов Российской Федерации.

Из опубликованных работ по проблемам образования Приволжского федерального округа следует обратить внимание на интересные картографические иллюстрации в работе

Ю.А.Волкова «Образование молодых и общеобразовательная школа»[14] Наличие картографических материалов по образовательному уровню молодежи конца XIX — начала XX в. позволяет достаточно оперативно провести сравнительный анализ и сделать соответствующие выводы.

Таким образом, картографический метод, являясь привычным для восприятия способом аккумуляции специализированной информации, наглядно демонстрирует результаты проведенных исследований. Карта является не только орудием исторического исследования, но и незаменимым инструментом исторического изложения при изучении региональной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Регионоведение / Под ред. Т.Морозовой. М., 1998. С. 17.

[2] См.: *Баранский Н.Н., Преображенский А.И.* Экономическая картография. М., 1962. С. 24.

[3] См.: *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. СПб., Т. 1—4. 1909—1911.

[4] См.: Сборник статистических сведений по Самарской губернии. М., Т. 2—3. 1884.

[5] См.: Государственный Архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 934, оп. 2, д. 107, л. 4.

[6] Там же, ф. 732, д. 10.

[7] См.: *Гуркин В.А.* Вновь открытые картографические материалы Государственного архива Ульяновской области // Природа Симбирского Поволжья. Сб. науч. тр. Вып. 3. Ульяновск, 2002. С. 221—224.

[8] См.: *Юхма М.* Древние чуваши: исторические очерки. Чебоксары, 1998. С. 28.

[9] Памятники Отечества: альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1998. № 41. С. 116—117.

[10] См.: *Дружинин А.Г.* Теоретико-методологические основы географических исследований культуры: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. СПб., 1991. 44 с.

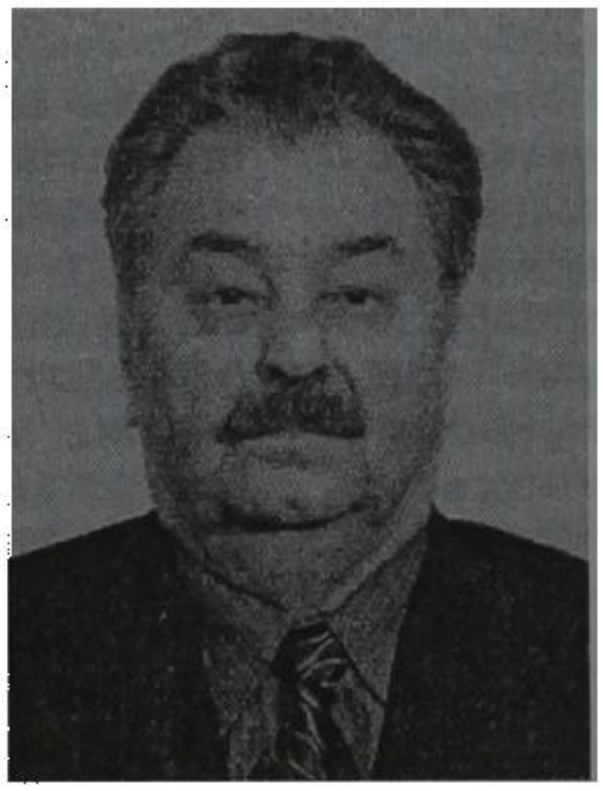
[11] См., например: *Селищев К.А.* Картоведение. М., 1990. С. 5; *Максаковский В.П.* Географическая культура. М., 1998. С. 38.

[12] См.: *Максаковский В.П.* Научные основы школьной географии. М., 1982. 96 с.

[13] См.: *Волков Ю.А., Субетто А.И., Чекмарев В.В., Волков А.Ю., Сидло А.А.* Статистико-социогеографический квалиметрический мониторинг воспроизводства интеллектуального потенциала и образования в России. Москва—Кострома, 1997. 176 с.

[14] См.: *Волков Ю.А.* Образование молодых и общеобразовательная школа. Ульяновск, 2001. 58 с.

Поступила 06.10.2003.



12 февраля 2004 г. исполнилось 70 лет со дня рождения и 55 лет производственной, научной и педагогической деятельности одному из ведущих экономистов-регионалистов, доктору экономических наук, профессору, академику Академии экономических наук и предпринимательской деятельности России и Международной академии информатизации Адамеску Алеко Александровичу.

Адамеску А.А. 43 года проработал в Совете по изучению производительных сил, где прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя председателя. Он активно участвовал в разработке Генеральных схем развития и размещения производительных сил СССР, подготовке научно-методической базы, под его руководством подготовлены многие региональные схемы и программы. Лично и в соавторстве Адамеску А.А. опубликовал свыше 20 монографий и более 250 статей по важнейшим проблемам региональной экономики.

Редакция журнала «Регионология» присоединяется к многочисленным поздравлениям Алеко Александровичу с юбилейной датой со дня его рождения, выражает ему искренние пожелания крепкого здоровья, новых творческих удач на ниве отечественного регионоведения.

ГРАНБЕРГ А.Г., КИСИТАНОВ В.В., АДАМЕСКУ А.А. и др. Государственно-территориальное устройство России: экономические и правовые основы. — М.: Дека, 2003. — 438 с.

В современных условиях проблемы территориального устройства России приобретают особую актуальность. Увидела свет фундаментальная монография, освещающая не только экономические, но и правовые вопросы государственного территориального устройства России. По охвату проблем, глубине их проработки — это первое подобное исследование. Авторы справедливо утверждают, что главной проблемой в этой области является создание территориально-организационной системы, адекватной новому политическому типу государства и рыночным отношениям.

Для России вопросы территориального деления и управления особенно важны вследствие огромных масштабов территории, населения и материально-технических ресурсов, уникального евро-азиатского географического и геополитического положения, а также федеративного государственного устройства.

Монография базируется на цикле проведенных Советом по изучению производственных сил при участии ученых-государствоведов комплексных исследований по экономическим и правовым основам функционирования и модернизации государственно-территориального устройства России. Изложенный в монографии проект двухэтапной административно-территориальной реформы с образованием территориальных округов и крупных, унифицированных административно-экономических регионов-субъектов федерации получил поддержку. Указом Президента РФ «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» от 13 мая 2000 г. № 849 был создан институт полномочных представителей Президента в 7 федеральных округах.

Монография посвящена не только теоретико-методическим, но и практическим вопросам состояния и реформирования государственно-территориального устройства России. При этом раскрывается не только общая концепция, вариантная схема и потенциальная результативность реформирования государственно-территориального устройства, но и ее исходная база (особенности и проблемы территориального развития, региональная политика и т.д.), а также современное содержание правового аспекта (принципы федеративного устройства, выделение административных регионов, их конституционный статус, законодательное оформление и др.).

Авторы используют методологическую базу административного деления, экономического районирования, ее важнейшие принципы, разработанные экономической наукой и подтвержденные практикой территориального регулирования. По их мнению, материальную основу экономических и соответствующих административных районов должны образовывать территориально-хозяйственные (производственные) комплексы различного ранга. Для единиц государственного территориального деления это макро- и мезокомплексы.

В монографии отражены влияние экономики на государственно-территориальное устройство, ориентации государства на углубление экономической реформы и ее широкую реализацию в регионах. По своей раздробленности и бессистемности существующее территориальное деление, сохраняющееся почти без изменений более шести десятилетий, весьма архаично и не имеет аналогов в мире.

Авторы отмечают важность и организационных причин преобразования территориального устройства. С появлением федеральных округов исчезло серьезное препятствие в управлении регионами из центра. Однако наряду с экономической маломощностью многих субъектов федерации сохраняется их стратегическая неоднородность и неравноправность. Главными задачами новой стратегии территориального развития, определяющими региональную политику и подлежащими учету при обновлении территориального устройства,

выдвигаются укрепление целостности экономического пространства на основе усиления межрегиональной и межгосударственной кооперации; обеспечение устойчивого экономического роста в регионах путем всестороннего использования их потенциала; сближение регионов по уровню развития через стимулирование возможностей и резервов отстающих территорий; дальнейшее укрепление федерализма посредством четкого распределения прав и полномочий между центром и регионами; создание соответствующих «вертикалей» и «горизонталей» управления; совершенствование бюджетного федерализма и т.д. Можно предположить, что пересмотр территориального деления даст ощутимый народно-хозяйственный выигрыш: экономический, социальный, экологический, организационный.

В работе четко выделяются два главных условия формирования единиц государственно-территориального устройства на региональном уровне. Они должны выделяться на основе экономического районирования, т.е. быть административно-экономическими образованиями и представлять гораздо более крупные и унифицированные территориальные единицы.

Следует подчеркнуть, что авторы не уходят от резонно возникающего вопроса: «Не усилится ли у крупных, мощных регионов стремление к хозяйственной автаркии и политическому сепаратизму, а вместе с ними и центробежные тенденции?». Авторы утверждают, что твердой гарантией от этого будет сохранение и упрочение государственного центра, в том числе и посредством системы федеральных округов.

Авторы не претендуют на решение всех вопросов, а считают свои предложения одним из возможных вариантов реконструкции существующего государственно-территориального устройства Российской Федерации. Его сущность — укрупнение и унификация субъектов федерации. Речь идет об общей концепции и вариантной схеме административно-экономического районирования. Для их обсуждения и уточнения, а также разработки в будущем административно-территориального устройства на низовом уровне предлагается привлечь широкий круг ученых и специалистов в области территориального управления, региональной и местной экономики, государственного строительства.

Несомненно, появление такой монографии — заметное явление в анализе проблем государственно-территориального устройства, которое окажет влияние на их решение. В то же время нужна дальнейшая проработка правовых вопросов, конкретных предложений, так как в книге преобладает исследование экономических проблем.

А.И.СУХАРЕВ,
доктор философских наук,
профессор
(г.Саранск)

БРАЖНИК Л.В. Ангемитоника в модальных и тональных системах: на примере музыки тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья / Казанская консерватория. — Казань, 2002. — 283 с.

Наряду с многовековыми социально-экономическими взаимосвязями народы Среднего Поволжья и Приуралья столь же прочно объединяются в один полиэтнический регион по многим признакам своих музыкальных культур. Важнейшим из них является ладообразование, основанное на ангемитонных (бесполутоновых) системах мелодического развития.

Проблема, выявившаяся более полувека назад и постоянно дискутируемая в республиках региона, в связи с осмыслением дальнейших путей развития музыкального искусства приобрела в наши дни значительную остроту. Однако, несмотря на достаточную научную литературу, проблема этнического своеобразия и сходств ладообразования остается одной из актуальных и привлекает интерес многих исследователей.

Рецензируемая книга является итогом более чем 30-летней деятельности автора по изучению темы. В отличие от своих предшественников — отечественных и зарубежных музыковедов, которые касались проблемы ангемитоники либо в общем плане, либо на уровне отдельных культур региона, Л.В.Бражник предложила новый и, несомненно, более сложный, но в то же время результативный ракурс ее изучения — системный срез ангемитоники в ее многоаспектных проявлениях (аутентичная народная традиция, композиторское творчество) в чрезвычайно сложном полиэтническом пространстве финно-угорско-тюркского мира.

Подобная постановка проблемы определила структуру книги из четырех глав и их разделов, представляющуюся вполне логичной, способствующей раскрытию темы исследования в значительном объеме. Первая глава посвящена теории ангемитоники, сложившейся в отечественном музыкознании прошлого века, включая структурную типологию ангемитонных ладовых образований, их характеристики со стороны мелодических и гармонических свойств. Во второй главе анализируется ангемитоника в традициях народов региона как особая форма ладоинтонационного мышления, особенная модальная система ангемитоники, проявляющаяся в народном песенном творчестве. Третья глава рассматривает место, роль и особенности функционирования ангемитоники в композиторской музыке разных жанрово-стилевых форм и типов музыкальных культур региона в разные периоды истории. Проблематика четвертой главы выводит исследование в практическую плоскость и посвящена освоению ангемитонных форм в практике специального музыкального образования, по существу, освоению базисных явлений музыкального мышления народов региона.

Анализ этих проблем, их научное освещение потребовало от автора не только владения современной методологией музыковедческих исследований, сложившейся в трудах Б.В.Асафьева, М.Г.Арановского, Ю.Н.Холопова и других ученых, но и конкретизации некоторых положений на новом этническом материале, введения этого материала в русло современной методологии исследований, уточнения понятийного аппарата, применяемого в отечественной науке, своих принципов систематики ангемитонных ладов. Представляется, что с этой точки зрения работа Л.В.Бражник значительно расширяет горизонты видения проблемы, по-новому высвечивает предмет исследования, вносит значительный вклад в методологию его изучения.

Другим важным и ценным научным качеством автора является то, что единичный, но строго документированный факт традиционной или композиторской музыки осознается и интерпретируется им в системе других фактов, с выявлением их сходств и различий в зависимости от этни-

ческих, стилевых и временных (исторических) аспектов. Придерживаясь строгой фактологии, автор приводит конкретные примеры, ссылаясь на результаты исследований других ученых. Серьезная и убедительная аргументация выводов и положений подчинена строгой логике изложения. Л.В.Бражник точно определяет объемы анализируемых материалов, меру, когда повторяемость их перестает быть необходимой для доказательств, когда она не дает информации нового качества.

В совокупности этих подходов выявляется подлинная многомерная и целостная картина особенностей функционирования ангемитоники в пространстве разноэтнических традиций народов региона, в общих процессах ее исторического развития. В связи с этим необходимо отметить, что очевидным достоинством работы является корректность интерпретации материалов по разным народам, что позволяет автору избежать, к сожалению, еще встречающихся серьезных просчетов в сравнительно-типологических исследованиях.

К основным результатам монографии Л.В.Бражник следует отнести, во-первых, многоаспектное научное объяснение имманентных свойств ангемитоники как системного и объединяющего феномена автохтонных музыкальных культур народов Волго-Уральского региона. Во-вторых, выявление и рассмотрение потенциальных возможностей ангемитонных форм для современного и последующего плодотворного развития профессиональной музыки. В-третьих, определение места и значения методик освоения ангемитоники для постижения традиционного музыкального мышления народов региона в образовательной практике подготовки специалистов.

Не умаляя очевидных достоинств монографии, нельзя не отметить и некоторые обстоятельства, рассмотрение которых усилило бы позиции автора, а также конкретизировало бы положения о типологических особенностях ангемитонных систем и форм их взаимосвязей с другими ладовыми образованиями традиционной музыки народов региона. Как известно, в той или иной мере этих вопросов касались и некоторые европейские исследователи, положения которых вызывают неоднозначные оценки в самой европейской этномузыкологии и почти неизвестны в России. Это касается ряда работ австрийских, финских и венгерских исследователей, крупнейших представителей музыкальной компаравистики прошлого столетия, весьма последовательно занимавшихся архаичными формами музыки народов региона.

Важным и ценным стало бы включение в состав анализируемого материала более значительной доли традиционной инструментальной музыки народов региона. Это было бы правомерно, поскольку ангемитонные типы многоголосия со всей очевидностью обнаруживаются во многих наигрышах, в том числе интонируемых и на традиционных многоголосных шалмеях (волынках, нюди) и хордофонах (гусли, кайга и т.д.). В этой части автору не удалось преодолеть досадную инерцию современного музыкознания — рассматривать песенный мелос как единственный, или по крайней мере, всецело определяющий компонент народной музыки, и не учитывать огромный пласт инструментальной музыки этносов региона, по своей информативной и художественной значимости не уступающий вокально интонируемым формам.

В целом, богатая по мыслям и анализируемому кругу вопросов, написанная хорошим литературным языком и читаемая с интересом, монография Л.В.Бражник имеет большую научную значимость для современного теоретического музыкознания, а также практическую ценность в плане использования ее результатов в творчестве композиторов региона и педагогов-практиков. Без сомнения, работа послужит хорошей основой для дальнейших исследований проблем музыки народов Волго-Уральского региона и в целом — многонациональной отечественной музыкальной культуры.

Н.И.БОЯРКИН,
доктор искусствоведения,
профессор
(г.Саранск)

КИРДЯШОВ В.Ф. Этнополитология. Учебное пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. — 168 с.

Этнополитология — новая научная отрасль и учебная дисциплина, возникшая во второй половине XX в. и получившая в России распространение в 90-е гг. двадцатого столетия. Ее концептуальное содержание и учебная программа еще четко не определены. Между тем всплеск этнического сознания, межэтнические столкновения побудили ученых, политиков обратить внимание на исследуемые ею проблемы.

Актуальность изучения этнополитологии в современном мире обусловлена важностью двух ее составляющих для судеб страны и живущих в ней народов: этноса и политики, взаимосвязи и взаимозависимости которых оказывают существенное влияние на развитие многонационального общества. История показывает, что эта связь возрастает в переходные эпохи, когда начинается переосмысление ценностей, считавшихся незыблемыми, рушатся традиции, образ жизни, установленные усилиями многих поколений людей.

Сегодня необходимо научное осмысление вопросов этнического самосознания, самоидентификации в их соотношении с политическим самоопределением, регионолизацией, становлением нового типа федеративных отношений. Теория и практика этнополитики в условиях современной России решают задачи достижения стабильности, сохранения этнической полифоничности, сохранения и развития этносов, налаживают отношения дружбы, сотрудничества и взаимопомощи.

В рецензируемой книге эти и другие проблемы этнополитологии находят широкое освещение.

По этнополитической проблематике за последние годы выпущено немало монографий, статей, тезисов докладов. Каждый из авторов предлагает свой подход к анализу предметной сферы этнополитологии, помогая становлению нового научного направления и учебной дисциплины. В.Ф.Кирдяшов нашел свою нишу в освещении проблем этнополитологии. Автор в доступной форме излагает предмет, специфику, методы, типологию и функции этнополитологии, ее связь с этнографией, этносоциологией, этноэкономикой и другими гуманитарными науками.

Учебное пособие состоит из 11 глав и приложения. В первых двух главах анализируются теоретические вопросы этнополитологии, ее история, разные подходы в их освещении. Третья глава посвящается анализу такой сложной проблемы, как соотношение прав и свобод человека и гражданина, а также правам народов на самоопределение, соотношению принципов территориальной целостности страны и самоопределения народов. Значительный интерес представляют третья, четвертая и пятая главы, в которых анализируются проблемы социальной и этнической стратификации, история и теория этнополитических конфликтов, этнонационализм.

Шестая, седьмая и восьмая главы анализируют этноконфессионализм и политику, этнический фактор в региональной политике. Становлению гражданского общества в России и этнополитическим движениям посвящается девятая глава пособия.

Этнополитическая ситуация в Республике Мордовия рассматривается в десятой главе и завершается анализом сущности, основных положений и опытом реализации в стране Концепции государственной национальной политики Российской Федерации. В работе имеется библиографический список, в приложении приводятся темы рефератов, курсовых и дипломных работ, вопросы к зачету и экзамену.

В учебном пособии можно найти освещение разных точек зрения на ту или иную проблему курса. Не вызывает сомнения теоретическая часть пособия. Она весьма актуальна

и востребована, хотя иногда и спорна. Действительно, в переходные эпохи люди возвращаются к коллективной идентичности, которая придает им чувство безопасности, защищенности. Этничность объективно становится мощнейшим фактором политической мобилизации масс. При кризисных явлениях в экономике, политике культурное сознание все чаще обращается к прошлому, его идеализации. Все это не может не вызывать напряженности межэтнических отношений. Ученые всего мира констатируют факт, что за интернациональной фазой мировой истории 1945—1989 гг. следует националистическая. Повышается значение в международной политике национальных государств, этнические явления становятся наиболее политизированными, а так как большинство стран мира полиэтничны, то в них проблема отношений между отдельными нациями, большинством и этническими меньшинствами становится важной осью политической жизни, приобретая особую остроту, когда политический режим по каким-то причинам не в состоянии найти адекватную формулу взаимоотношений и способы национально-государственной интеграции. В этом случае этничность в виде национализма делается платформой для политической мобилизации под лозунгом автономии, суверенитета или сецессии. Эти и другие идеи находят осмысление в учебном пособии.

Рецензируемая работа представляет не только теоретический и практический, но и методический интерес.

Вместе с тем не со всеми выводами автора можно согласиться. Это касается прежде всего вопросов понятийного аппарата. Есть множество точек зрения на понимание терминов «нация», «этнос», «этничность», «этнополитика». Автор больший акцент делает на их западной трактовке, между тем как в отечественной литературе есть интересные рассуждения по их интерпретации (Ю.В.Бромлей, В.И.Козлов, Н.Н.Чебоксаров и др.). Более детального осмысления требуют вопросы соотношения прав человека и права народов на самоопределение, сохранения территориальной целостности страны и права народов на создание самостоятельного государства. Касаясь вопросов этноконфессионализма, автору следовало на примере России показать интегрирующую и дезинтегрирующую роль конфессий в нашей стране.

Большой интерес представляет глава, посвященная этнополитической ситуации в Республике Мордовия, но вызывает сомнение утверждение автора о трех отрядах национализма в республике, их отличительных чертах, что в них было позитивного, а что негативного. Фрагментарный характер носит параграф, посвященный этноконфессиональной ситуации в Мордовии.

Однако эти замечания не умаляют достоинства и значимости рецензируемой работы, которая заслуживает самого пристального внимания.

Н.Ф.БЕЛЯЕВА
зав. кафедрой всемирной истории и права Мордовского государственного педагогического института им. М.Е.Евсевьева, доктор исторических наук, профессор

Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях. Сб. науч. тр. — Ижевск: удмурт. ин-т ист., яз. и лит-ры УрО РАН, 2002. — 322 с.: ил.

Сборник трудов Удмуртского института истории, языка и литературы посвящен актуальным для современной российской этномузыкологии проблемам изучения ареальных традиций сложного по этническому составу Поволжско-Уральского региона. Глубокий интерес к этой проблематике многих ученых в немалой степени определяется многообразием автохтонных культур, испытавших в процессе своего многовекового развития различные влияния, вступавших в разнообразные взаимодействия и образовавших неповторимые музыкально-стилевые явления. Вместе с тем, несмотря на многие черты, отличающие этнические традиции, культуры народов региона имеют много общего, что позволило некоторым ученым выдвинуть положение о некоей Волго-Уральской музыкальной цивилизации (М.Г.Кондратьев).

В сборнике обсуждается жанровая и стилевая специфика песенного и инструментального фольклора. Широкий спектр проблем, безусловно, свидетельствует о глубоком интересе исследователей к судьбам народной культуры и отражает современное состояние этномузыкознания региона.

Удачное расположение статей по территориально-этническому признаку способствует целостному ознакомлению читателя с многообразными явлениями музыкальной культуры финно-угорских, тюркских и славянских народов региона, их региональным стилевым многообразием.

По объемам материалов, используемых в сборнике, характеру научных результатов условно можно обозначить два направления исследований: статьи, в которых авторы выходят за пределы конкретного этнического материала в область широких сравнительно-типологических обобщений, и статьи, где авторы сосредоточивают внимание на всестороннем исследовании того или иного явления ареальной традиции.

Открывает сборник статья венгерского музыковеда Л.Викара — ученого, более 40 лет занимающегося полевыми исследованиями музыки народов региона. В публикуемой работе «Финно-угорские и тюркские взаимовлияния в музыке» обобщаются многолетние изыскания в регионе, освещаются вопросы выявления национальных стилей и мелодических типов, их взаимодействий и возникновения на их основе новых образований.

Сложной проблеме изучения мордовского субстрата в русской музыке посвящена статья Л.Б.Бояркиной, многочисленные труды которой по вопросам русско-мордовских взаимосвязей вызвали в последние десятилетия острую дискуссию в российском этномузыкознании. Основываясь на обширных полевых материалах, публикациях русского фольклора, исторических и этнографических источниках, автор показывает наличие мордовских многоголосных элементов в русских ареальных традициях Тамбовской, Рязанской, Воронежской, Белгородской и других центральных областей России. Сенсационным можно считать выявление мордовского музыкального субстрата в записях песен М.Е.Пятницкого от хрестоматийной русской традиционной певицы Аринушки Колобаевой и ее дочерей.

В статье Н.И.Бояркина «Политембровый шум как компонент и код ритуала» рассматривается семантика древнейших звуковых комплексов, на основе которых развились некоторые формы обрядовой инструментальной музыки. Сохранившись как пережитки в обрядовых ритуалах, они имели различные социальные функции, устойчивую структуру, ведущими компонентами которой являлись динамика и тембр звучания. Автором выявлена система различных корре-

ляций политембрового шума с песенными напевами и инструментальными наигрышами, отмечена генетическая общность реликтов у мордвы и других родственных народов, а также черты типологических сходств с подобными явлениями древних египтян, иудеев, абхазов.

Как известно, поиски нетрадиционных для музыкознания методик анализа сольно-монодийных форм музыкального самовыражения народов Севера велись многими отечественными учеными (Э.Е.Алексеев, И.В.Бродский, В.В.Мазепус и др.). Статья финских музыковедов М.Йоусте и Я.Ниеми посвящена выработке таких подходов на музыке коренных народов северной Евразии: скандинавских саамов и родственных финно-уграм самодийцев (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы). Исходя из характера музыкального интонирования, основанного на принципах аддитивности, авторы предлагают исследовать напевы в непосредственной взаимосвязи со структурой языка, коррелируя традиционные методы анализа с новейшими методами компьютерного моделирования.

Цель статьи финского инструментоведа Т.Лейсие — привлечь внимание к вопросам научной терминологии, сложившейся более чем за два тысячелетия осмысления музыкального творчества. После анализа многих терминологических разночтений автор приходит к выводу, что современное музыкознание нуждается в универсальном аналитическом аппарате.

В тематике второго направления, основательно разрабатываемой в статьях сборника, отражен круг актуальных для музыкознания вопросов, связанных с анализом структурно-стилевых основ отдельных жанровых видов творчества народов региона, с описанием локальных традиций.

Содержательные статьи Н.Ю.Альмеевой «О музыкальном воплощении татарского байта (введение в изучение проблем)» и «Песенная традиция пестречинских кряшен (бассейн р.Мёши)» освещают татарское творчество в двух формах его бытования. Первая статья посвящена жанру рукописной эпической традиции — байту, «знаковому явлению татарской культуры». Автор впервые (байтом в основном занимались филологи) выявила музыкально-интонационную основу жанра, характер его функционирования и исполнительской культуры, особенности структуры мелодической строфы и формы ее выражения во временных (ритмических) и звуковысотных компонентах. С музыкальной точки зрения байт определяется автором как стилистически неоднородная «жанровая сфера», вобравшая в себя «явления различного стадиального происхождения». Другая статья — результат многолетнего полевого обследования и теоретического осмысления проблемы музыкальной традиции одной из этнографических групп народа: крещеных татар — кряшен. В анализируемом ареале автором освещены особенности обрядового мелоса, его сходства и отличия от локальных традиций других кряшен.

Татарская проблематика сборника продолжена статьей Э.Р.Каюмовой «Автономность ритмического клише в песнях казанских татар». В ней на опубликованном материале (Р.Исхакова-Вамба, А.Ключарев, М.Нигмедзянов, З.Сайдашева, Ж.Файзи) выделяются типовые ритмические формулы песен с коротким стихом.

Структурные особенности песенного стиха, константная несмыслонесущая лексика и ее роль в координации поэтического текста и напева рассматриваются в статье Е.Б.Вершининой «О ритмике песенных текстов традиционного южно-удмуртского фольклора: уровень координации стиха и напева».

Проблемам изучения жанров традиционной музыки посвящены статьи Р.А.Чураковой «Бортничьи песни в удмуртской фольклорной традиции», И.М.Нуриевой и Е.В.Поповой «Арафа крезь в бессермянской песенной традиции», Д.Н.Гнатюк «О ладомелоди-

ческих особенностях свадебных причитаний мордвы-эрзи Присурья», С.В.Стародубцевой ««Цикличность» в русской хороводной традиции Камско-Вятского междуречья». Наряду с новейшими данными о функционировании жанров, форм их взаимодействия с другими жанрами местной традиции, описании мелодико-стилевых особенностей особое внимание авторы обращают на исполнительскую манеру интонирования произведений.

Проблематика марийского народного творчества в сборнике нашла отражение в двух небольших статьях инструментоведов. С наблюдениями об особенностях исполнения марийских плясовых наигрышей на гармонике выступил В.Н.Горбунов в статье «Инструментальное наследие прибельских марийских гармонистов (к проблеме изучения инструментальных стилей)». О.М.Герасимов в своей статье «Народная хореография мари (заинтересованные наблюдения этномузыколога)» поднимает вопрос о необходимости изучения народной хореографии.

Помимо научных статей в сборнике имеется раздел «Обзоры и рецензии». Современное состояние музыкальной фольклористики в Удмуртии рассмотрено в обзоре Н.И.Бояркина. М.Г.Кондратьев рецензирует монографию И.М.Нуриевой «Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: проблемы культурного контекста и традиционного мышления» (Ижевск, 1999), автор которой и сам выступил рецензентом сборника венгерских исследователей: Vikar L., Bereczcki G. Votyak Folksongs. Budapest, 1989.

Ценное качество сборника и подлинное его украшение — содержащиеся во многих статьях нотации новейших звукозаписей произведений народной музыки, которые не только наглядно подтверждают выводы и обобщения авторов, но являются значительным вкладом в источниковедение науки. Знакомство с этими образцами, в значительном числе — шедеврами народной музыки, интересно не только для ученых, но и композиторов и исполнителей, всех, кто интересуется судьбами народной музыки.

Д.Н.ГНАТЮК,
музыковед
(г.Казань)

БОГАТОВА О.А. Гармонизация межэтнических отношений в региональном социуме. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. — 340 с.

В работе осуществлена попытка комплексного анализа проблем гармонизации межэтнических отношений, выявления факторов, способствующих установлению и поддержанию межнационального согласия и сотрудничества в полиэтническом регионе, основанного на данных социологических исследований, проводившихся с 1991 по 2003 гг.

Для ученых, специалистов в области межнациональных отношений, студентов, аспирантов, преподавателей, всех интересующихся проблемами современного общества.

МОКШИНА Е.Н. Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX — начале XXI в. / МГУ им. Н.П.Огарева. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. — 248 с.

В монографии на основе обширного этнографического и этносоциологического материала анализируется религиозная жизнь мордовского народа с середины XIX в. до наших дней.

Для этнографов, историков, религиоведов, культурологов, краеведов, студентов гуманитарных специальностей и всех интересующихся проблемами этнокультурного развития народов.

Политология: Учебник / Автор. коллектив: Д.В.Доленко, И.В.Бахлов, М.П.Глебочкин и др. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Дело, 2003. — 424 с.

В учебнике дается характеристика политологии как науки, освещаются традиционные и новые проблемы развития отечественной и зарубежной политической мысли, теории политики, власти, политической системы, процесса и т.д. Впервые осуществлена попытка анализа политических процессов через призму территориальной организации общества.

Для студентов высших учебных заведений, изучающих политологию, а также всех интересующихся современной политической теорией.

ПИСАЧКИН В.А., ПОВЕРИНОВ И.Е. Паблик рилейшнз: Введение в специальность «Связи с общественностью»: Учеб. пособие. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. — 160 с.

Учебное пособие представляет собой вводный курс учебной дисциплины «Связи с общественностью». Оно составлено на основе государственных образовательных стандартов и рассматривает историю возникновения, теоретические истоки, нормоценностную регуляцию и сферы применения паблик рилейшнз.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, исследователей и практических специалистов, работающих в области связей с общественностью.

Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть: Сб. ст. / РАНИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл.; Отв. ред. Н.Ю.Лапина. — М., 2003. — 172 с.

Статьи, представленные в сборнике, анализируют наиболее актуальные вопросы развития российских регионов, рассматривают проблемы региональной и национальной идентичности, изменения экономического, социального и политического пространства России, трансформации региональной власти. Для всех интересующихся современными проблемами российских регионов.

Городская семья в начале третьего тысячелетия: социологический анализ / М-во труда и занятости РМ, Науч. центр соц.-экон. мониторинга РМ. — Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2004. — 44 с.

В работе на основе данных социологического исследования представлен анализ современного состояния городской семьи, ее социально-экономического положения, проблем и перспектив развития семьи, а также гендерный подход к анализу современной городской семьи.

ABSTRACTS

E.M.Primakov. The Year 2003 — the Results, 2004 — the Beginning.

M.M.Kurmanov, E.B.Sultanov. Legislative Body of Regional State Power and Legislative System of the Russian Federation.

Federal Legislation, altered and supplemented in connection with judicial reform, laws of the Russian Federation constituent entities on the Order of designation members of Board of judges of the Russian Federation constituent entities, election (designation) of justices of the peace, participation of legislative (representative) bodies of the Russian Federation constituent entities in legal procedures on declaring constitutions (charters) and other normative documents of the Russian Federation constituent entities contradicting the Federal Legislation are under analysis in the article.

The Country Cannot Follow the Principle of Patchy State.
Interview with Vice-Premier V.Yakovlev.

S.L.Bekhterev. Formation of Presidential Institute in the Udmurtian Republic.

Interests of different population groups, representatives of federal, republic bodies of state and municipal powers, their place and role in reforming system of governing, formation of civil society are highlighted.

R.N.Kaukina. History of Development of Municipal Self-Government in Russia in the End of XVIII — Beginning of XIX Centuries.

The process of the development of municipal self-government in Russia, its structure and functions as well as the volume of its competence are analysed in the article.

A.A.Golubev. Integration Processes in Regional Economy in the Conditions of Non-Stable Management Environment.

Major factors, determining the scope and speed of integration processes in the economy of Russia, are under analysis in the article.

I.V.Arzhenovsky. Regional Network and Regional Economic Policy: Perspectives for Interaction.

Essence and types of regional networks are described in the article, perspectives for their development in the process of implementing economic policy of Russia are analysed.

V.V.Mitrokhin. Perspectives for Development of Regional Bank Systems.

Possible ways for increase in efficiency of regional bank systems functioning are analysed in the article.

A.N.Chaplina. Town Consumer Market Management.

Stages of town consumer market management are analysed in the article. Algorithms for its assumption as well as methods for social and economic sustainability assumption are represented.

Z.L.Garipova. Modern Regional Credit Policy in the Dwelling Market.

The article is devoted to the research of the reasons for actability of regions in determination and implementation of policy in the market of dwellings, inadequate distribution of powers between regions and the centre in the formation of national programme of mortgage lending as well as to the

analysis of forms, kinds, methods, instruments, institutional bases for mortgage housing programmes, their periodisation.

O.V.Buresh. Aspects of Prognostication of Regional Transport Complex Development.

Peculiarities of the Orenburg Oblast transport complex, problems of its development prognostication in the conditions of market economy are considered in the article.

M.V.Scroshtan, G.A.Bunich. Perspectives for the Development of Transport Tourism in Russia.

Present state of tourism in Russia, structure of the tourist product and perspectives for the development of consumer's co-operation in the sphere of tourism are analysed in the article.

S.N.Zakharova, V.A.Kutusov. Problems of State Regulation and Support of Polygraphic Branch.

An attempt to analyse major trends of state support granted to polygraphic branch in the conditions of the market economy is made.

Higher Education Management — New Objectives.

Interview with Head of the Department of higher professional education of the Ministry of Education of Russia Mz. L.A. Kravtsova.

E.M.Bely, I.B.Romanova. Strategic Innovations in the Regional University.

Strategic innovations, allowing a regional university to increase efficiency of its activities in the market conditions: modernisation of the university product policy; decentralisation of the university management; development of strategic planning of the university activities; expansion of the university social partnership and business as corporative consumer of educational services are considered in the article.

V.A.Kretinin. System of Personnel Training, Adapted to Requirements of Regional Labour Market.

The points of training of high-qualified personnel of all levels as well as working professions are highlighted in the article. Characteristics of training of stuff of primary professional education in the Vladimir Oblast are presented. Basis for formation and fulfilment of branch order for training and increase in personnel qualification is represented.

N.B.Pugacheva. Interaction between School and Education Management Bodies.

Positive and negative aspects of interaction between compulsory schools of Udmurtia with education management bodies of the region are analysed in the article.

V.R.Stepanov. Forms of Integration of Scientific and Production Potential in the Conditions of the Development of Science and Technologies.

The analysis of trends and forms of interaction of scientific institutions and industrial companies are presented in the article. Methods for implementation of achievements of theoretical and experimental engineering ideas into mass production are highlighted. The comparison of American and domestic methods of this process is made, specificity of foreign and Russian models is traced. Data on organisation of scientific research and application of their results in

the industrial sectors of autonomous republics of the Volga-Vyatka economic region are used. Special attention is paid to functioning of university science and its relation to production.

O.A.Ragimova. Stratification Processes in Formation of Social Health of Children, Aged 7—8, in Saransk.

Qualitative characteristics of social health of first-form children are analysed in the article. Dynamics of social health and influence of modern stratification processes on it are highlighted.

Ya.G.Nikolaeva. Peculiarities of Vital Activities of Broken City Families in the Chuvashi Republic.

In the article on the basis of applied research the analysis of different aspects of vital activities of broken city families in Chuvashia is conducted.

O.A.Bogatova. Mechanisms for Harmonisation of Inter-Ethnic Relations in Regional Socium.

Basing on the results of applied sociological research in the article an attempt to distinguish mechanisms for harmonisation of inter-national relations in the Republic of Mordovia is made.

I.M.Velm. Role of Nature-Climatic and Socially-Historic Factors in Formation of Mentality.

Nature-climatic and socially-historic factors which influenced the formation of mentality of the Udmurt people are analysed in the article.

I.E.Ilyin. Tolerance of Inter-Ethnic Relations of Rural Districts of Chuvashia.

On the results of sociological research inter-national relations in the rural socium of the region are analysed in the article. Some aspects of inter-ethnic relations in the republic, directly influencing the formation of regional national policy, are considered.

A.Yu.Tikhonova. Cartographic Method in the History of Culture of a Region.

The possibility and necessity for studying the development of culture of the region with application of cartographic method are analysed in the article. Some examples of using maps in publications dated by XIX—XX centuries are presented. The author's cartographic interpretation of the results of population census of 1897 relatively one of cultural phenomenon — education, is represented.

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-публицистический журнал

Учредители — Министерство образования Российской Федерации, Министерство промышленности, науки и технологий Российской Федерации, Правительство Республики Мордовия и Государственное научное учреждение «Научно-исследовательский институт регионологии при Мордовском государственном университете имени Н.П.Огарева».

Темы журнала — процессы, происходящие в регионах в области экономической, социальной, политической и духовной жизни, проблемы федеративного устройства нашего государства, взаимоотношения федеральных и региональных структур власти, региональная политика в научно-технической сфере, образовании и культуре.

Объем журнала — 10 п.л.

Мы выходим ежеквартально.

Подписка на журнал принимается во всех отделениях связи без ограничения по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» «Газеты и журналы».

Подписная цена на 2-е полугодие 2004 г. — 100 руб.

Индекс журнала **73335**

Журнал распространяется по подписке, часть тиража — бесплатно.

Технические редакторы *Т.Т.Алыкова, Е.Н.Маскаева*
Макет *И.А.Пакшиной*
Перевод аннотаций *С.И.Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г.
Сдано в набор 12.01.2004. Подписано в печать 11.02.2004. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Jurnal. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 13,59.
Тираж 1000 экз. Заказ № 834.

Адрес редакции: 430000 г. Саранск, ул. Б.Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии.
Тел. (834-2) 47-44-51, 48-07-00; факс (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@rri.moris.ru
Интернет: www.delmor.ru/base/region/default.htm

Набрано в НИИ регионологии при Мордовском университете.
430000 г. Саранск, ул. Б.Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в ГП Республиканская типография «Красный Октябрь».
430000 г. Саранск, ул. Советская, 55а.

АВТОРАМ

* Статья, представляемая в редакцию, должна соответствовать профилю журнала. Объем статей — до 12 м. с., рецензий — до 6 м. с. Все материалы должны быть помещены на дискете, а также представлены в распечатанном виде. Примечания приводятся в конце. При цитировании и ссылке на те или иные источники необходимо указывать фамилию автора, название книги, место, год издания и конкретные страницы.

* В аннотации (8—10 строк) просим Вас кратко изложить содержание статьи.

* Рукописи рецензируются.

* В авторской справке необходимо указать Ваши фамилию, имя, отчество (полностью), **дату и год рождения**, ученую степень и звание, должность, место работы, домашний адрес, телефон, а также **паспортные данные** (номер, серия, кем и когда выдан), **номер страхового свидетельства пенсионного страхования** и **ИНН**. Просим выслать **фотографию**.